

А. Шубин

Уроки Великой депрессии

Когда десять лет назад мы писали, что в ближайшее десятилетие планету ждет новая Великая депрессия¹, нам отвечали — это нереально. Либеральная экономическая наука учла уроки, отработала механизмы, предусмотрела... Что же, за экономическую науку пусть отвечают экономисты, а лично я рассуждаю, как историк. Мы уже видели то, что наблюдаем в начале XXI века.

20-е годы. Время расцвета мировой экономики, где доминируют предприниматели Запада. Предыдущая глобализация. В эпоху глобализации и в 20-е, и в 90-е гг. мировой порядок многим казался незыблемым, вечным. «Конец истории». Экономисты рассуждали о мощи западной экономики, которая неизменно справляется с временными трудностями, о необходимости повсеместного распространения «нормальных» экономических отношений — наиболее благоприятных для транснациональных корпораций. Капиталистическая экономика росла, и казалось, что этому росту не будет конца. В крайнем случае, он может замедляться и ускоряться. Люди мечтали о новых материальных благах, надеялись, что им выпало жить в эпоху процветания и мира. Эта иллюзия стала рушиться 24 октября 1929 г., когда началась паника на Нью-йоркской фондовой бирже. Волны этой финансовой катастрофы охватили весь мир, погрузили в нищету миллионы людей, и уже через десятилетие последствия депрессии привели мир к новой мировой войне.

Уроки этой катастрофы необходимо помнить. История не всегда повторяется как фарс. Иногда — как новая трагедия.

Глава I

Крах

Волны и пузыри

Когда утихли потрясения, связанные с Первой мировой войной и революционной волной 1917–1923 гг., в странах Западной Европы и США начался бум — резкий рост деловой активности. Прямо как в 90-е гг., после окончания «Холодной войны». Процветание казалось бесконечным. К концу десятилетия промышленное производство во Франции выросло почти на 40 % по сравнению с довоенным, а в США — более чем на 20 %. Скромнее были успехи Великобритании — ей удалось только восстановить довоенный уровень производства. Экономические успехи США и Франции позволили оказать помощь Германии, экономика которой была раздавлена Мировой войной и ее последствиями. Но и во время экономического подъема многочисленные отрасли в отдельных странах Запада находились в кризисе или отставали в развитии. Эта неравномерность «бума» — тревожная черта и 90-х гг.

В принципе и до 1929 г. было очевидно, что подъем экономической конъюнктуры и производства через какое-то время сменится спадом. Рыночное хозяйство развивается волнообразно. С разной периодичностью происходят кризисы той или иной глубины. Длительные волны конъюнктуры исследовал Н. Д. Кондратьев, теперь они носят его имя.

---

¹ Забелин С., Шубин А. Глобальный кризис начала XXI века. Западная цивилизация идет по стопам СССР. // «Независимая газета». Октябрь, 14. (№ 191). НГ-Сценарии № 10. 1998. С.7.

Отличая «свои» волны от более коротких, Кондратьев писал: «При этом мы считаем необходимым различать малые циклы (подъем, кризис, депрессия), захватывающие около 7-11 лет, и большие циклы, захватывающие от 40 до 50 лет»². Н. Д. Кондратьев признает, что при построении модели длительных волн «мы игнорировали факт существования средних циклов и других колебаний конъюнктуры, которые значительно осложняют ход больших циклов»³. Такое упрощение существенно ослабило кондратьевскую модель и, в частности, привело его к выводу, что в 1920 г. начинается устойчивое понижение волны. А наступил «бум». Кризис 1920–1921 гг. оказался точкой перелома экономической динамики «к лучшему», но, как мы увидим — прямым предвестником более страшного кризиса 1929 г.

Чтобы понять, как развиваются экономические «волны», необходимо устранить «грубость» модели Кондратьева. Это помогают сделать наблюдения М. Кожаринова. Изучая те же графики, что и Кондратьев, Кожаринов отмечает, что «средние» циклы связаны с более длительными кондратьевскими волнами⁴. Они «поражают» середину «повышательной» и «понижательной» фаз кондратьевского цикла, и, таким образом, волна приобретает более сложную, но достаточно гармоничную «трехгорбую» форму: 1) малая подъемная волна, завершаемая кризисом подъемной фазы, 2) пик большой волны (завершение подъема, максимум подъема, начало спада), который завершается кризисом ниспадающей фазы, 3) ниспадающая волна, завершающаяся кризисом, минимумом длинной волны. При этом ниспадающая волна тоже имеет свой максимум и может восприниматься современниками как «бум». Так и было после кризиса ниспадающей фазы 1920–1921 гг. до Великой депрессии 1929–1933 гг. Точкой перелома в такой схеме является максимум (конъюнктура времен Первой мировой войны), а следующий за ним кризис (в нашем случае — кризис 1920–1921 гг.) — «ямой» на пути от максимума к минимуму.

При этом М. Кожаринов предположил, что существует связь между троичной структурой кондратьевской волны и фрактальными циклами исторического развития, описание которых было предложено автором этой книги⁵. Возможно, исследование этой связи открывает ключ к поиску причин кондратьевских волн и еще более крупных «броделевских» волн в механизме более общей социальной эволюции.

Культурное и технологическое развитие создает новые потребности и возможности их удовлетворения. Но новые технологии могут долгое время оставаться невостребованными, так как требуется общественный заказ на технологии, а он зависит от изменений социальной структуры. Она создает стимулы для внедрения изобретений, которые пока лежали «под спудом». С появлением в жизни людей новых предметов и услуг они становятся частью новых рынков, которые сначала быстро растут. Распространение новинок влечет развитие рынков сырья для их производства и

---

² Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М., 2002. С.37.

³ Там же, С.397.

⁴ Кожаринов М. Попутный ветер будет завтра. М., 1999. С. 79–80.

⁵ Кожаринов М. Указ. соч. С. 128–131;

Шубин А. В. Гармония истории. М., 1992; Уточненную версию периодической теории общественного развития см.: Шубин А. Ритмы истории. Периодическая теория общественного развития. М., 1996;

fibusta.net/b/301499 (действующая ссылка поставлена по указанию автора — прим. fb2)

эксплуатации, комплекующих, соответствующей инфраструктуры и т. д. Востребовав один предмет, общество выписывает путевку в жизнь и другим. Спрос на автомобиль порождает и рынок автомасел, спрос на компьютер — и рынок компьютерных игр. Подъем начала века, существенно трансформированный мировой войной, был связан с переходом к системе, получившей название «империализм»⁶, а затем — к так называемому «массовому обществу», когда широчайшие массы в странах Запада стали приобщаться к тем видам потребления, которые в начале этой кондратьевской волны были привилегией элиты. Лозунгом этого этапа истории потребления стало: «Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения». Отныне на Западе электричество и двигатель внутреннего сгорания стали достоянием миллионов, которые расплачивались за это потогонной системой и давкой городов.

Грань XX и XXI вв. имеет свой «мотор» конъюнктуры — виртуальное потребительское пространство, основанное на цифровых технологиях, коммуникациях нового поколения и сетевых социальных структурах. Емкость рынка меняется в связи с войнами, таможенной политикой и политическими катаклизмами. Бум 20-х гг. начался после военно-политических потрясений 1914–1923 гг. Бум 90-х — после распада СССР и «социалистической системы». При этом каждый рынок имеет свои пределы роста. Когда те, у кого хватает на это денег, освоили продукт — новый рынок исчерпан. Время ажиотажа давно позади, впереди кризис, новая переоценка потребительских ценностей. Н. Д. Кондратьев пишет, что «можно говорить в рассматриваемую эпоху о насыщении потребностей в масштабе мирового хозяйства»⁷.

При этом уже могут быть сделаны изобретения, которые позволяют создать новую новинку. Но проблема в том, что каждому предмету — свое время, предмет вписывается в определенный стиль жизни, определенные общественные отношения, для его массового производства нужны не индивидуальные, а массовые запросы, целая программа внедрения. Поэтому научно-технические революции связаны с социальными переменами. Мануфактурная специализация создала потребность в паровом двигателе. Эпоха империализма предоставила Западу неограниченные (на тот момент) запасы нефти и породила двигатель внутреннего сгорания, необходимый для новых вооружений и транспорта. Империализм создал социальную базу для технической революции конца XIX века, которая вызвала подъем потребительской волны, пиком которой стала Первая мировая война с ее сверх-потреблением ресурсов, перемалываемых на полях сражений. Она была временем не только разрушений и бойни, но и мирового ажиотажа, искусственного потребления, связанного с военным производством, государственными закупками тут же уничтожаемых ресурсов. Поэтому после кризиса 1920–1921 гг., который обеспечил перестройку мировой экономики на мирные рельсы, начался новый «бум». Разрушения войны после ее окончания стимулировали спрос — нужно было восстанавливать развалины вдоль линии фронта. В середине 20-х гг. «экономический бум» набрал собственную инерцию, связанную с возникновением т. н. массового общества. К концу 20-х гг. этот подъем затянулся, и ожидалось плавное завершение «бума» 20-х гг.

Когда возможности социальной системы «империализма» и емкость рынка волны 90-х—20-х гг. были исчерпаны, не мог не начаться тяжелейший кризис. Ибо кризис —

---

⁶ Подробнее см. Шубин А. В. Социализм: «золотой век» теории. М., 2007. С. 555–570.

⁷ Кондратьев Н. Д. Указ соч. С.269.

это переналадка экономико-технологической структуры индустриального общества под новые задачи, под новые потребности общества, обусловленные социально-культурным развитием и структурой общества, в которой каждая ниша имеет свои потребности и возможности их удовлетворения.

Индустриальное общество инерционно, оно не может гибко менять направление развития. Рынки массовых товаров заужены в силу неравномерности распределения его благ руководящей элитой. Экономическую моду диктует слой людей, почти оторванный от массовых потребностей, живущий в собственной элитарной среде, лишенный прогностических навыков, склонный к продолжению «проверенных» путей, которые уже принесли процветание данному бизнесмену или чиновнику. Творческий подход к меняющейся ситуации, тревожные предупреждения интеллектуалов, глухое отчуждение и протесты недопотребляющих слоев не принимаются в расчет. Пока гром не грянул, нет императивного мотива на отвлечение средств для дорогостоящей переналадки производства, в такие периоды на это решаются лишь наиболее дальновидные представители элиты — исключения из правил.

Старые потребности насыщаются, старые задачи выполнены, а технологии и мысль «капитанов индустрии» продолжают работать в прежнем направлении. Наступает перепроизводство, нарастают диспропорции. Скорость и издержки развития общества зависят от его способности не только обеспечивать экономический рост, удовлетворяющий старые потребности, но и быстро находить новые, формировать социально-технологические структуры, готовые к выполнению новых задач. В 1929 г. этого не наблюдалось. Не наблюдается и теперь.

Поскольку кризис, начавшийся в 1929 г., завершал кондратьевскую волну эпохи «империализма», возможности этой социальной структуры были исчерпаны. Преодоление такого «межэпохального» кризиса могло быть достигнуто только переходом к новой социально-технологической структуре в нескольких ведущих странах мира. Пока этого не произойдет, мир был обречен на разгул кризиса. Мы увидим, что прекращение Великой депрессии будет связано с концом эпохи стихийного капитализма и переходом к широкомасштабному государственному регулированию экономики, связанному с формированием ВПК.

*

Но еще в 1928 г. в столицах Запада социально-экономическая ситуация казалась благополучной. Экономисты господствовавшей тогда либеральной «неоклассической» школы представляли себе рынок чем-то вроде «идеального газа», состоящего из фирм-молекул. Любое нарушение равновесия в банке с таким газом должно было вести к тому, что «молекулы», потолкавшись, автоматически восстановили бы равновесие. Ситуация зависела от объема банки, все процессы должны были развиваться плавно. Экономическая мысль начала XX в. считала «кризис обычным, но не необходимым моментом в смене конъюнктур из повышательных к понижительным», тем более, что в начале века «такие переломы, как известно, потеряли былую остроту, лишились тех элементов паники, катастрофичности в движении конъюнктур, какими были так богаты переломы в первой половине XIX века»⁸. Причиной относительного благополучия начала века была подъемная фаза длительной кондратьевской волны, на фоне которой смягчались менее интенсивные колебания. Но могло показаться, что свою благотворную роль играет монополистическая фаза капитализма, регулирующая

---

⁸ Там же. С.263.

роль трестов. Последующие события, однако, подтвердили правоту критиков монополистического капитализма. Он усилил не планомерность, а неустойчивость.

Производство принадлежит относительно узкой группе собственников, и это неизбежно ведет к монополизации рынка. Собственник обладает властью над производством совершенно независимо от того, занят ли он в производственном процессе. Не работники и не инженеры, а суверенный и абсолютный монарх производства — собственник, решает, куда будет направлена энергия работников. Власть собственника произвольно объединяет самые разные производства, оказавшиеся волею коммерческой игры под его скипетром. Вместо молекул «идеального газа» получаются огромные сложные молекулы-монополии, которые цепляются друг за друга, ведут друг против друга войну на уничтожение. Какое уж тут равновесие.

Демократия, которая хотя бы на словах признана необходимостью в области политики, полностью запрещена в области экономики. Индустриальная организация труда склонна к тоталитаризму. Идеальный работник должен быть инструментом менеджера, четко выполнять указания, а не рассуждать. «Ты начальник — я дурак». Но эти «дураки» — большинство потребителей. Нарушение обратной связи в такой системе дестабилизирует рынок. Ведь в «идеальном рынке», который автоматически восстанавливает равновесие, молекулы должны иметь сопоставимую «массу», воля потребителей должна уравновешивать волю производителей, решения должны приниматься в соответствии с объективными требованиями потребителя, который накажет предпринимателя за отклонение от своих требований. В реальном монополизирующемся рынке решения принимает небольшая группа собственников, а расплачиваются за них работники и потребители. По заключению экономиста Д. К. Гэлбрейта, «к 1930-м годам тезис о существовании конкуренции между многими фирмами, которые неизбежно являются мелкими и выступают на каждом рынке, стал несостоятельным»⁹. Из-за монополизации, концентрации власти над производством в руках финансовой олигархии, собственники частных империй оторвались от экономической реальности. Эта проблема усугублялась все сильнее из-за противоречия между процессами, развивающимися в реальном производстве и в финансовой сфере. Операции с бумагами обеспечивают переливы ресурсов между производствами, обеспечивая господство капитала над ними. При этом концентрация капитала (образование так называемых «монополий» или «олигополий») опережала реальную концентрацию производства, образовывалось множество искусственных связей между производствами, которые были вызваны к жизни не столько производственной необходимостью, сколько произволом собственника, его финансовой игрой. Создание финансово-промышленных «империй», построенных по образцу государства, бюрократизация бизнеса изнутри, делало экономику все менее гибкой, все более неустойчивой.

Поскольку финансовые операции имеют самостоятельную логику и структуру, они зависят от положения дел в производстве опосредованно. Производство уже может сталкиваться с трудностями при сбыте своих продуктов, его завтрашние прибыли под угрозой, а бумаги корпорации, которой это производство принадлежит, могут расти в цене за счет привлечения все нового капитала со стороны. Если акции будут падать, от них будут избавляться, и собственники корпорации понесут потери. Чтобы не

---

⁹ Гэлбрейт Д. К. Экономические теории и цели общества. М., 1976. С.40.

допустить этого, необходимо искусственно поддерживать цены на акции. Так возникает эффект, во многом напоминающий «пирамиду» — процветание компании зависит не от реальных успехов ее производства, а от ее способности привлечь средства, от рекламы акций.

Кстати, 90-е гг. и начало XXI в. добавило к этой картине новые черты. Это и новый, планетарный размах финансовых пирамид, и способность значительной части населения зоны процветания жить в долг. Не случайно кризис 2008 г. начался с ипотеки. Это не значит, вопреки наивным рассуждениям телевизионных голов, что в кризисе 2008 г. «виновата американская ипотека». Кризис носит глобальный характер и в этом качестве был неизбежен. Причиной кризиса стало исчерпание возможностей роста виртуально-коммуникативного сектора конца 90-х гг. Но когда эти возможности были исчерпаны, глобальная экономика продолжала спекулятивный рост. Ипотека стала одной из его форм. Средние слои покупают жилье по ипотеке в расчете на завтрашние доходы. Например, от продаж компьютерных игр. А новые игры в таких количествах уже не нужны...

Кредиты когда-то надо отдавать, акционерам нужно выплачивать дивиденды. Выстраивая пирамиду, руководители крупного бизнеса надеялись, что в дальнейшем им удастся найти новые рынки или иные возможности преодолеть «временные трудности».

*

Если в древности все дороги вели в Рим, то в 20-е гг. XX в. все финансовые пути глобальной экономики вели в Нью-Йорк, на Уолл-стрит. Забастовки в Бомбее и Лондоне, финансовые переговоры в Гааге и Берлине, хлебные поставки СССР и Аргентины — все отражалось на котировках Нью-йоркской фондовой биржи. Дело в том, что США были крупнейшим кредитором и крупнейшей промышленной державой того времени.

Промышленное производство США превосходило показатели Великобритании, Франции, Германии, Италии и Японии вместе взятых. В 1921–1928 гг. США инвестировали за границей 8,5 миллиарда долларов, что ставило экономику множества стран в зависимость от состояния дел на Уолл-стрите.

Америка была раем для финансистов. В 1924–1927 гг. здесь существовали самые низкие, самые выгодные для финансовых операций учетные ставки кредита в 3–4% (в Британии, например, 4,5–5%). Это обеспечивало мировой приток капитала и неслыханный размах стихийных финансовых операций. Бум и отсутствие контроля над частным капиталом привели к росту финансовых спекуляций и афер еще до того, как производство стало подходить к пределам роста. Многочисленные фонды и банки были неустойчивы. Время от времени они лопались, оставляя клиентов без средств. Причастные к аферам банковские и государственные служащие иногда кончали жизнь самоубийством. Но эти громкие скандалы не убеждали собственников капитала в том, что опасность, связанная с неустойчивостью «свободного капитализма», серьезна. Казалось, что частные провалы банковских структур не угрожают финансовой системе в целом.

По мере насыщения рынка товарами все больше капиталов уходило в финансовый рынок, где «рост» (уже фиктивный) продолжался. Это оттягивало падение, но делало ситуацию все более катастрофической. При этом либеральная идеология «монетаризма» дезориентировала финансистов, аналитиков и политиков. Ведь денежная инфляция была остановлена, в этом отношении «все было хорошо».

Экономические показатели воспринимались как «реальные», в то время как происходил иллюзорный финансовый рост.

В иллюзорном мире финансов нарастали цепочки структур, зарабатывающих на процентах от доходов друг друга. Предприятиями владели компании, которые выпускали в оборот акции. Их скупали другие компании, которые выпускали свои акции и другие ценные бумаги (их часть уже не была обеспечена производством реальных ценностей). Банки и даже государственный Федеральный резерв кредитовали эти операции. Можно было сделать деньги из ничего, просто взяв кредит, купив на него постоянно растущие ценные бумаги и затем продав их. Цена бумаг по закону «пирамиды» должна была постоянно расти — иначе никто не будет вкладывать в них свои деньги, и бумага обесценится. Ведь за ней не было реальной стоимости. 40 % акций покупалось в кредит. Эти кредиты собирались отдавать из будущих прибылей. А если прибылей не будет? Это означало разорение не только самих игроков в акции, но и кредиторов-банкиров. Но беда финансистов была и трагедией страны. Паралич банковской системы в условиях частно-капиталистической экономики означал и паралич производства.

Забавно, как сегодня телевизионные цепные псы капитализма успокаивают российского зрителя: не нужно бояться падения акций фондовой биржи — это просто бумажки, «воздух». Верно, это бумажки, но без них не может работать Система, которую вы защищаете. Пока вы защищаете священное право частной собственности, эти бумажки нужны экономике как воздух. Представьте себе матросов, задыхающихся в отсеке подводной лодки, которых по радио успокаивает замполит: «не волнуйтесь, это всего лишь воздух».

Противоядием против болезней свободного рынка обычно считают государственное регулирование. Это не совсем точно — чиновничья бюрократия не более компетентна, чем бюрократия корпораций и толпы спекулянтов. Важно, что делает государство. Администрация президента Гувера и чиновники Федеральной резервной системы США пытались противостоять надвигающемуся кризису, но делали это в полном соответствии со священными принципами либерализма — вкачивали кредиты в корпорации. В. А. Гидирим, который считает главным объяснением краха 1929 г. «неразумные экономические мероприятия государства» (что, конечно же, преувеличение — причины, как мы видели, лежали глубже), так комментирует государственные меры: «Во-первых, Федеральная резервная система, отвечающая за контроль над ростом денег и кредита, предприняла в 1927 г. меры по увеличению денежной и кредитной эмиссии именно тогда, когда экономические показатели обещали спад. Это была первая попытка противостоять экономическому циклу за все 30 лет существования ФРС. Поначалу казалось, что с помощью кредитной эмиссии (объем кредитования увеличился в несколько раз) удастся избежать спада. И, несмотря на короткое оживление начала 1929 г, основная часть всех кредитов досталась рынку ценных бумаг: ушла на биржевые спекуляции»¹⁰. В эту же точку были брошены финансовые ресурсы США и России в 2008 г. То есть, вместо того, чтобы лечить болезнь — снижать разрыв между объемами финансовых спекуляций и реальным объемом рынка, государство вкачало средства не в потребителя, а в частный капитал, поощрив усиление спекуляций. В начале 1929 г. пагубность этого подхода

стала проясняться, и в феврале ФРС прекратила прямое кредитование финансовых спекуляций. Для спекулянтов это стало сигналом для увода средств из ценных бумаг. Финансовый пузырь достиг максимума.

«У меня нет опасений за будущее нашей страны. Оно светится надеждой»¹¹, — заявил при вступлении в должность в марте 1929 г. президент Гувер. Но именно в это время цены бумаг Уолл-стрита качнулись вниз. Государственное регулирование Гувера и дальше будет проводиться в рамках либеральных догматов. Конечно, «лечение» этого «доктора» не может быть «главным объяснением» болезни, но оно явно способствовало ее обострению и длительности.

Между тем крупнейшие финансовые олигархи начали чувствовать угрозу, но их социальная роль заставляла действовать в собственных интересах, спасти себя, дестабилизируя рынок. Если верить одному из крупнейших американских финансистов Д. Кеннеди, для него сигналом к уводу средств с рынка стал разговор чистильщиков обуви, обсуждавших, в какие акции вложить деньги. Кеннеди решил, что рынок, «на котором могут играть все и который могут предсказывать чистильщики обуви, для него не является рынком»¹². Расширение числа вкладчиков создавало опору капиталистическим порядкам, но лишь до тех пор, пока не началась паника.

Количество людей, участвовавших в купле-продаже акций, выросло до 1,5 миллионов. Возникла масса, чрезвычайно подверженная панике. Панику могла вызвать массированная продажа акций. Финансовый капитал способен уйти из неперспективной компании немедленно (что невозможно в реальном производстве, где капитал — это материальные объекты). Когда хозяйство подходит к пределам своего роста, разрастание финансового рынка становится искусственным. Все создают иллюзию, что их-то компания «растет». Никто не хочет первым «ступить на землю Трои», на губительную почву кризиса. Все продолжают грести, все глубже зарываясь носом корабля в песок. Искусственный пузырь становится все больше. Когда он лопнет, производство будет парализовано, потому что обмен между предприятиями регулируется как раз этим пузырем. За день до катастрофы миллионы работников не знают, что они производят лишнюю продукцию и сами являются лишними.

Резкого падения котировок не ожидалось. «Вползание» в кризис 1920–1921 гг. было постепенным. В 1929 г. психологически никто не был готов к внезапному обвалу. Также, как десятилетие спустя все будут ожидать от Гитлера медленного начала войны, а он будет проводить блицкриг. Психологическая неготовность к началу экономической катастрофы была преддверием неготовности к военной катастрофе. Ни элита, ни массы не были готовы к катастрофическому развитию событий.

Но ситуация 1929 г. была значительно хуже, чем в 1920 г. Во-первых, после Первой мировой войны рынок мог относительно быстро перестроиться с военных заказов на восстановление разрушенного войной. Быстро возникли новые потребности, конъюнктура улучшилась. Теперь такой быстрой перестройки на новые задачи не предвиделось, рынок вычерпывал последние возможности. Во-вторых, и это было даже серьезней, продолжалась «понижательная», ниспадающая фаза кондратьевской волны. Для того, чтобы она сменилась «повышательной», подъемной фазой, общество должно было перестроиться, выдвинуть новые задачи, сформировать

---

¹¹ Cit: Schlesinger A. M. The Crisis of the Old Order, The Age of Roosevelt. Boston, 1957. P.155.

¹² Whalen R. J. The Founding Father: The Story of Joseph P. Kennedy. NY., 1964. P.105.

новые потребности. Нужен был переход к новой фазе индустриального общества (глубже этого может оказаться разве что межформационный переход — не он ли ждет нас в первой трети XXI века?). А пока стихийный капиталистический рынок клонился к закату. В-третьих, финансисты не могли смириться с ниспадающей тенденцией и искусственно поддерживали ее своими спекулятивными играми, что создавало эффект мыльного пузыря. Акции были крайне переоценены. При росте промышленного производства США в 1926–1929 гг. на 8,1 % стоимость обычных акций выросла на 93 %. Так что падение 1929 г. неминуемо должно было стать резким и глубоким.

После первых тревожных сбоев на американском финансовом рынке в марте 1929 г. влиятельные либеральные аналитики призвали сохранять спокойствие — экономика достигла максимума, на котором на время остановится. Так бы и было, если бы котировки соответствовали реальному соотношению спроса и предложения. Индекс Доу Джонса в марте-апреле 1929 г. действительно на короткое время достиг плато на отметке 300–350. Но это было равнозначно катастрофе, так как большинство финансовых структур могло существовать только при условии роста. Поэтому были предприняты меры для последнего искусственного рывка до уровня 381 в сентябре. За это время можно было вывести из «пирамиды» часть средств, вложив их в недвижимость и реальные ресурсы. Разумеется, так поступили лишь наиболее проницательные собеседники чистильщиков обуви. А ведущие экономисты еще в октябре разъясняли, глядя на графики: «Биржевые цены достигли уровня, который похож на постоянно высокое плато»¹³.

Мировой рынок достиг насыщения довольно быстро, так как покупательная способность населения, особенно вне Европы и Америки, росла очень медленно, и населению не требовалось столько благ, сколько производилось «мировой фабрикой» стран Запада. Даже в США покупательная способность фермеров росла очень медленно — «просперити» 20-х годов их практически не коснулось. Любой экономический сбой мог привести к массовому разорению фермеров. Стагнация американского сельского хозяйства исподволь отравляла финансовую систему США. В 1921–1930 гг. разорилось 7000 банков с вкладами 2,6 млрд. долл., но на эту ситуацию обращали мало внимания. Среди пораженных структур преобладали небольшие «деревенские» банки, расположенные в сельских районах, тесно связанные с производством зерна, которое было трудно предсказуемым. Разорение сельских банков делало всю финансовую систему еще менее устойчивой, так как теперь кредитование сельского хозяйства осуществлялось крупными неустойчивыми структурами, плохо представлявшими себе бедственное положение села. Особенно опасным для фермеров и их кредиторов было усиление конкуренции на мировом рынке. Но мировые финансовые биржи не могли учитывать эти тревожные тенденции, поскольку были заняты искусственными операциями с акциями и ценными бумагами. Классики либерализма, такие как Л. Мизес и Ф. Хайек, даже считали кредитную политику в США главной, если не единственной причиной краха. Однако такой «флюс» в объяснении, игнорирующий другие, более глубинные факторы, привел их к важной ошибке — недооценке мирового характера кризиса. Причина кризиса в том,

---

¹³ Цит. по: Бум, крах и будущее: анализ австрийской школы. М., 2002. С.175. В наше время А. Шварц пытается защитить эту же позицию, доказывая, что прогноз был верным, но при условии, если бы не произошло падение производства (Там же, С.208). Одна беда — финансовый допинг как раз и оттягивал момент падения производства. Падение производства просто не могло не произойти, и затяжка с этим процессом лишь усугубляла последовавшую за крахом депрессию производства.

что неправильную политику проводит Америка (эту иллюзию разделяют и многие российские государственные мужи и их информационная прислуга). Хайек считал, что американский крах даже приведет к выздоровлению экономики Европы¹⁴. Даже прогноз Коминтерна был точнее.

Финансово-экономическая катастрофа была неизбежна и вызвана глубокими причинами, крившимися в структуре олигархической капиталистической экономики. К тому же действовали факторы внешнего давления на западную экономику, которые приблизили срок краха и способствовали углублению всемирной депрессии.

Важно понять, почему крах произошел именно осенью 1929 г., а не годом раньше или позднее. Какая разница? — возможно, спросите Вы. Очень большая. От стартовой точки октября 1929 г. расходятся волны последствий, которые определяют сложную борьбу народов, государств, политических лидеров вплоть до столкновения Второй мировой войны. Если бы время начала Великой депрессии было иным, иной была бы и расстановка сил в последующих кризисах, иным был бы фон мировых событий и их результаты.

Когда «пузырь» раздут до предела, бывает достаточно незначительного «укола иголкой», чтобы начались необратимые процессы. Испытывала ли глобальная экономика толчки «извне»? Какие иглы вонзались в мировой экономический «пузырь»?

В 1928–1929 гг. Великобритания и ее доминионы ощутили серьезные финансовые трудности. В сентябре 1929 г. рухнул консорциум Хэтри. Британские финансисты срочно нуждались в средствах. Свои проблемы они переложили на американцев, начав массированную продажу американских акций. «Эти продажи, конечно, не имели бы столь губительных характеристик, если бы американский рынок не был загроможден краткосрочными кредитами, с помощью которых правительство и банки США уже много месяцев пытались поддержать зашатавшееся благосостояние страны»¹⁵. Итак, неустойчивая финансовая система США была обрушена неустойчивостью экономики Великобритании. А что обострило проблемы туманного Альбиона? Здесь сошлись и общие проблемы союзников по Антанте, которые Франция сумела переложить на Великобританию, своевременно проведя девальвацию франка (снижение курса валюты улучшило экспортные позиции страны), и проблемы в колониях, и начавшееся падение мировых цен на сырье. Если бы ведущие страны Запада находились на подъеме, они легко справились бы с этими трудностями. Но в условиях, когда кризис «назрел и перезрел», даже незначительное давление могло запустить цепную реакцию краха. А в условиях Великой депрессии эти проблемы стали нарастать уже как снежный ком. Чтобы лучше понять завязку драмы, остановимся на мировой политической ситуации, которая сложилась в результате Первой мировой войны.

«Мировая цивилизация» и «варвары»

К началу XX века возникла мировая цивилизация, основанная на гегемонии стран Запада. При всех разногласиях внутри западной «ойкумены» (говоря языком древних греков), она бдительно охраняли свое мировое господство. Но если есть «ойкумена»,

---

¹⁴ Бум, крах и будущее: анализ австрийской школы. С. 188–189. Любопытно, что и в конце века специалисты Гарвардского и Йельского университетов пытаются реабилитировать своих учителей, доказав, что Великая депрессия была непредсказуемой (Там же, С. 206–207).

¹⁵ Тибо П. Эпоха диктатур. 1918–1947. М., 1998. С.96.

должны быть и «варвары», которые не подчиняются законам «мирового сообщества».

«Правила игры», которыми пользовалось «мировое сообщество» в 20-х — начале 30-х гг., определялись итогами Первой мировой войны и были закреплены в Версальских соглашениях 1919 г. Версальский договор определял границы Европы после войны. От Германии отторгались Эльзас и Лотарингия в пользу Франции. На востоке Германия расчленялась — восстановленной Польше возвращался выход к Балтийскому морю. Все германские колонии отходили к Великобритании, Франции и Японии. Наряду с бывшими османскими провинциями они объявлялись подмандатными территориями. Лига наций — организация большинства суверенных государств, как бы передавала их на время в управление европейцам и японцам. Временный характер приобретений был введен по настоянию США. Они выступали против колониальной системы, ограничивавшей их торговлю.

Проигравшая в войне Германия должна была заплатить 132 миллиарда золотых марок, более половины которых доставались Франции. Германия не могла иметь армию свыше 100 тысяч человек, военно-морской флот, танки и авиацию.

В 1919–1923 гг. были подписаны договоры с союзниками Германии. Вместе с Версальским договором эти соглашения привели к переделу Восточной Европы и составили Версальскую систему. Важнейшей структурой этой системы стала Лига наций. Ее устав предусматривал отказ от войны и наказание агрессора. Ежегодно созывалась Ассамблея Лиги наций, которая обсуждала все международные вопросы, постоянно работал Совет Лиги. Но большинство народов не входили в Лигу, так как находились в колониальной зависимости. Несмотря на то, что проект Лиги наций предложил президент США Вудро Вильсон, сами США так и не вступили в нее.

В Лигу наций не вошел и СССР, коммунистические лидеры которого считали ее орудием империалистов.

Хотя в 20-е гг. СССР был официально признан ведущими странами Европы, он оставался очагом коммунистического движения, угрожавшего остальным правительствам мира. Коммунистические партии всех стран еще в 1919 г. объединились в Коминтерн — централизованную организацию, которая не скрывала своих намерений совершить революцию во всем мире. Официально Коминтерн отказывался от «экспорта революции», от навязывания своей воли народам вооруженной силой. Но по каналам Коминтерна оказывалась помощь партиям, которые готовились к свержению «контрреволюционных» правительств вооруженным путем. После неудач попыток Коминтерна организовать революции в Германии в 1923 г. и в Эстонии в 1924 г. его лидеры отказались от фронтальной атаки на капитализм. Направление удара изменилось — Коминтерн и СССР стали оказывать активную поддержку лидерам национальной революции в Китае, которая с новой силой вспыхнула в 1925 г. Таким образом, с самого начала существования Версальского мирового порядка он подвергался атакам извне. Но до поры до времени Версальская «ойкумена» была сильнее «варваров».

Версальская система основывалась как на передовых правовых достижениях (стремление к отказу от войны, решение всех вопросов путем многосторонних переговоров, право народов на самоопределение — в далекой перспективе), так и на праве грубой силы победителей в Первой мировой войне. Это закладывало под систему международных отношений «мину замедленного действия». Германия была унижена и разорена, немецкий народ разделен новыми границами. Это создавало в стране благоприятные условия для прихода к власти политиков, стремящихся к

реваншу. С Германией сближались другие проигравшие страны — Австрия, Венгрия и др. Недовольны были также некоторые победители. Италия и Япония получили меньше, чем им было обещано, и чувствовали себя обделенными. Новые государства, границы которых еще не устоялись, тоже планировали передел Восточной Европы. Колониальные народы, население которых сражалось в армиях Антанты, ничего не получили от войны. Принцип самоопределения на них не распространялся. Лидирующие позиции в Лиге наций занимали колониальные державы, и поэтому «подмандатные территории» Лиги, переданные Великобритании, Франции и Японии, почти ничем не отличались от колоний.

Из недостатков Версальской системы обычно выводят ее крушение и катастрофическое развитие событий ко Второй мировой войне. Не будем обманываться: Версальская система могла прожить гораздо дольше и быть реформирована со временем, если бы не последствия Великой депрессии, если бы не исход событий социально-политической истории. Международное право вообще редко определяет направление событий, лишь фиксируя соотношение реальных сил.

Неоплатный долг

Когда националистические настроения в странах-победительницах стали утихать, их правительства осознали, что потребовали от побежденных слишком много. Политики поняли опасность реваншизма и надеялись ослабить протест побежденных небольшими уступками. В 1923 г. Германии был передан оккупированный французами Рурский угольный район. В 1925 г. были заключены Локарнские соглашения ведущих европейских государств, в которых гарантировались западные границы Германии и демилитаризованный статус зоны вдоль реки Рейн, разделяющей Германию и Францию. Характерно, что Германия отказалась гарантировать нерушимость своих восточных и южных границ с Польшей, Чехословакией и Австрией.

После этого в 1926 г. Германия была принята в Лигу наций как постоянный член ее Совета, то есть как великая держава. И все-таки эти уступки были явно недостаточными, чтобы преодолеть чувство национального унижения немцев. На почве недовольства Версалем Германия уже в 1922 г. сблизилась с СССР. На территории СССР (наряду с Австрией и Швейцарией) осваивались запрещенные для Германии виды военной техники.

Становилось очевидно, что Германия не в состоянии выплачивать репарации, которые буквально душат ее экономику. Либо Германию ждет постоянная экономическая депрессия, возможная революция, либо нужно смягчить репарационное бремя. Мировые финансовые круги были обеспокоены и экономическим застоем в Германии, хозяйство которой страдало от гнета репараций. Чтобы расплачиваться, Германии пришлось все глубже увязать в новых долгах. Только американцы одолжили немцам 2,5 млрд. долл., и эти долги хотели вернуть в срок. Поэтому те американцы, которые одолжили деньги немцам, стали инициаторами снижения репараций. В 1924 г. был принят план, разработанный американским финансистом Ч. Дауэсом, по которому снижались размеры ежегодных выплат со стороны Германии. Ей предоставлялся крупный кредит. Однако по плану Дауэса Германия должна была постепенно наращивать выплаты с 1 млрд. до 2,5 млрд. в год в 1929 г. Когда подошли сроки, выяснилось, что Германия все еще не в состоянии выплатить такую огромную сумму. В феврале-июне 1929 г. работал Комитет экспертов по проблеме репараций. Председательствовавший на нем представитель США О. Юнг предложил план, названный его именем. По плану Юнга размеры ежегодных платежей Германии

снижались на 20 %, и при этом она могла в случае острой необходимости заморозить выплаты. Срок выплаты репараций продлевался до 1988 г. Либеральные экономисты были уверены в устойчивости существующих социально-экономических отношений на столь долгий срок. Как наивны такие надежды.

Хотя план Юнга был утвержден в январе 1930 г. и начал действовать в декабре 1930 г., но уже после его выдвижения 7 июня 1929 г. и предварительного одобрения на конференции в Гааге 31 августа 1929 г. мировым финансовым кругам пришлось пересматривать свои планы. Западноевропейские банкиры рассчитывали на поступление репараций с Германии, и запланированное в августе снижение выплат больно било по их и без того напряженным бюджетам. Выяснилось, что это касается и американцев. Европейцы были должны американцам (одновременно, как мы видели, британские финансисты вкладывали средства в американские фирмы). Репарационные выплаты Германии шли на погашение военных долгов стран Антанты перед своим союзником США, которые были взяты во время Первой мировой войны — около 10 млрд. долл. — огромные деньги по тем временам. Конечно, все вместе боролись против Германии в те грозные годы, но экономические потери европейцев были больше, и они наделали долгов. К 1932 г. европейцы вернули 2,6 млрд., причем 2 млрд. как раз за счет репараций. Если сегодня Германия будет платить меньше, то где взять средства, чтобы рассчитаться с бывшим союзником? А США рассчитывали на приток этих средств, на эти доходы завтрашнего дня. Уже после введения плана Дауэса британские и французские финансисты стали прозрачно намекать американским партнерам — не худо было бы соответствующим образом снизить долги военных времен. В 1923–1926 гг. в связи с введением плана Дауэса американцы согласились увеличить сроки выплат и снизить проценты по военным долгам. Во время переговоров по плану Юнга британцы и французы стали настаивать на необходимости снизить их долги, раз уж снижаются выплаты по репарациям. Для выполнения своих финансовых обязательств просто негде было взять денег. Но США не уступали. Тем не менее, многим финансистам стало ясно, что выгодное экономическое предприятие Версальской системы близко к банкротству, выплата репараций и связанных с ними военных долгов США под угрозой. Следовательно, нужно уводить средства из этого рынка.

В особенно тяжелом положении в это время оказалась Великобритания. Она вовсе не случайно пыталась оттянуть введение плана Юнга. По британской экономике, а через нее, как мы видели, по американским компаниям и по всей системе глобального рынка, был нанесен удар из Азии. Произошло это как раз в 1928–1931 гг.

Пробужденная Азия

Состояние мирового рынка зависело (да и сейчас зависит) от способности стран Запада контролировать Азию. Несмотря на относительную бедность большинства жителей этой части света, она является самой населенной. Этот рынок колоссален, и способность освоить его предоставляет глобальной экономике новые резервы роста. Конечно, азиаты в массе своей не могли обзаводиться автомобилями. Но зато им были необходимы, например, ткани и металлические инструменты. К тому же Азия — огромный источник ресурсов. Соответственно, и вытеснение «империалистов» из Азии может нанести по глобальной экономике тяжелый удар. Глобализация 90-х гг. — начала XXI в. держалась так долго не только благодаря отсутствию контр-силы СССР, но и потому, что «социалистический» Китай глубоко интегрировался в мировой рынок.

В 20-е гг. тот же результат был достигнут после революции и гражданской войны 1925–1928 гг. Китай, объединенный под руководством генерала Чан Кайши, хоть и не был тогда «фабрикой мира», как теперь, но превратился в емкий рынок и важный источник сырья. Если бы не победа Чан Кайши в 1927–1928 гг., Великая депрессия случилась бы раньше. Но — не намного.

Все-таки Китаю еще предстояло восстановить разрушенное хозяйство, добиться социально-политической стабилизации. Объединение Китая могло стать стабилизирующим фактором мирового рынка постепенно, во всяком случае — не за несколько месяцев. А вот разрушительный удар по мировому рынку, сводящий на нет успех в Китае, мог быть нанесен быстрее. Он пришел из глубин другого азиатского гиганта — Индии.

В 1928–1931 гг. в Индии развернулась кампания гражданского неповиновения. Этот удар перекрыл стабилизирующий эффект объединения Китая, потому что был направлен именно против торговли стран Запада.

Лидером движения против британских колонизаторов в Индии стал Мохандас Карамчанд Ганди, прозванный Махатмой — великой душой.

Ганди выступал за то, чтобы борьба против британского колониализма велась безо всякого насилия, так как политическая философия Махатмы основывалась на принципе ахимсы-ненасилия. Кампанию 1919–1922 гг. Ганди прекратил после того, как узнал, что разгоряченные борьбой индусы убили несколько англичан.

Поражение кампании гражданского неповиновения 1919–1922 гг. не означало конца борьбы. Менялась лишь ее форма. Теперь движение вступило в фазу «конструктивной работы». Ганди уже давно говорил о том, что индусы вполне могут обойтись без английской экономики и тем самым решили бы множество своих социальных проблем. Необходимо переориентировать индийский рынок на индийские же товары и бойкотировать иностранные товары (кампания «свадеш»). Это нанесет колонизаторам болезненный удар, но даст работу миллионам соотечественников. Начинается кампания за прядение тканей («кхади»), в которые одеваются миллионы патриотически настроенных людей. Ганди считал, что значительная часть потребительских товаров может производиться кустарно, без строительства крупных промышленных предприятий. В первой половине XX века, в эпоху всеобщего увлечения индустриализацией, эта мысль выглядела наивно. И только в наше время, когда потребительское общество вступило в прямой конфликт с природой, когда цивилизации грозит ресурсный кризис, скептицизм Ганди по поводу индустриализации становится более понятен. Ганди не был противником техники как таковой: «Никто не противостоит машинам. Мы выступаем против злоупотребления ими и их чрезмерного использования»¹⁶. В Индии в то время миллионы людей подражали своему вождю, обматывая тела домотканым полотном. «Мы поставили себе целью одеваться лишь в ткани, сделанные собственными руками. Поэтому прежде всего мы перестали пользоваться фабричными тканями»¹⁷, — вспоминал Ганди о решении, которое они приняли в своем ашраме, общине единомышленников. Пока это был выбор небольшой группы людей. Но если бы он распространился на десятки миллионов индийцев, удар по мировой торговле был бы весьма ощутим.

---

¹⁶ The Collected Works of Mahatma Gandhi. V. XXXVII. Ahmadabad, 1970. P. 158.

¹⁷ Ганди М. Моя жизнь. М., 1969. С.420.

Ганди развернул широкую кампанию в поддержку кхади. Он призывал: «для каждого патриота, влюбленного в свою страну, нет другого выхода из состояния своей полной бесполезности, кроме пропаганды кхади»¹⁸. Уже в 1928 г. Ганди мог подтвердить, что производство кхади — важный экономический фактор. В 1925 г. за десять месяцев было произведено 7,3 млн. ярдов ткани, а за тот же период к январю 1928 г. — уже 10,3 млн. ярдов. И кампания в поддержку кхади продолжала нарастать.

Ненасильственное сопротивление для Ганди становится не только методом достижения свободы, но и путем построения нового общества, и критерием того, готовы ли люди к свободе. По его мнению, «власть государства вытекает единственно из его способности к наказанию. Те личности, которые изгнали из себя страх перед этим наказанием, без насильственного противодействия власти государства, действуют так, будто его нет, и всегда побеждают»¹⁹.

Большое влияние на социальную программу Ганди оказали взгляды Д. Раскина и Л. Толстого. Под их воздействием Махатма эволюционировал к умеренному анархизму и социализму. «Только ненасильственные, любящие истину и чистосердечные социалисты смогут установить социалистическое общество в Индии и во всем мире»²⁰, — писал он позднее. Ганди не разделял популярной в странах Третьего мира (а ныне и в России) уверенности в преимуществах именно национального капитала: «Глупо полагать, что индийский Рокфеллер будет лучше американского Рокфеллера»²¹.

Ганди не боится бросить вызов западной цивилизации в целом. В отношении этой цивилизации он, представитель древней индийской культуры — «варвар», который предсказывает гибель новому «Риму»: «Цивилизация стремится к увеличению комфорта для людей, но, к несчастью, она терпит позорную неудачу даже в этом... Эта цивилизация такова, что она разрушится сама собой, нужно только иметь терпение»²². Возможно, Ганди оказался прозорливее многих своих современников и даже потомков. Ганди видит и экономические основания приближающейся катастрофы: «Массовое производство без одновременного массового распределения может привести только к великой мировой трагедии»²³.

В отношении западной политической системы Ганди высказывался весьма сурово: «Западная демократия в том виде, в каком она функционирует сегодня, — это разбавленный нацизм или фашизм. В лучшем случае она просто плащ, прикрывающий нацистские и фашистские тенденции империализма». Он является противником любого «насильственного государства»: «Государство представляет насилие в концентрированной и организованной форме. У отдельной личности есть душа, но так как государство — бездушная машина, его никогда не удастся отделить от насилия,

---

¹⁸ The Collected Works... V. XXXVII. P. 302.

¹⁹ Ibid. P. 190.

²⁰ Цит. по: Мартышин О. В. Политические взгляды Мохандаса Карамчанда Ганди. М., 1970. С.260.

²¹ Ганди М. Указ. соч. С.449.

²² Там же, С.443.

²³ Цит. по Мартышин О. В. Ук. соч. С.140.

которому оно обязано своим существованием». «Государство приносит величайший вред человечеству разрушением личности, являющейся основой всякого прогресса»²⁴. Ганди мечтал о федерации духовных общин, о широчайшем самоуправлении как фундаменте общественного устройства. Если мы думаем об обществе, которое сможет ответить на глобальные вызовы начала XXI века, то Ганди — нужный собеседник.

К 1928 г. Ганди считал, что силы движения восстановлены. Колонизаторы сами предоставили повод для новой кампании. В Индию прибыла комиссия Саймона, которая должна была решить, можно ли расширять полномочия органов самоуправления. На требования включить в комиссию индийцев последовал отказ. 3 февраля 1928 г., в день прибытия комиссии в Индию, Ганди объявил хартал — всеобщую забастовку, сопровождавшуюся траурными демонстрациями. Ни избиения, ни аресты не позволяли очистить улицы от демонстрантов. В апреле-октябре 1928 г. в Бомбее развернулась забастовка текстильщиков. Волнения перекинулись в сельскую местность, где крестьяне прекратили платить налоги. Колонизаторам пришлось пойти на уступки, снизив налогообложение. Ганди объявил курс на независимость страны — последние иллюзии по поводу благотворности английского присутствия в Индии развеялись. Он постоянно перемещался по стране на поезде и пешком, выступал на митингах, вел переговоры с английскими чиновниками, мусульманскими и индуистскими лидерами. Только к концу 1928 г. колонизаторы получили передышку, но лидеры ИНК и прежде всего Ганди обещали вскоре начать новую кампанию, если Индия не получит хотя бы статус доминиона. Агитация против приобретения иностранных товаров и вовсе не прекращалась. Все больше индийцев «выпадали» из глобального рынка. «Мода» на национальные ткани, охватившая десятки миллионов людей, стала фактором международной торговли.

Внешнеторговый оборот Индии в 1929 г. составлял 5,7 миллиардов рупий, то есть 427 миллионов фунтов стерлингов. Такова была «цена вопроса» в случае с индийским национальным движением. Эти обороты оказались под угрозой, хотя Ганди не удалось полностью подорвать британскую торговлю в Индии. Национальное движение и начавшийся экономический кризис привели к падению оборота до 2,9 млрд. рупий в 1931 г. и до 2,5 млрд. в 1933 г.

Хлопчатобумажная продукция, по которой Ганди наносил основной удар, составляла более четверти индийского импорта, занимая первое место в его структуре. При этом 20 % экспорта составляет хлопок, который перерабатывался в метрополии и возвращался в Индию в виде готовой одежды и тканей. Индийское национально-освободительное движение вышибало из-под мирового финансового пузыря именно этот товаропоток, делая ресурсную опору британской экономики еще уже. И это — не единственный результат индийских волнений.

Индия занимала заметное место и в мировом производстве сырья и сельскохозяйственной продукции: 40 % сбора чая (15 % индийского экспорта), почти весь мировой сбор джута (25 % экспорта), 60 % сбора риса, 15 % сбора хлопка. Постоянные волнения, начавшиеся в Индии с 1928 г., дестабилизировали и этот сырьевой рынок.

Покачнув мировой рынок хлопчатобумажных тканей, джута и чая, Ганди предложил своему народу относительно безболезненный путь спасения в условиях неизбежного кризиса западной цивилизации — максимально возможное

---

²⁴ Там же, С. 200–201.

самообеспечение. Последователи Ганди подготовились к кризису раньше и лучше других жителей планеты, вовлеченных в глобальный рынок.

Азия бурлила. Азия не хотела играть по правилам глобального рынка. И этим она приближала кризис. Впрочем, в этом приближении была и положительная сторона — чем сильнее раздувался финансовый пузырь, тем разрушительнее могли быть последствия краха.

Волнения в Индии и неспособность Германии платить по репарациям вели к обострению финансовых проблем Великобритании и неустойчивости мирового рынка ресурсов и товаров легкой промышленности. Возможно, и на этот раз глобальная экономика выкрутилась бы, оттянув свой крах на год или несколько месяцев, используя также временное замирение Китая. Но тут в «пузырь» вонзилась еще одна «игла» — в СССР начался «Великий перелом».

Тупик НЭПа

VI Конгресс Коминтерна в 1928 г. предсказал, что период стабилизации капитализма заканчивается, и наступает новый, «третий период» кризиса капитализма, революций и войн. В итоге советская власть должна была победить еще в нескольких странах. Через год начало Великой депрессии показало, что это предсказание о кризисе капитализма было пророческим. СССР стал одним из факторов, который мог спровоцировать начало кризиса и способствовал его углублению и затягиванию. Как мы увидим — вопреки воле советского руководства, которое формально делало ставку именно на этот кризис в своем революционном проекте...

Чтобы понять, почему коммунисты не воспользовались Великой депрессией для «разжигания революции», и как эта депрессия связана с СССР, нам нужно обратиться к проблемам, которые в конце 20-х гг. переживал Советский Союз.

А переживал он кризис Новой Экономической Политики. НЭП остался в исторической памяти как некий «рыночный социализм». Однако в это время в СССР еще не было «ни грана социализма» (выражаясь словами Маркса), а рыночные отношения распространялись прежде всего на отношения государства и крестьянства. Государство получало с крестьян налог и выкупало продовольствие, стимулируя товарное хозяйство, поддерживая приемлемый (для обеспечения социальной стабильности) уровень жизни в городах и накапливая средства для строительства новых промышленных предприятий.

Государство продолжало удерживать «ключевые высоты» экономики — большую часть тяжелой промышленности и транспорт. Формально государственные предприятия переходили на рыночные отношения. Они объединялись в тресты, которые должны были реализовывать свою продукцию на рынке.

Отсутствие жесткой границы между частной и государственной собственностью создавало широкие возможности для коррупции — ситуация, типичная для бюрократического капитализма. Экономическое руководство государственными предприятиями как правило было неэффективно, но правительство не давало обанкротиться трестам, предоставляя им дотации. Получалось, что за счет налогов с крестьян оплачивалась некомпетентность государственной бюрократии и предприимчивость нэпманов.

Государство с помощью налогов регулировало рыночное хозяйство, а с помощью командно-административных методов — оставшуюся в его руках крупную промышленность. Тресты, не говоря уж о предприятиях, не могли сами решать, как и что производить, не были свободны в выборе смежников. Ленинградский историк,

проанализировав документы, пишет: «...обыденные представления о безбрежной свободе частного предпринимательства в период нэпа не совсем точны. Если отдел губсовнархоза имел право утверждать или не утверждать программу работы частного предприятия (в том числе арендованного), то, следовательно, он держал в своих руках административный рычаг управления частной промышленностью, имел возможность включать в план всей ленинградской индустрии те объемы и ту номенклатуру, которую в виде программы обязан был представлять частный предприниматель»²⁵. В городе частные предприятия действовали преимущественно в легкой промышленности, где занимали 11 % рабочих и производили 45 % товаров. В других отраслях частный сектор был представлен гораздо слабее.

Сила частного капитала была не в производстве, а в посредничестве, торговле, поскольку государственно-бюрократическое распределение не справлялось с этой задачей. Но внешние формы «буржуазности» были очень заметны. Снова стали работать дорогие рестораны, на улицах появились модно одетые люди, звучала легкая музыка. «Рынок» проявил себя не в производстве, а в неравномерности распределения. Монополизм государственных трестов обеспечивал их господство над потребителями промышленной продукции, а сектор частной собственности — широкие возможности для злоупотреблений чиновников, перекладывавших часть государственных средств в частные карманы. Эта модель коррупции будет возрождена в период Перестройки и доживет до нашего времени. Очевидно, это имеет мало общего и с рынком, и с социализмом.

Вся экономическая система НЭПа держалась на монополизме, который опирался на политическую монополию компартии. Компетентность управленца была не столь уж важна по сравнению с его «проверенностью», принадлежностью к компартии и, что немаловажно, незамешанностью в ее фракциях. Таков был итог революции и гражданской войны — монополия коммунистов на власть гарантировала курс на создание коммунизма. Правда, пока страдала эффективность управления.

Из всех лозунгов, с которыми жители России поднимались против империи и сражались на фронтах гражданской войны, было выполнено только одно требование. Крестьяне получили землю и теперь, после отмены продовольственной разверстки, могли пользоваться новыми наделами и плодами своего труда. В 1922 г. права крестьян на землю были закреплены законом (формально земля числилась государственной, но крестьяне получили ее в бессрочное владение), а хороший урожай, выращенный поверившими новой власти крестьянами, позволил улучшить экономическое положение страны. Уменьшилось болезненное расслоение крестьян.

Модель НЭПа, как казалось, должна была уравновесить разные интересы, преодолеть образовавшиеся противоречия и вывести страну к решению важнейшей задачи: создания индустриального общества, регулируемого из единого центра — как виделся марксистам-ленинцам социализм.

Вся история НЭПа — это череда обнадеживающих коротких успехов и длительный кризисов.

В 1923–1924 гг. разразился кризис сбыта продукции. Если измерять цену промышленных товаров в пудах зерна, то цены эти выросли по сравнению с 1913 г. в 3–4 раза. Государственные тресты сбывали свою продукцию по монопольным ценам и к тому же через частных перекупщиков. Началась неизбежная в таких условиях

---

²⁵ Секушин В. И. Отторжение. НЭП командно-административная система. Ленинград. 1990. С. 24.

спекуляция — цены на промышленную продукцию быстро поползли вверх. Это привело к затовариванию — промышленные продукты были так дороги, что масса населения просто не могла их купить. Кризис сбыта 1923–1924 гг. показал, что НЭП не означал реального перехода промышленности на рыночные рельсы. А после кризиса партийные и хозяйственные органы «подтянули вожжи» управления промышленностью, оставив от рыночных отношений одну видимость. Типичными были такого рода партийные указания: «Обязать управляющего Ижорским заводом тов. Королева в течение 24 часов заключить договор с Петрообласттопом на поставку одного млн. пудов угля на следующих условиях: Ижорский завод вносит задаток в размере 10 % стоимости договора, а Областтоп предоставляет пятимесячный кредит, считая со дня подписания договора. Срок доставки указанного количества угля — два месяца»²⁶. Как видим, самостоятельность хозяйственных организаций была чисто условной.

ВСНХ (Всероссийский, затем всесоюзный совет народного хозяйства — главный орган управления государственной промышленностью) приказал трестам понизить цены. В условиях низкой эффективности производства это значило, что у трестов останется меньше средств на закупку нового оборудования. Получался замкнутый круг.

Коммунисты вступили в постоянную борьбу по поводу выхода из кризиса, преследовавшего НЭП на протяжении всей его истории²⁷.

В деревне росло перенаселение. Помещичьих земель не хватило, чтобы трудоустроить всех крестьян. Росла деревенская безработица, промышленность росла слишком медленно, чтобы откачивать излишнюю рабочую силу. Это воспроизводило бедность. Несмотря на то, что крестьянство получило землю, раздел ее на множеством мелких участков делал хозяйство маломощным. План заготовки хлеба в 1924 г. был выполнен только на 86 %. Промышленность была по-прежнему нерентабельной, и к тому же восстанавливалась медленно. В 1922 г. уровень промышленного производства составил 21 % довоенного, в 1923 г. — 30 %, 1924 г. — 39 %. И это восстановление требовало большой нагрузки на крестьян. Чтобы повысить рентабельность промышленности, председатель ВСНХ Дзержинский считал, что снизить промышленные цены можно с помощью увеличения производительности труда и всемерной экономии. Но новой техники на предприятиях не было, восстановление металлопромышленности только началось. Поэтому выполнить эти задачи можно было только за счет более интенсивной эксплуатации рабочих, жизненный уровень которых, если учесть систему социального обеспечения СССР, приблизился к довоенному. Но уровень жизни царской России, к которому теперь вернулись рабочие, был явно недостаточным для обеспечения социальной стабильности — малейшее его понижение грозило новыми социальными взрывами.

Если перед вами полные прилавки, это еще не значит, что население хорошо питается. Прилавки могут быть полны потому, что у населения нет денег, чтобы купить, что ему нужно. Уже летом 1923 г. произошли забастовки в Москве, Петрограде, Донбассе и др. местах.

Максимальные уступки, которые советское руководство могло сделать

---

²⁶ Цит. по: Секушин В. И. Указ. соч. С.67.

²⁷ Шубин А. В. Вожди и заговорщики: политическая борьба в СССР в 1920-1930-е гг. М., 2004. С. 55–195.

капитализму, последовали в 1925 г. В апреле прошли пленум ЦК и XIV конференция ВКП(б), которые приняли «правые» решения. Были снижены налоги на крестьян и цены на машины (все равно доступные только богатым хозяйствам и кооперативам), увеличены кредиты, разрешена аренда (без субаренды), ослаблен контроль за мелкой торговлей и разрешен подсобный наемный труд на селе, то есть, с точки зрения ортодоксальный марксистов — прямо капиталистические отношения. Апрельский пленум ЦК объявил задачей партии «подъем и восстановление всей массы крестьянских хозяйств на основе дальнейшего развертывания товарного оборота страны»²⁸. Впервые речь шла обо всей массе крестьян — включая и зажиточных хозяев, товарность которых была выше, чем у среднего крестьянина. Предполагалось законными экономическими методами бороться «против кулачества, связанного с деревенским ростовщичеством и кабальной эксплуатацией крестьянства». Подобные формулировки уже через три года будут клеймиться как «правый уклон». Ведь в них прямо указывалось, что кулачество можно было вытеснить только путем конкуренции (это еще кто кого вытеснит).

Казалось, судьба благоприятствовала такому курсу. Урожай 1925 г. был хорошим. И вдруг вместо оживления рыночных отношений осенью 1925 г. страну поразил товарный голод. Промышленность не могла удовлетворить потребностей крестьян, и они не стали продавать весь «лишний» хлеб. «После сбора урожая 1925 года у богатых крестьян были большие запасы хлеба. Но и у них не было никакого стимула менять его на деньги. Снижение сельскохозяйственного налога дало крестьянам послабление; снабжение промышленными товарами было скудным, покупать было почти нечего; и хотя формально был установлен твердый валютный курс, куда более заманчивым было иметь запас зерна, чем пачку банкнотов»,²⁹ — комментирует Э. Карр. И это был правильный выбор — на следующий год рубль снова стал обесцениваться.

Планы индустриального строительства и экспорта были провалены. Несовершенное бюрократическое планирование не учло потребностей в топливе. «Таким образом, стало ясно, что принятые летом планы бурного развития народного хозяйства не соответствуют финансовым, импортным, топливным, сырьевым, транспортным возможностям страны, не обеспечены в должной мере стройматериалами и квалифицированными кадрами»³⁰, — резюмирует историк Ю. Голанд. Начались споры, кто в этом виноват — Бухарин, добившийся уступок крестьянству, или руководящие хозяйством органы: СТО во главе с Каменевым или Совнарком во главе с Рыковым, которые слишком «размахнулись» в своих планах.

*

1925–1926 гг. был апогеем НЭПа. Победила политика правого большевизма, идеологом которой был Бухарин, а основным организатором — Сталин. Бухарин как бы гарантировал Сталину и стоявшему за ним партаппарату — рост крестьянских хозяйств даст государству достаточное количество средств для строительства

---

²⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.3. М., 1984. С.340.

²⁹ Карр Э. Х. Русская Революция. М., 1990. С. 89.

³⁰ Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. М., 1991. С.21.

промышленных объектов, гарантирующих экономическую независимость и военную безопасность, рост благосостояния трудящихся и укрепления авторитета партии и экономической власти государства. Но это была необоснованная утопия.

В государственном секторе, который в модели НЭПа должен был играть организующую роль, царил хаос. Бюрократический монополизм породил совершенно неэффективную систему управления. Председатель Высшего совета народного хозяйства Ф. Дзержинский писал: «Из поездки своей... я вынес твердое убеждение о непригодности в настоящее время нашей системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии, требующей от подчиненных органов всевозможных отчетов, справок, сведений..., губящей всякое живое дело и растрачивающей колоссальные средства и силы»³¹. Эта картина — естественное проявление общих закономерностей развития бюрократии, которые при прочих равных условиях предопределяют неэффективность государственного регулирования экономики. А в СССР к этим общим закономерностям добавлялся еще и низкий культурный уровень чиновничества, пренебрежительное отношение к «буржуазным специалистам» («спецам»), монополизм власти, ограничивающий критику решений государственных органов.

Государственная промышленность не могла произвести достаточное количество товаров, которые устроили бы крестьян. А крестьянин не хотел отдавать хлеб слишком дешево. В этом крылись пределы роста НЭПа — он годился как восстановительная политика, но для превышения уровня 1913 г. требовались новая техника, квалифицированное управление предприятиями либо дополнительные стимулы к труду работников. Этого коммунисты пока предложить не могли. Поэтому они не могли предложить деревне достаточного количества товаров. Поэтому не хватало хлеба и других сельских товаров, чтобы обеспечить дальнейшее развитие промышленности. Поэтому успехи НЭПа были временными, он был обречен на глубокий кризис. Довоенный уровень экономики был для него пределом роста. Официально этот уровень производства был превзойден в 1926 г., но официальная статистика уже тогда несколько преувеличивала успехи промышленности.

Поскольку хозяйство было восстановлено, коммунистическая стратегия предусматривала переход к индустриализации. Уже в 1925 г. было заложено 111 новых предприятий. Нельзя было остановиться — иначе вложенные средства просто пропали бы как недострой. Но для дальнейшего строительства катастрофически не хватало ресурсов. «Замораживание нового капитального строительства, загрузка последних неиспользованных мощностей, водка, рост косвенных налогов, трата валютных и золотых резервов, — такова плата за выход из кризиса 1925 года»³², — комментирует ситуацию историк И. Б. Орлов.

Аппетиты коммунистической элиты в 1926 г. снова оказались гораздо выше возможностей нэповской экономики. Апрельский пленум признал неудачи планирования, выразившиеся в преувеличении планов и по сбору зерна, и по экспорту, и по валютным поступлениям, и по капитальному строительству. Одно вытекало из другого — меньше хлеба — меньше строек, меньше строек — меньше техники и промышленных товаров, меньше товаров производит промышленность — меньше

---

³¹ Цит. по: «Коммунист». 1989. № 8. С.85.

³² Россия нэповская. М., 2002. С.378.

хлеба продает село. В результате — товарный голод. Всем нужны товары, но рынок не работает. Замкнутый круг.

В апреле 1926 г. уже по докладу Рыкова перспективу индустриализации обсудил Пленум ЦК. Опираясь на выводы «спецов», Рыков поддерживал идею роста промышленности по «затухающей кривой»: быстрый рост первоначально и более медленный потом, после рывка. В 30-е гг. произошло нечто подобное. Но Рыков и Бухарин надеялись, что промышленный рывок можно обеспечить, не разрушив крестьянское хозяйство. Соответственно, и масштаб роста был скромным, привязанным к заведомо медленному накоплению крестьянского хозяйства. Троцкий назвал эту идею «черепашьим шагом к социализму». Возражая Рыкову, он утверждал: «Основные хозяйственные трудности проистекают, следовательно, из того, что объем промышленности слишком мал... Было бы в корне неправильно думать, будто к социализму можно идти произвольным темпом, находясь в капиталистическом окружении»³³. То есть, по Троцкому нельзя было ставить рост промышленности в зависимость от роста крестьянского хозяйства. «Между тем движение к социализму обеспечено только в том случае, если темп развития промышленности не отстает от общего движения хозяйства, а ведет его за собой, систематически приближая страну к техническому уровню передовых капиталистических стран».³⁴ Но за счет каких ресурсов будет обеспечен этот стремительный рост промышленности? Троцкий не нашел ответа на этот вопрос. Позднее его нашел Сталин.

Троцкий был прав в том, что предложенные «спецами» и поддержанные правыми большевиками планы не позволяли обеспечить техническое перевооружение промышленности.

Дефицит техники был главной экономической проблемой, хорошо осознававшейся лидерами партии. Пленум ЦК признал, что «народное хозяйство подошло к концу восстановительного периода, использовав всю технику, доставшуюся от дореволюционного времени»³⁵. Пока нет новой техники, не может быть и новых средств производства, позволяющих качественно повысить производительность труда и преодолеть кризис НЭПа.

Технику можно было бы купить на Западе, но в 1926 г. экспорт СССР был меньше импорта — расширить покупки было не на что.

Несмотря на все эти тревожные обстоятельства XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. провозглашает курс на индустриализацию. У большевиков просто не было другого выбора. Без новой техники страна была обречена на экономическую стагнацию, новый виток социальной конфронтации и, скорее всего, превращение в страну периферийного капитализма, «Большую Мексику».

То, что планировали осуществить большевики — и Сталин, и Рыков, и Бухарин — затем делалось во многих странах «Третьего мира». Это была импортзамещающая индустриализация. Считалось, что экономика страны будет более устойчива, если она будет менее зависима от импорта. В этом предположении было много справедливого. Колебания конъюнктуры мирового рынка могут быть весьма разрушительными. НЭП

---

³³ Архив Троцкого. М., 1990. Т.1. С. 217–219.

³⁴ Там же. Т. 2. С. 14.

³⁵ КПСС в резолюциях... Т.4. С.10.

умирал в 1929 г. под первые аккорды Великой депрессии, которая больно ударила по всем странам мира. Защититься от разрушительных волн кризисов с помощью своей промышленности, которая позволит создавать собственные технологии и повысить производительность труда хозяйства — это ли не благая цель. Даже «правый» председатель Совнаркома А. И. Рыков говорил на пленуме ЦК: «Уклон получится в том случае, если мы пятилетний план составим так, что его характерной чертой будет являться импорт готовых товаров из-за границы вместо развития промышленности нашей страны»³⁶. Но страны «Третьего мира» во второй половине XX в. могли опереться на внешнюю помощь в деле модернизации (что значило попасть в зависимость либо от СССР, либо от Запада). Большевики в 20-30-е гг. могли получить технологическую помощь только от капиталистического Запада. Но за это нужно было платить либо отказом от коммунистического проекта, либо ресурсами.

Советский рывок

Кризис НЭПа назревал уже в 1926 г., но необратимый характер экономическая ситуация приобрела в 1927 г. Неустойчивая система не смогла выдержать небольшого внешнего толчка. В 1927 г. обострились отношения СССР с Великобританией и Польшей, потерпели поражение коммунисты в Китае. Ухудшение международной ситуации вызвало слухи об угрозе войны и товарную панику. Э. Карр комментирует: «В 1927 году кризис во внешних делах СССР, а также первый взрыв увлеченности планированием отвлекли внимание от аграрных проблем. Урожай, хотя и менее обильный, чем в 1926 году, был вполне удовлетворительным, и предполагалось, что хлебозаготовка как и в прошлом году, пройдет спокойно. Эта уверенность была совершенно неоправданной. По сравнению с предыдущим годом настроения изменились. Тревожная международная ситуация, разговоры о войне, об оккупации — все это беспокоило теперь и деревню. После двух урожайных лет крестьянин впервые с начала революции наконец почувствовал себя уверенно. У зажиточного крестьянина были запасы зерна и денег. Промышленные товары, которые ему могли бы понадобиться, купить было почти невозможно. Деньги опять обесценивались инфляцией; в такой неопределенной ситуации зерно оказывалось самой надежной валютой. Крестьянам, имевшим большие запасы зерна, не было никакого смысла отправлять их на рынок. Поэтому осенью 1927 года зерна сдали государству чуть не в половину меньше, чем в 1926 году... Зимой 1927/28 года в городах очереди за хлебом стали обычным делом, масло, сыр и молоко — редкостью. Государственные запасы зерна истощились»³⁷.

«Военная тревога» стала лишь спусковым крючком давно назревавшего кризиса. Уже с начала года большевистское руководство предпринимало рискованные шаги, чтобы выйти из «заколдованного круга», заставить зажиточных крестьян сдавать хлеб по более низким ценам. Государство отказалось от традиционного повышения цен весной, когда хлеб продавали владельцы крупных запасов. Считалось, что в условиях государственной монополии «кулаки» никуда не денутся и все равно продадут хлеб осенью. Но они не продали его. Крестьяне не были настолько богаты, чтобы отказываться от продовольствия, которое можно было потребить самим. Более того, они сами «регулировали» производство, снижая его в соответствии с более чем

---

³⁶ Как ломали НЭП. М., 2000. Т.3. С.52.

³⁷ Карр Э. Х. Указ. соч. С. 134–135, 138.

скромными возможностями купить что-то у города. В 1926–1927 гг. производство хлеба упало на 300 млн. пудов³⁸.

Военная тревога пройдет, а кризис останется. А вот оборонная нагрузка на бюджет будет расти, достигнув в 1928 г. размеров вложений в саму индустриализацию.

В начале 1928 г. очередная неудача хлебозаготовок поставила страну на грань голодных бунтов и окончательно убедила Сталина в том, что модель НЭПа, оправдавшая себя в короткий период 1924–1925 гг., не в состоянии дать неповоротливой индустриально-бюрократической машине достаточно средств, чтобы построить мощную индустрию. У крестьян был «лишний» хлеб, который они не могли обменять на качественные промтовары за отсутствием последних. На «просьбы» руководителей отдать хлеб добровольно крестьяне отвечали издевками. Дефицит хлебозаготовок составил около 100 миллионов пудов.

Сначала Сталин схватился за старые опробованные в Гражданскую войну военно-коммунистические методы — просто отобрать «излишки хлеба», раз их не удастся выманить рыночным путем. 6 января 1928 г. от имени Политбюро сталинский секретариат выпускает «чрезвычайные директивы» местным парторганизациям — специальные заградительные отряды блокируют хлебопроизводящие районы и отбирают хлеб. Начинает активно применяться статья 107 уголовного кодекса о «спекуляции» хлебом, под которую «подводили» и попытки реализовать хлеб рыночным путем. Сталин добился восстановления привилегий бедняков — проверенной еще в гражданскую войну опоры большевиков в борьбе с остальным крестьянством за его хлеб. Беднякам, как во время «военного коммунизма», гарантировалось 25 % конфискованного хлеба. Вместе с бойцами заградительных отрядов они ходили по дворам и показывали — где у соседей припрятано продовольствие.

14 января Политбюро утвердило это решение. Члены Политбюро лично возглавили кампанию в регионах. Сталин выехал в Сибирь. По выражению С. Коэна, «поездка „напоминала военную экспедицию“³⁹. Сталин говорил на собраниях партийно-государственного актива о необходимости применять репрессии против саботажников хлебозаготовок, а если прокуроры и судьи не готовы этого делать, то „всех негодных снять с постов и заменить честными, добросовестными советскими людьми“⁴⁰. Честный и добросовестный советский человек должен уметь карать.

„Чрезвычайные меры“ отбили у крестьян желание производить его „излишки“. Производство хлеба упало. На Украине и Северном Кавказе случившаяся следующим летом засуха и нежелание крестьян работать привели к резкому падению сбора зерна и сокращению посевов. Заготовительная кампания приводила к открытым восстаниям, которые участились весной, когда количество массовых выступлений подскочило с 36 в апреле до 185 в мае и 225 в июне. Такие выступления жестоко подавлялись, и в июле волна восстаний спала — до 93. Но крестьяне перешли к другим методам борьбы — в сентябре количество террористических актов на селе подскочило до 103 (в январе — 21) и к ноябрю

---

³⁸ Голанд Ю. Указ. соч. С.72.

³⁹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С.340.

⁴⁰ Сталин И. Соч. Т.11. С.4.

возросло до 216. В ноябре почти вдвое выросло обнаруженное ОГПУ количество листовок, распространявшихся среди крестьян против коммунистов.

Начался острый конфликт в руководстве страны. Противники сталинских методов — главный редактор „Правды“ Н. Бухарин, председатель СНК А. Рыков и руководитель профсоюзов М. Томский с февраля критиковали Сталина на заседаниях руководящих органов. Они указывали на крестьянские восстания, вспыхнувшие вслед за действиями продотрядов. Было ясно, что крестьян уже не удастся заставить врасплох, что они произведут меньше хлеба, спрячут „излишки“.

Резкие споры развернулись и по поводу планов роста промышленности. Какие темпы роста выдержит крестьянство? И как получить с него необходимые для модернизации ресурсы?

*

НЭП не „сломали“. Он „сломался“ сам. Неустойчивая была конструкция. Ситуация 1927–1928 гг. подвела развитие НЭПа к точке невозврата. Пришло время выбирать, как выходить из этого тупика, какую новую систему создавать на месте НЭПа. Либо соглашаться с лидерством на селе „крепкого хозяина“ (стольпинский путь со всеми последствиями капиталистической экспроприации крестьянства), либо всемерно поддержать самостоятельную от государства кооперацию (народнический путь). Народнический путь был близок изначальной ленинской идее НЭПа, но он не обещал быстрых результатов и был практически невозможен в условиях характерной для НЭПа всеобщей бюрократизации. Так что для создания „строга цивилизованных кооператоров“ также нужно было отказываться от сложившейся в период НЭПа социальной модели. Стольпинский путь, равно как и попытки сохранения модели НЭПа, прямиком вели к острому социальному кризису и либо падению большевиков, либо превращению их в популистскую партию, характерную для Третьего мира — когда за фасадом революционных лозунгов проводится политика периферийного, неокOLONиального капитализма.

И тогда Сталин под видом развития кооперативной идеи предложил еще один путь. Крупное сельское хозяйство необходимо, но оно должно принадлежать не сельской буржуазии, а колхозам, контролируемым партией. Сталин считал, что „нужно добиваться того, чтобы в течение ближайших трех-четырёх лет колхозы и совхозы, как сдатчики хлеба, могли дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба“⁴¹. Эти планы казались очень смелыми в начале 1928 г. и осень скромными, правоопортунистическими в конце 1929 г. Ситуация стремительно менялась.

Бухарин, не понимая замысла Сталина, возражал — коллективизация должна была быть сугубо добровольной, чтобы крестьяне трудились на коллектив лучше, чем на себя. Для этого нужна техника, которой пока нет: „Нас не вывезут колхозы, которые будут еще только „строиться“ несколько лет. Оборотного капитала и машин мы им не сможем дать сразу“⁴². Бухарину и в голову не могло прийти, что колхозы можно строить без всяких оборотных средств, волевым образом меняя социальные отношения на селе. Бухарин не знал главного сталинского секрета — крупное некапиталистическое хозяйство (колхозы) может обеспечить сдачу продовольствия государству даже без роста производительности труда.

---

⁴¹ Там же. С.5.

⁴² Советское руководство. Переписка. 1928–1941. С.38.

Сталин понимал, что крестьян — самостоятельных хозяев трудно будет заставить сдать хлеб. Опыт гражданской войны показал бесперспективность методов „военного коммунизма“. Сталин решил превратить крестьян из самостоятельных хозяев в работников крупных хозяйств, подчиненных государству. В этих „коллективных хозяйствах“ („колхозах“) крестьяне во всем подчинялись фактически назначаемым партией председателям. Руководителю колхоза можно пригрозить отдачей под суд, и он сдаст столько хлеба, сколько от него потребуют, даже если крестьянам придется после этого голодать. Официально планы ускоренной коллективизации обосновывались необходимостью повышения производительности сельскохозяйственного труда путем внедрения машин — прежде всего тракторов. Но в СССР производилось всего 1200 тракторов в год на Путиловском заводе и еще несколько десятков на других. Так что с механизацией села придется подождать. Колхозы были нужны коммунистической партии, чтобы управлять крестьянством и таким образом получить продовольствие для обеспечения строителей новых заводов, для продажи на внешнем рынке, чтобы получить средства на закупку современной технологии. Сталин предложил болезненный, но реалистичный выход из ситуации. Пользуясь аналогией левого коммуниста Л. Преображенского, он предложил взять с крестьян „дань“, провести модернизацию также, как капиталисты — силой изъять ресурсы у крестьян. Может быть, существовал другой способ модернизации, который позволял сохранить экономическую самостоятельность СССР?

Считается, что такой выход предлагал Бухарин. Он считал, что государственное плановое хозяйство и полугосударственная кооперативная организация эффективнее частного хозяйства, и смогут вытеснить его: „Постепенно, с вытеснением частных предпринимателей всевозможного типа и их частных хозяйств и по мере роста организованности и стройности хозяйства государственно-кооперативного, мы будем все более и более приближаться к социализму, т. е. к плановому хозяйству, где все принадлежит всем трудящимся и где все производство направлено на удовлетворение потребностей этих трудящихся“⁴³. То, что бюрократизированное хозяйство может так и остаться менее эффективным, чем частное, Бухарин не учитывал. В 1927 г., наблюдая очевидные сбои в системе НЭПа, Бухарин полевел, стал признавать необходимость „нажима на кулака“. Но дальнейшие сталинские действия, тяжелые последствия которых для крестьян были очевидны, вызвали у Бухарина неприятие. Может быть, он считал нужным отказаться от модернизации и развивать хозяйство эволюционным путем, как предлагали „спецы“ — народники Н. Кондратьев и А. Чаянов? Нет, Бухарин был большевиком и не боялся трудностей. Он выдвинул план преодоления кризиса НЭПа и ускоренной модернизации получше сталинской.

Повод дать идейный бой Сталину у Бухарина появился в сентябре 1928 г., когда были опубликованы контрольные цифры на грядущий хозяйственный год. Основные затраты должны были быть направлены на развитие тяжелой промышленности, на „производство средств производства“. Готовился и пятилетний план на 1928–1933 гг., в котором проводилась та же идея, но с разными темпами роста: отправной и „оптимальный“ (рассчитанный на благоприятные условия). Член президиума Госплана разъяснял: „Мы должны в артиллерийскую вилку поймать действительность, следовательно, отправной вариант должен давать недолет, оптимальный вариант

---

⁴³ Бухарин Н. И. Избранные произведения. С. 191.

должен давать перелет"⁴⁴.

Отправной план предполагал ускорить обновление промышленности по мере возможности, „оптимальный“ — построить базу новой индустрии, которая позднее позволит обновить всю промышленность. Проблема заключалась в том, что при скромных бюджетных возможностях в качественной модернизации нуждались практически все отрасли.

Председатель Госплана Г. Кржижановский показывал, что нехватка техники была связана с нехваткой машиностроительных предприятий, которые не могли строиться и работать из-за нехватки металла, который нельзя было произвести из-за нехватки электроэнергии (план ГОЭЛРО был почти выполнен, но в условиях роста промышленности электроэнергии все равно не хватало). Бухарин язвительно замечал, что фабрики планируется строить из кирпича, который еще не произведен. Началом всей цепочки были энергетика и чугун. Дальше следовали машиностроительные предприятия и транспорт.

Решено было сэкономить за счет интересов рядового потребителя — за счет легкой промышленности, производящей товары широкого потребления. Выбор между тяжелой и легкой промышленностью был стратегическим. Развитие легкой промышленности должно было предоставить товары, которые крестьяне купят. Таким образом в ходе рыночного товарооборота появятся средства для развития тяжелой промышленности, производящей технику и оборудование. Эта техника позволит модернизировать пока крайне отсталую легкую промышленность, не говоря уже о сельском хозяйстве. Такова была экономическая философия НЭПа. Но она показала свою нежизнеспособность в условиях господства коммунистической бюрократии. В 1927–1928 гг. стало ясно, что крестьянское хозяйство не дает достаточного количества товарного хлеба, чтобы решить все стоящие перед государством задачи. Нужно было выбирать — или продолжать расплывать средства между отраслями, или вложить львиную долю средств в тяжелую промышленность, то есть в базу, которая потом, позднее, позволит модернизировать все отрасли. Но лишение средств легкой промышленности в пользу тяжелой означало, что у крестьян будут не выкупать продовольствие в обмен на ширпотреб, а просто отбирать его.

30 сентября Бухарин выступил в „Правде“ со статьей „Заметки экономиста“. В ней под видом троцкизма Бухарин критиковал политику Сталина и защищал легкую промышленность, которая быстрее дает прибыль.

Бухарин признал, что лидеры партии запаздывали с осознанием новых задач, которые поставил перед страной „реконструктивный период“ (то есть модернизация промышленности). Нужно ускорить коллективизацию и создание совхозов, нужно организовать техническую базу не хуже, чем у американцев. Рассказав о первых успехах „реконструктивного периода“, Бухарин с тревогой обнаруживает, что советское хозяйство в „вогнутом зеркале“ повторяет кризисы капитализма: „там — перепроизводство, здесь — товарный голод; там спрос со стороны масс гораздо меньше предложения, здесь — этот спрос больше предложения“⁴⁵. Преодолеть эти кризисы можно, установив правильные пропорции хозяйственного развития. Эту задачу должен решить план. Но план должен соответствовать возможностям

---

⁴⁴ Индустриализация Советского Союза. Новые документы, новые факты, новые подходы. Ч.2. М., 1999. С.49.

⁴⁵ Бухарин Н. И. Избранные сочинения. С.394.

крестьянской стихии: „нельзя переоценивать планового начала и не видеть очень значительных элементов стихийности“⁴⁶. Приходится подстраиваться под стихию, в то же время направляя ее в нужное государству русло. „В своей наивности идеологи троцкизма полагают, что максимум годовой перекачки из крестьянского хозяйства в индустрию обеспечивает максимальный темп развития индустрии вообще. Но это явно неверно. Наивысший длительно темп получается при таком сочетании, когда индустрия поднимается на быстро растущем сельском хозяйстве“⁴⁷. Так прямо „наивные“ троцкисты не формулировали мысль, с которой спорит Бухарин. Но теперь именно эту идею отстаивает Сталин. Не получается быстрого роста сельского хозяйства. Не выходит на крестьянской телеге быстро догнать США. Придется пожертвовать телегой, чтобы уцепиться за подножку уходящего вперед технологического поезда XX века.

Бухарин не может открыто спорить со Сталиным, поэтому он спорит с Троцким (благо, тот уже сослан в Среднюю Азию и не может ответить в прессе). Приводя оптимистические цифры быстрого роста советской промышленности за последние годы (этот рост был преувеличен, так как не учитывал низкого качества советских товаров и искусственности ценообразования) и сравнивая их с цифрами, указывающими на стагнацию сельского хозяйства, Бухарин делает вывод: „при бурном росте индустрии... количество хлеба в стране не растет“⁴⁸, из чего вытекает задача выправить эту диспропорцию, поднимать индивидуальное крестьянское хозяйство параллельно со строительством колхозов и совхозов. Но если партия облегчит развитие индивидуального крестьянского хозяйства, то с крестьян нужно меньше брать на индустриализацию, которая, как пишет Бухарин, „есть для нас закон“⁴⁹. Средств от крестьян будем получать меньше, даже помощь им оказывать, а запросы промышленности — больше. Выход один — промышленность должна зарабатывать сама, выпуская товары, нужные потребителю. Это может сделать легкая промышленность. Бухарин критикует контрольные цифры будущей пятилетки за нехватку и потребительских товаров, и строительных материалов.

Может быть, Бухарин предлагает сэкономить на тяжелой промышленности? Ничуть не бывало. Его возмущает нарастание дефицита продукции тяжелой промышленности. „Таким образом, дефицит (дефицит!!) быстро возрастает (возрастает!!) по всем решительно категориям потребителей!“⁵⁰ Эти кричащие строки не могли не вызвать вопрос к Бухарину: раз все запросы удовлетворить нельзя, а тяжелую промышленность строить нужно, то на ком экономить или где взять средства? Но Бухарин повторяет все те же предложения, которые не удалось выполнить со времен писем Ленина: экономить, строить быстрее, не планировать того, что не построим, управлять культурно. Но не умеет бюрократия СССР управлять культурно и экономить, не умеют российские рабочие строить быстрее и притом

---

⁴⁶ Там же. С.397.

⁴⁷ Там же. С.399.

⁴⁸ Там же. С.404.

⁴⁹ Там же. С.410.

⁵⁰ Там же. С.414.

качественнее, чем в США. И не скоро научатся.

В конкретной обстановке дефицита ресурсов одновременная защита сельского хозяйства и легкой промышленности на деле была нападением на промышленность тяжелую. Курс на модернизацию хозяйства по всем направлениям, на распыление сил, уже показал свою нереальность. Модернизация невозможна без строительства машиностроительных, металлургических и других предприятий именно тяжелой промышленности.

Предложения Бухарина были заведомо нереализуемыми: ликвидировать товарный голод (то есть одновременно ускорить развитие тяжелой и легкой промышленности) и снизить нагрузку на крестьянство. Ставя перед плановыми органами такие невероятные задачи, Бухарин в то же время критикует ведомство Куйбышева, за которым стоит Сталин: „чиновники „чего изволите?“ готовы выработать какой угодно, хотя б и сверхиндустриалистический план...“⁵¹ Это — уже прямой выпад, отождествление сталинцев с троцкистами.

Сталин возмущался тем, что Бухарин с одной стороны, призывает к „переносу центра тяжести на производство средств производства“, а с другой — „обставляет капитальное строительство и капитальные вложения такими лимитами (решительное усиление легкой индустрии, предварительное устранение дефицитности... строительной промышленности, ликвидация напряженности госбюджета и т. д., и т. п.), что так и напрашивается вывод: снизить нынешний темп развития индустрии, закрыть ДнепрогЭС, притушить Свирьстрой, прекратить строительство Турксиба, не начинать строительство автомобильного завода“⁵².

*

На объединенном пленуме ЦК и ЦКК 16–23 апреля 1929 г. произошла решающая дискуссия между Бухариным и большинством ЦК, поддержавшим Сталина. Бухарин укорял своих противников за „полную идейную капитуляцию перед троцкистами“ и напоминал, что еще недавно сталинцы стояли на его, Бухарина, позициях, а иногда были и правее: „как на XV съезде Молотов критиковал меня справа за лозунг „форсированного наступления на кулака“? ... Теперешний Молотов должен исключить из партии Молотова от XV съезда...“⁵³ Но экономическая обстановка изменилась, и позиция Молотова, как и позиция Сталина не могла остаться прежней.

Сталин говорил на пленуме: «нам не всякий союз с крестьянством нужен, и нам нужен союз не со всем крестьянством, а только с его большинством, с бедняцкими и середняцкими массами, против кулака, который составляет тоже часть крестьянства»⁵⁴ Формально здесь не было разногласий с Бухариным. Но все понимали, что резкой границы между кулаком и середняком нет, и спорщики под одними и теми же словами понимают разные вещи. Как ни расставляй слова «середняк», «крестьянство», «зажиточные», «бедняки», «кулаки», а все упирается в конкретные меры, которые нужно осуществлять в сложившейся критической

---

⁵¹ Там же. С.418.

⁵² Как ломали НЭП. Т.3. С.12.

⁵³ Там же. С. 261–273.

⁵⁴ Как ломали НЭП. Т.4. С.658.

экономической ситуации. Сталин был за продолжение и усиление нажима на крестьянство. Бухарин — против: «Наши экстраординарные меры (необходимые) идейно уже превратились, переросли в новую политическую линию, отличную от линии XV съезда...»⁵⁵ — утверждал Бухарин, пытаясь отстоять свое право на ортодоксальность.

Бухарин показывает, что отказ от рынка выливается в новые колоссальные затраты на чиновничий аппарат, который будет выполнять работу рынка: «А в это же самое время „издержки аппарата“ и издержки по выкачке хлеба чрезвычайно росли, параллельно уничтожению рыночной формы связи. Накладные расходы на каждый пуд собираемого хлеба гигантски возрастали...»⁵⁶ Но без бюрократии нельзя организовать государственное регулирование рынка, которое Бухарин считал необходимым.

Понимая, что Сталин уже убедил в своей правоте большинство ЦК, Бухарин все же искал примирения на основе прежних официальных решений: «Сколько раз нужно сказать, что мы за индустриализацию, что мы за взятые темпы, что мы за представленный план?»⁵⁷ «Заметки экономиста» были забыты, Бухарин был готов отступить и дальше: «Сколько раз нужно сказать, что мы за колхозы, что мы за совхозы, что мы за великую реконструкцию, что мы за решительную борьбу против кулака, чтобы перестали на нас возводить поклепы?»⁵⁸

Экономическая ситуация поставила партию перед выбором, но Бухарин надеялся, что еще есть возможность усидеть на двух стульях: и сохранить рыночное развитие сельского хозяйства, и осуществить «великую реконструкцию». «Что нам нужно? Металл или хлеб? Вопрос нелепо так ставить. А когда я говорю: и металл, и хлеб, тогда мне заявляют: „это — эклектика“, „это — дуализм“, ...обязательно, что нужно: или металл или хлеб, иначе ты уваливаешь, иначе это фокусы»⁵⁹. Бухарин продолжал убеждать членов ЦК, что «дальнейший темп, такой, как мы взяли, а может быть, даже больший, — мы можем развивать, но при определенных условиях, а именно только при том условии, если мы будем иметь налицо подъем сельского хозяйства как базы индустриализации и быстрый хозяйственный оборот между городом и деревней»⁶⁰. Оказывается, можно развивать промышленность еще быстрее, чем планируют Сталин и Куйбышев. Можно перекрыть самые смелые планы, но... Только при одном условии, которое и при нэповских «темпах» нельзя выполнить — быстрый подъем сельского хозяйства. Трудно сказать, действительно ли Бухарин тешил себя этими иллюзиями, или пытался «купить» членов ЦК с помощью демагогии, подобной сталинской. При той аудитории, с которой имели дело Сталин и Бухарин, демагогические приемы давали призрачную надежду на победу. Но решение уже было

---

⁵⁵ Бухарин Н. И. Проблемы теории и практики социализма. С. 299.

⁵⁶ Там же. С. 278.

⁵⁷ Там же. С. 273.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 273–274.

⁶⁰ Там же. С. 275.

оговорено в аппаратных кулуарах и принято.

Партия поверила в сталинские обещания индустриального чуда. Но это могло дорого стоить Сталину, если его «большой скачок» провалится.

Бухарин вопрошал Сталина: «Ну хорошо: сегодня мы заготовили всеми способами нажима хлеб на один день, а завтра, послезавтра что будет? Что будет дальше? Нельзя же определять политику только на один день! Какой у вас длительный выход из положения?»⁶¹.

«Длительным выходом из положения» для Сталина были ускоренная индустриализация за счет коллективизированного крестьянства. Самостоятельное крестьянское хозяйство подлежало ликвидации, крестьяне должны были превратиться в работников коллективного предприятия, подчиненных вышестоящему руководству. Было принципиально важно, что колхоз, в отличие от крестьянской семьи, не сможет укрывать хлеб. Эта скрытая цель коллективизации не была замечена «правыми», но Бухарин чувствовал, что что-то здесь не так: «Если все спасение в колхозах, то откуда деньги на их механизацию?»⁶² Денег не было, не было и достаточного количества тракторов, чтобы одарить каждый колхоз хотя бы одним трактором. Колхозу предстояло стать не сельскохозяйственной фабрикой, а мануфактурой, полурабским хозяйством. Но именно оно позволяло государственному центру контролировать все хозяйство, все ресурсы.

Мастер остроумных фраз, Бухарин говорил: «Народное хозяйство не исполнительный секретарь. Ему не пригрозишь отдачей под суд, на него не накричишь»⁶³. Но Сталин нашел способ отдать крестьянское хозяйство под суд. Под суд можно было отдать начальника деревни — председателя колхоза, или любого, кто ему не подчиняется. Близился страшный суд деревни. Ее победил город. Это значило, что в конечном итоге большинству крестьян предстояло стать горожанами.

*

При всей своей неустойчивости НЭП стал важным этапом в развитии не только нашей страны, но и человечества.

Россия стала опытным полигоном последующих реформ Рузвельта, Гитлера, Муссолини, Народного фронта и др. НЭП стал первой системой государственного регулирования индустриально-аграрной экономики в условиях мирного времени (до этого такое регулирование в Европе вводилось только в условиях войны). Однако варианты этого пути развития, как оказалось — магистрального в XX веке — могли быть разные (достаточно сравнить модели Гитлера и Рузвельта). Итоги Российской революции, победа в ней большевиков, во многом сузили спектр возможных альтернатив развития страны.

«Забежав вперед», опередив более развитые страны, нэповское общество неизбежно оказалось несовершенным, неустойчивым и противоречивым. Сохранение НЭПа не позволяло выйти за рамки периферийного капитализма. Перед страной стояла жестокая альтернатива: либо государственно-регулируемая индустриальная экономика должна была форсированно (а значит неорганично и разрушительно)

---

⁶¹ Там же. С.254.

⁶² Там же. С. 299.

⁶³ Там же. С. 299.

преобразовать по своему подобию аграрный сектор общества, либо должен был произойти переход к более плюралистичной системе, в которой темпы индустриального развития определяются требованиями и возможностями аграрного развития.

Сталин добился движения по первому пути. Куда вел второй? В условиях нехватки у коммунистов грамотных кадров, эволюция промышленности за пределы роста НЭПа была возможна только при условии изменения самой социально-политической системы, монополии на власть компартии. В сложившихся условиях это означало переход власти к коалиции правых коммунистов и спецов (социал-демократов, эсеров, либералов), возможно — с последующим политическим сдвигом вправо. Это означало постепенное вовлечение страны в мировой капиталистический рынок на правах периферийной страны.

Условно путь, альтернативный сталинскому, можно назвать «латиноамериканским», учитывая, как в Западной полушарии развивались подобные НЭПу эксперименты. Во второй половине XX в. импортзамещающая индустриализация осуществлялась в Латинской Америке, Азии и Африке. С помощью более развитых государств создавалась индустрия, способная обеспечить лишь некоторые нужды страны и достойно конкурировать на мировом рынке лишь в узком секторе. В этом случае страна встраивалась в мировое разделение труда уже как индустриально-аграрная держава, а не сырьевой придаток. Для коммунистической партии эти варианты не подходили. Индустриализация должна была быть проведена с опорой исключительно на собственные ресурсы, поставки техники из-за рубежа должны были быть оплачены до копейки. СССР не мог позволить себе оказаться в «неоплатном долгу» перед Западом.

Но в условиях мирового экономического кризиса даже низкие темпы накопления, которые обеспечивал НЭП, стали бы невозможными. Бухаринская альтернатива не давала реальных оснований надеяться на преодоление отсталости сельского хозяйства и легкой промышленности. В условиях стагнации СССР эволюционировал бы к положению страны с отсталым сельским хозяйством и среднеразвитой промышленностью. Примеров такой модели было немало в Латинской Америке.

Впрочем, в начале XXI в. Россия оказалась в ситуации, вполне сопоставимой с латиноамериканской. Крупные, относительно успешные латиноамериканские страны (Мексика, Чили, Бразилия, Аргентина, Венесуэла) провели модернизацию медленнее, чем СССР, но с гораздо меньшими жертвами. Не будем забывать, что Латинская Америка развивалась в тепличных внешнеполитических условиях, вдали от военных бурь, потрясавших Старый Свет. И, что немаловажно, не Латинская Америка прорубила человечеству дорогу в космос. Мы вернулись на «латиноамериканскую» траекторию после краха СССР. Мы «упали» туда, куда другие карабкались.

В наше время деградация индустриальной системы, созданной в советские времена, привела к возникновению чего-то очень напоминающего НЭП: бюрократия руководит рыночной экономикой, «крышуя» бизнес, «отстегивая» в свою пользу коррупционную ренту. Только в отличие от коммунистического режима, у элиты нет стремления к выходу из этого положения. У нее нет перспективных идей, зато есть право на роскошь, которое не позволяла себе коммунистическая элита, «скованная» идеологией социальной справедливости. Вместо ушедшего в Лету крестьянского хозяйства теперь есть сырьевая труба и ВПК, позволяющий прикрываться ядерным зонтиком и торговать оружием. Вместо коммунистического будущего нам предлагают

лозунг великой энергетической державы, то есть большого сырьевого прироста. Другой сценарий истории. В условиях глобального экономического кризиса — пожалуй, самый опасный сценарий.

*

Если на мировых рынках сложилась напряженная ситуация, то самое опасное для них — массовый вброс новой продукции. Плотины еле сдерживали массу товаров, и тут начались перемены в СССР. Сталин решился забрать продукцию у крестьян за бесценок и бросить ее на мировой рынок.

Уже в феврале 1929 г. советские плановики исходили из того, что выполнение плана развития экономики потребует «значительно более широкого, чем нынешний, размаха отношений с мировым хозяйством... в силу наличия больших экспортных ресурсов в стране»⁶⁴. В мае 1929 г. V съездом советов СССР был принят план индустриального рывка, превосходивший прежние планы и по срокам, и по объемам. Если за предыдущее десятилетие капиталовложения составили 26,5 млрд. руб., то теперь планировалось 64,6 млрд., при этом вложения в промышленность повышались значительно быстрее — с 4,4 млрд. до 16,4 млрд. руб. 78 % вложений в промышленность направлялись на производство средств производства, а не потребительской продукции. Это означало изъятие огромных средств из хозяйства, которые могли дать отдачу через несколько лет. Промышленная продукция должна была вырасти за пятилетку на 180 %, а производство средств производства — на 230 %. В результате, как обещала резолюция конференции, «по чугуну СССР с шестого места передвинется на третье место (после Германии и Соединенных Штатов), по каменному углю — с пятого места на четвертое (после Соединенных Штатов, Англии и Германии)»⁶⁵. Делегатов завораживали цифры валовых показателей.

Такие обещания производили противоречивое воздействие на мировой рынок. Планы Сталина казались невероятными, но если им суждено хотя бы отчасти осуществиться, это означало бы и гигантские заказы на оборудование, и рост советского экспорта. Что случится прежде?

Прежде всего началось стремительное обнищание населения. Россия исчезла как рынок потребительских товаров. Затем на мировые рынки стали изливаться массы сырья: зерна, леса, нефти и др. Мировые производители сырья были неприятно удивлены масштабами «советского демпинга».

В 1930 г. СССР выбросил на рынок 4,8 млн. т. хлеба. В это же время, при подготовке к «большому скачку» индустриализации стал резко возрастать экспорт других сырьевых товаров. Если за хлеб удалось выручить 883 млн. рублей в год, то пушнина и лен дали почти 500 млн., а нефтепродукты и лесоматериалы — 1430 млн. Благодаря «трудолюбивому энтузиазму», особенно заключенных ГУЛАГа, экспорт древесины вырос с 1 млн. кубометров до 6 млн. кубометров в год в начале 30-х гг.

Огромный выброс сырья на рынок переполнил чашу. Цены «обваливались», ожидаемые прибыли транснациональных компаний исчезали, как дым. Конечно, рост советского экспорта и сокращение массового потребления в СССР не могли быть главным фактором, обвалившим рынок осенью 1929 г. Но в ряду таких факторов они

---

⁶⁴ Индустриализация Советского Союза. Новые документы. Новые факты. Новые подходы. Часть II. М., 1999. С.45.

⁶⁵ КПСС в резолюциях... Т.4. С. 449–450.

сыграли свою роль. В следующие два года значение советского демпинга будет возрастать, что вызовет серьезные трения с обеспокоенными правительствами США, Франции, Великобритании, Канады и др. стран.

Советский демпинг был долгосрочным фактором, оказывавшим влияние на мировой рынок. Также как вытеснение западных товаров из Индии. Советский хлеб бил по американским и канадским фермерам, нефтепродукты — по транснациональным нефтяным компаниям, продукция советских лесоповалов наносила удары по экономике Скандинавии и Канады. Все вместе — по равновесию мирового рынка, и без того неустойчивого. Когда начнется кризис, эти же факторы не дадут выровнять положение — именно в 1930 г. сырьевой экспорт СССР резко увеличится, а кампания гражданского неповиновения в Индии достигнет своего пика.

*

Советский фактор еще сильнее воздействовал на мировую экономику. Хлебные массы, выколачиваемые из крестьян, били по мировым хлебным ценам, не давая подняться фермерам Западной Европы и Северной Америки.

Советский демпинг вызывал нарастающее сопротивление в странах Запада. Особенно непримирима была Франция: «на волне кампании против советского демпинга и применения в СССР принудительного труда для производства дешевых экспортных товаров Франция ввела 3 октября 1930 г. ограничения на советский экспорт»⁶⁶. СССР ответил на действия Франции. 18 октября Политбюро приняло решение: «Принять меры к совершенному прекращению или максимальному сокращению заказов и закупок в тех странах, которые установили особый, не распространяющийся на другие страны режим для торговли Союза ССР, или применяют мероприятия законодательного или административного порядка, препятствующие нормальному ввозу товаров в эти страны». В то же время считалось необходимым «всемерно форсировать наши продажи на Францию, хотя бы ценою известных материальных потерь»⁶⁷. В условиях кризиса Советскому Союзу было важнее всего сбыть свое сырье — найти возможность закупить технику и промышленные товары было легче, но они были дороги. Проблемы с Францией удавалось компенсировать путем массивного экспорта в Германию, Италию и Великобританию. За расширение своих заказов в Великобритании до 20 млн. фунтов стерлингов СССР требовал кредиты и расширение экспорта хлеба, леса и рыбных консервов.

В сентябре 1932 г. на конференции Британской империи в Оттаве канадцы поставили вопрос ребром: или Великобритания остановит приток советского сырья на свой рынок, освободив место доминионам, или Канада отгородится от метрополии своей таможней. Это означало бы крушение «общего рынка» Британской империи. 16 октября 1930 г. Британия прекратила действие советско-британского торгового соглашения. Премьер-министр Болдуин заявил в 1931 г.: «в настоящее время Россия представляет самую серьезную потенциальную опасность для нашего экономического развития»⁶⁸. Действительно, экспорт из СССР в Великобританию вырос с 21,6 до

---

⁶⁶ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М., 2001. С.211. (комментарий О. В. Хлевнюка).

⁶⁷ Там же, С. 232–233.

⁶⁸ Цит. по: Майский И. М. Воспоминания советского посла в Англии. М., 1960. С. 21.

34,2 млн. ф. ст. в 1928–1930 гг., в то время как импорт из Великобритании составлял 4,8–9,3 млн. ф. ст. Такой пассивный баланс не устраивал ни англичан, ни канадцев. В 1933 г. между СССР и Великобританией разразилась торговая война. Только в 1934 г. было заключено новое торговое соглашение. В Италии Советский Союз надеялся занять господствующие позиции на хлебном рынке. Российский демпинг вызывал сопротивление и там. В августе 1931 г. Политбюро с тревогой констатировало, что «итальянский рынок фактически закрыт для нашей пшеницы, ...повышены пошлины на мясопродукты, поднимается кампания против нашего леса...»⁶⁹ 16 января 1933 г. Муссолини разорвал торговый договор с СССР.

В апреле 1931 г. Франция, лишившаяся советских заказов, дрогнула. Начались переговоры. Французские санкции удалось отменить только 16 июля 1931 г. В конце 1930 — начале 1931 гг. во Франции нарастала антисоветская кампания, которая рассматривалась в Москве как подготовка интервенции против СССР. Такая интервенция в виде атаки восточноевропейских союзников Франции, высадки белого десанта могла быть смертельно опасной в условиях разраставшихся по всей стране крестьянских выступлений, которым не хватало только центров для консолидации антикоммунистического движения вокруг хотя бы небольшой освобожденной территории. Мы увидим, что такие угрозы воспринимались в Кремле более чем серьезно.

Опасения по поводу возможности нападения на СССР разделяли не все советские лидеры. Чичерин писал Сталину в 1929 г.: «все эти нелепые разговоры в Коминтерне о борьбе против мнимой подготовке войны против СССР только портят и подрывают международное положение СССР»⁷⁰. Современные исследователи, однако, склонны считать опасения Политбюро вполне оправданными: «Политбюро справедливо опасалось, что разговоры о восстании в Европе на фоне начавшейся „великой депрессии“ спровоцирует ответную реакцию англо-французских „империалистов“, для которых антисоветская интервенция может показаться привлекательным способом выхода из экономического кризиса»⁷¹.

Летом 1931 г. СССР активно зондировал почву для заключения пактов о ненападении с Францией и Польшей. Пока неудачно.

Вплоть до осени 1932 г. несмотря на все усилия в СССР сохранялось заметное преобладание импорта над экспортом. Дефицит внешнеторгового баланса мог опрокинуть и без того перенапряженную финансовую систему страны. А значит — отбросить страну к началу НЭПа. Решившись на прыжок Пятилетки, Сталин уже не мог ослабить нажим на страну.

По мере подготовки к вводу в строй «гигантов первой пятилетки» СССР стал все активнее закупать оборудование, став не только конкурентом фермеров, но и рынком сбыта для машиностроительных предприятий стран Запада. В 1931 г. СССР в некоторых отраслях покрывал 30–50 % мирового импорта машин и оборудования. Впрочем, вскоре СССР стал производить собственную технику. Количество

---

⁶⁹ Там же, С.256.

⁷⁰ Соколов В. В. Неизвестный Чичерин. Из рассекреченных архивов МИД РФ // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 13–14.

⁷¹ Макдермотт К., Агню Д. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. С.112.

договоров, заключенных в год с западными фирмами, которое возросло в 1929–1930 г. с 48 до 59, в 1931 г. упало до 10. В начале 1931 г. продолжали действовать 124 таких договора, а через год — только 74, и дальше это число продолжало падать — заключалось все меньше новых договоров. Руководство СССР нередко досрочно расторгало соглашения с западными фирмами вследствие «малой их эффективности» или «относительно быстрого полного освоения и наших собственных достижений, которые перекрывали опыт и возможности инофирм»⁷². Используя западные наработки, дальше можно было действовать самостоятельно. На пике сотрудничества стоимость договоров составляла 77,3 млн. руб., что не перекрывало последствия советского демпинга.

Хотя положение в Германии, СССР и Азии нельзя рассматривать в качестве основных причин Великой депрессии, влияние таких величин на состояние перенасыщенного мирового рынка все же является существенным. Так, анализируя кризис 1920–1921 гг., Н. Д. Кондратьев среди его причин называет и такие: «сжимание рынка сбыта увеличивается тяжелыми условиями репарационной системы, в которые была поставлена Германия... Наконец, мировой рынок сбыта... сильно сузился благодаря тому, что Восточная часть Европы и прежде всего Россия, а также долгое время часть Малой Азии (Персия, Турция) находятся вне нормальных связей мирового хозяйства»⁷³. Индия — более весомый фактор, чем Турция и Иран.

Ниспадающая линия кондратьевской волны неизбежно вела к кризису, а монополизация рынков, финансовый «пузырь» и резкие удары по нему со стороны «внеэкономических» факторов предопределяли резкое, «внезапное» начало Великой депрессии. Ситуация в Германии, СССР и Азии определяла время начала кризиса, усугубили его катастрофичность и во многом — долгосрочные последствия. Три «иглы», как раз в 1928–1930 гг. особенно болезненно вонзившиеся в раздутый до предела «пузырь» мировой экономики, по мере его «сдувания» продолжали воздействовать на мировую ситуацию все сильнее. Если в 1929 г. воздействие СССР, Германии и борьбы за Азию на ситуацию в мире было второстепенным, могло играть только роль провоцирующего фактора в судьбе мира, решавшейся между Нью-Йорком, Лондоном и Парижем, то в результате Великой депрессии воздействие «трех игл» стало решающим, и прежние гегемоны мира потеряли инициативу. «Варвары» вышли на арену и стали теснить «ойкумену».

Волны кризиса

Современные либеральные экономисты видят причины последовавшего в октябре 1929 г. краха в слишком жестком проведении либеральных принципов, в ошибках финансового регулирования: «Эта ошибка заключалась в том, что в момент, когда с экономической точки зрения надо было радикально смягчить финансовую политику, она наоборот, была кардинально ужесточена, что привело к биржевому краху и подлинной хозяйственной катастрофе»⁷⁴. Впрочем, это была не ошибка, а идеология. Либеральный курс проводился со знакомым нам по 90-м годам догматизмом. Либералов-догматиков всегда критикуют умеренные либералы. В их спорах, увы,

---

⁷² Индустриализация Советского Союза. С. 256–257.

⁷³ Кондратьев Н. Д. Указ. соч. С.275.

⁷⁴ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. М., 2000. С.210.

теряется главное — системные причины катастрофы.

Даже если бы политика проводилась умеренными либералами, крах был неизбежен. Можно было бы немного снизить масштабы катастрофы, но не избежать ее — финансовый капитал слишком далеко увел рынок от состояния равновесия, от возможности плавного спада. Да и внешние факторы не давали системе выправиться.

23 и особенно 24 октября началось стремительное падение акций Нью-Йоркской фондовой биржи. Сотни тысяч вкладчиков пытались спасти свои небольшие капиталы, усиливая панику. К концу октября в США обесценились акции на 15 млрд. долл. Разорилось почти 500 миллионеров (из 513) и около миллиона мелких вкладчиков. Потерявшие все бизнесмены отправлялись на биржу труда или кончали с собой.

Сначала большинству американцев казалось, что крах на Уолл-стрите касается прежде всего биржевых игроков. Даже видные аналитики, замороженные экономическими догмами саморегулирующегося рынка, утверждали, что положение вот-вот выправится. Это были наивные надежды. В условиях капиталистической экономики именно финансовая система была регулятором развития реального производства. Она разваливалась — разваливались и хозяйственные связи. К тому же перенасыщенный рынок не мог помочь финансовой системе возродиться.

Банки лишились средств, промышленность — банковских кредитов и собственных оборотных средств. Акции Юнайтед стил упали в 17 раз, Дженерал моторз — почти в 80 раз, Радио-корпорейшн — в 33 раза, Крайслер — в 27 раз. Общая цена акций упала в 4,5 раза. К концу года обесценились акции на 40 млрд. долл. Это значило не только разорение вкладчиков. Теперь у компаний не было средств на развитие производства. Обескровленное производство останавливалось, массы работников оказывались на улице. Наступала эпоха лишних людей. Личные доходы упали на 45 %.

Европа с любопытством наблюдала за бедствием своего партнера-конкурента. Но пройдет всего несколько месяцев, и волна кризиса докатится до европейцев.

На протяжении 1930–1932 гг. волны кризиса будут двигаться от одной европейской страны к другой. Прекращение выдачи американских и французских кредитов ударило по странам Центральной Европы, прежде всего по Германии и Австрии. В мае 1931 г. рухнул Венский банк. «Такое развитие углубило депрессию, которая вступила в новую международную фазу, поставив политическую и экономическую стабильность в Европе под еще большую угрозу»⁷⁵. Это заставило поставить крест на выплатах по репарациям. Кризис в Германии ухудшил финансовое положение в Великобритании, банки которой кредитовали немецкую экономику. В 1931 г. она прибегла к девальвации, что больно ударило по Франции. Нестабильность валют, невозврат кредитов и репараций подорвали экономические позиции «банкира Европы». В 1932 г. кризис охватил и французскую экономику.

*

Мир необратимо менялся. Пройдя через невероятные потрясения, он вернется «на спирали своя» в похожую точку глобализации и либерального консерватизма только через полвека. И в 90-е гг. начнется обратный отсчет к кризису начала XXI века...

В начале 30-х гг. Великая депрессия нанесла страшный удар по уровню жизни

---

⁷⁵ Rosen E. A. Hoover, Roosevelt and the Brains Trust. From Depression to New Deal. NY., 1977. P. 66.

миллионов людей, особенно жителей процветавших прежде стран Запада. Улицы городов напоминали табор кочевников — они были полны нищих и безработных. Те, кому посчастливилось сохранить работу, потеряли часть своей зарплаты. Фермеры не могли продать свою продукцию и купить даже самые необходимые промышленные товары. Цены на сельскохозяйственную продукцию упали настолько, что фермеры, даже продав урожай, не могли рассчитаться с долгами. Продукты продавались с трудом — у горожан было очень мало денег. Чтобы замедлить падение цен, фермеры сжигали принадлежавшее им «лишнее» продовольствие в то время, как миллионы людей в городах голодали.

Глобальный рынок раскалывался. Национальные экономики пытались защититься от разбушевавшейся экономической стихии с тем же рвением, с которым раньше стремились влиться в глобальный рынок и занять в нем выгодную позицию. В авангарде шли США. В июле 1930 г. они приняли таможенный закон, который должен был оградить перенасыщенный американский рынок от импортной продукции. Таможенный эгоизм самой развитой страны мира нанес новый удар по мировому рынку. Европа приняла ответные меры, таможенные барьеры еще сильнее сократили мировой обмен, усугубив спад торговли и кризис ориентированных на внешние рынки отраслей. Уровень мировой торговли в 1929–1934 гг. упал на треть.

В каждой стране бедствия проявлялись по-своему. В Германии с началом кризиса прекратился приток кредитов, и задолжавшую страну поразил как финансовый, так и импортный кризис. Поскольку Германия не могла платить по счетам и не располагала достаточными валютными резервами, она не могла импортировать сырье. Промышленное производство сократилось к 1933 г. на 40 %. Это окончательно лишило мировых финансистов надежд поправить свои дела за счет германских репараций. 20 июня 1931 г. президент США Гувер был вынужден объявить мораторий на германские долги, которые она все равно не могла выплачивать. 6 июля 1931 г. было достигнуто общее соглашение о замораживании долгов, всемирном дефолте на год. При дальнейших переговорах о репарациях, которые привели к их фактической отмене, Великобритания и Франция настаивали, что США придется «скостить» и военные долги: «Сколько бы администрация Гувера ни доказывала, что репарации и долги по разному влияют на общественное потребление, Макдональд (премьер-министр Великобритании — А. Ш.) неизменно напоминал, что они взаимосвязаны»⁷⁶. Европейцы не позволяли американцам выкарабкаться из депрессии за их счет.

Германию репарационные уступки не спасли. 13 июля 1931 г. лопнул Дармштадтер унд Национальбанк — один из крупнейших банков Германии. После этого правительство временно закрыло остальные банки. Безработица достигла 44,4 %, но при этом 22,6 % работников было занято неполный день. Большинство трудоспособного населения в отчаянии сидело без дела.

В 1930 г. кризис докатился до Великобритании. К 1933 г. объем промышленной продукции Великобритании сократился до 82,5 % по сравнению с 1929 г. То и дело бастовали металлурги, шахтеры и текстильщики. В 1931 г. произошли волнения военных моряков. Безработица в 1932 г. составила 25,5 % от общего числа трудоспособного населения. Чтобы найти средства на поддержку промышленности и безработных, волнения которых могли привести к социальному взрыву, британское правительство было вынуждено отойти от золотого паритета фунта стерлингов, а

---

⁷⁶ Ibid. P. 89.

также провело сокращение заработной платы ряду категорий государственных служащих и уменьшило на 10 % пособия для безработных. В 1932 г., впервые с середины XIX века, правящие круги страны были вынуждены отказаться от свободной торговли и перейти к протекционизму. Воздвигая таможенные барьеры, Британия надеялась опереться на свою колониальную империю. Все-таки в «стерлинговый блок» входило 600 млн. человек.

Но половина их жила в Индии. Тем временем Ганди объявил курс на независимость страны. Индийский национальный конгресс готовил новый удар — отказ от монополии властей на производство соли. Выработка соли приносила англичанам большую прибыль. Ганди потребовал отмены монополии, снижения налогов и освобождения политзаключенных. Дождавшись отказа, он объявил сатьяграху.

В марте-апреле 1930 г. огромная колонна патриотов во главе с Ганди прошла 400 километров по Индии. Ганди вместе с десятками тысяч сподвижников выпаривал соль на берегу моря. Кустарная добыча соли шла по всей стране. Английская торговля в Индии была парализована — никто не покупал английское. Крестьяне и купцы снабжали пикетчиков и демонстрантов продуктами индийского производства. В мае были арестованы почти все лидеры ИНК, включая Ганди и его сподвижника Д. Неру, будущего премьер-министра независимой Индии. Без лидеров движение стало выходить из под контроля. Происходили вооруженные столкновения. Страна снова встала на грань всеобщего восстания. Пришлось освободить Ганди и вступить с ним в переговоры. 4 марта 1931 г. было подписано соглашение, которое удовлетворяло все социальные требования, выдвинутые ИНК в начале кампании. Но в политической области Ганди продолжал настаивать на независимости. С этим требованием он направился в Великобританию, где встретил прохладный прием в политических кругах и восторженный — со стороны общественности. Ганди встретился даже с бастующими текстильщиками, которые страдали из-за бойкота британских тканей. Встреча прошла на удивление тепло — рабочие лидеры и Ганди нашли общий язык на почве критики империализма и капитализма как причины всех бед. Ганди обратил внимание на отсталость оборудования английских фабрик. Отсюда — низкая конкурентоспособность британских товаров и стремление предпринимателей восполнить упущенные в конкурентной борьбе прибыли за счет дополнительной эксплуатации рабочих и усиления монопольных позиций в колониях. Выход из сложившегося положения Ганди предлагал искать у себя дома, а не за морями. Но представители мировой элиты рассуждали иначе. Договориться на британско-индийской конференции круглого стола в сентябре-декабре 1931 г. не удалось. Ганди призвал к возобновлению кампании неповиновения, и в январе 1932 г. большинство лидеров Конгресса были арестованы. Несмотря на это сатьяграха продолжалась и в некоторых районах выливалась в восстания. Только в 1933 г. кампания, оказывавшая негативное воздействие на британскую экономику, завершилась.

Во Франции кризис сначала не принял таких жестких форм, как в США. Даже по сравнению с Великобританией положение Франции было более выгодным, так как французские колонии вели себя более покладисто, чем Индия (если не считать кратковременного восстания во Вьетнаме и обычных волнений в отдельных районах Африки). Но в 1932–1934 гг. проблемы углубились — капиталистическая экономика не могла развиваться в расчете только на собственные рынки. В 1930–1934 гг. промышленное производство упало на 30 %. Постепенный выход из экономического

пике ряда стран Запада в 1933 г. только обострил проблемы Франции и затянул острую фазу депрессии до 1936 г.

Волнами расползаясь по Европе, кризис достиг Восточной Европы в 1930 г., Дании в 1931 г. В 1932 г. обанкротилась крупнейшая шведская транснациональная корпорация концерн Крейгера. Сыграл свою роль советский древесный демпинг. Безработица в Швеции достигла 50 %. В 1931 г. на волне социально-экономических трудностей в Испании пала монархия и началась революция, которая в 1936 г. перерастет в Гражданскую войну и одну из величайших социальных революций.

Противоречивым было воздействие кризиса на страны Востока и Латинской Америки. Отрасли хозяйства, ориентированные на экспорт, обслуживание интересов стран Запада, буквально рухнули, наводнив города безработными. Особенно тяжело пострадали страны, экономика которых базировалась на одной или нескольких экспортных культурах, такие как Бразилия (кофе), Куба (сахар) и Аргентина (мясо). В то же время производство, ориентированное на внутренний рынок, укрепилось, так как западный импорт снизился.

В Бразилии жгли кофе, в Аргентине — зерно и мясо. Останавливались шахты в Мексике и Чили, сокращались посевы хлопка. В 1930 г. в Бразилии произошла революция, положившая начало созданию «интегралистского» режима Ж. Варгаса. В 1933 г. демократическая революция началась на Кубе. В 1932 г. в Чили была провозглашена социалистическая республика. Несмотря на то, что ее лидеры вскоре были свергнуты в результате военного переворота, это был для «мирового капитала» тревожный сигнал.

Напоследок уместно вспомнить, что в начале XXI века экономика России зиждется на экспорте энергоносителей. Так что перспективы официальных «планов развития» России до 2020 года были ясны еще до того, как они были утверждены. Пройдет совсем немного времени, и все эти проекты отправятся в пыльный архив. Нужно было уроки Великой депрессии изучать.

Глава II

Возвышение американской бюрократии

Несостоявшаяся революция

Экономические потрясения всегда влекут за собой социальные. И все же мировой кризис, вопреки прогнозам коммунистических идеологов, не вызвал мировой революции. Как бы мы ни относились к революционным идеям, в этом есть загадка. В XX веке общество было как никогда расположено к вовлечению масс в политический процесс, и социальный протест принял ярко выраженные политические формы. Но до социальной революции дошло лишь в нескольких странах периферии. Почему?

Мировая революционная волна 1917–1923 гг., создание влиятельных коммунистических партий многому научили правящие круги стран Запада. Они поставили перед собой задачу приобщить широкие слои трудящихся к конструктивному решению социальных и политических проблем. Возникло новое общество, в котором власть осуществляется под давлением широких масс — массовое общество. Индустриальное развитие приобщало все новые миллионы людей к городскому образу жизни, создавая предпосылки для их общественной активности.

Мировая война и последовавший за ней революционный подъем вовлекли в общественную жизнь миллионы людей. Бывшие фронтовики почувствовали себя сопричастными решению судеб своих стран. Миллионы простых людей не хотели больше быть бессловесным населением, они хотели участвовать в общественной и политической жизни своих стран.

Для правящих кругов это означало, что теперь они должны убеждать большинство населения в правильности проводимой политики. Крайне важной становилась задача управления мнением миллионов людей, навязывания им предпочтений, вкусов и взглядов, выгодных руководящим группировкам и классам (манипулирование массовым сознанием). Для этого широко использовались средства массовой информации — газеты и получавшие все более широкое распространение радио и кинематограф.

Благодаря большей, чем до Первой мировой войны, гибкости политической системы стран Запада, энергию протеста удавалось «интегрировать», направить в направлении, нужном системе. Но в 1930–1933 гг. напор недовольства стал значительно сильнее. Отсутствие революции снизу, явно надвигавшейся на страны Запада, можно объяснить радикальной реформой сверху. В резерве у правящей элиты был козырь государственного регулирования — ограниченного капитализма. И все же правящие элиты опасались вводить в действие решительные меры государственного регулирования. Было неясно, насколько далеко может зайти бюрократия в расширении своих полномочий, если зажечь перед ней зеленый свет. Большинство революций провоцируются отказом правящей группы провести назревшие реформы. Но лишь задним умом можно понять, какие реформы назрели, а какие — только провоцируют распад системы. А пока это не решено — страна продолжает балансировать на грани революции. Именно это происходило в сердце капиталистического мира, в США в 1930–1933 гг.

*

Судьбы мира в 1929–1933 гг. решались в США. Нью-Йорк обрушил мировой рынок, Вашингтону предстояло показать выход пострадавшим. Иначе этот выход, оправившись от собственных трудностей, покажет Москва или Берлин.

В США Великая депрессия приняла свои классические формы. Промышленное производство сократилось почти вдвое, а производство автомобилей — почти в пять раз. Потерявшие работу, вклады или часть зарплаты люди могли покупать меньше товаров. Образовался замкнутый круг — сужение рынка приводило к падению производства, а падение производства — к дальнейшему ухудшению покупательной способности населения и сужению рынка.

Толпы разорившихся вкладчиков и безработных бродили без дела по улицам городов в поисках хоть какого-нибудь приработка. Работодателем миллионов людей стала мафия, мощь которой небывалым образом выросла в период Великой депрессии. Главной отраслью нелегального бизнеса стала торговля спиртным, запрещенная еще в 1920 г., когда в США был введен «сухой закон». Нелегальная торговля алкоголем предоставила мафии широкое поле деятельности, а Великая депрессия — армию готовых на все работников. Но даже мафия не могла обеспечить работой всех нуждающихся, тем более, что и ее рынки сбыта были ограничены, и за них шла кровавая борьба.

Нищета особенно возмущала, потому что соседствовала с изобилием. Голодные люди, которые готовы были трудиться, сидели под витринами, ломившимися от продуктов. При этом никаких шансов найти работу не было. Отчаяние охватывало миллионы и миллионы.

Безработица достигла 17 миллионов человек, средняя зарплата упала на 60 %. В этих условиях цены на сельскохозяйственную продукцию упали в 3–4 раза. Разорилось около миллиона фермеров. Совокупные доходы фермеров упали в 1929–1932 гг. с 9,9 млрд. долл. до 4,4 млрд. долл., причем в среднем на ферму с 1522 до 663 долл. «Свободный рынок превратил к тому времени американское сельское хозяйство в арену периодических катастроф»⁷⁷ — комментирует историк А. Шлезингер ситуацию 20 — начала 30-х гг.

*

Публицист Б. Борисов поставил вопрос о том, что в США имел место такой же по масштабам голод, как и на Украине. Он обращает внимание на ряд несуразностей в американской официальной статистике времен Великой депрессии. Доклад US Department of commerce «Statistical Abstract of the United States» фиксирует резкое падение прироста населения в 1930–1931 гг. Десять лет статистика «фиксирует» одни и те же данные прироста, после чего они возвращаются к прежним показателям. В результате демографическая яма в 1931–1940 гг. с учетом возросшей эмиграции составляет 7 миллионов 394 тысячи человек. При этом «в поколении рождённых в 30-е бросается в глаза недостача в 5 миллионов 573 тысяч». При этом официальная статистика фиксирует падение смертности в США в годы депрессии. Речь идет о времени, когда безработные американцы стали есть листья кустарника и лягушек. Это вызывает подозрение в фальсификации данных. Ссылаясь на аналогии с российской депрессией 90-х гг., Б. Борисов делает вывод: «Мы определённо можем говорить о как минимум двух миллионах погибших лиц старше 10 лет, и примерно половине из пяти с половиной миллионов детских демографических потерь, которые разделены между смертностью и некоторым естественным снижением рождаемости»⁷⁸.

Постановка проблемы Б. Борисовым интересна и нуждается в полноценном ответе со стороны американских исследователей. Официальные данные о том, что и смертность существенно не росла, вступают в противоречие с современными демографическими исследованиями, проведенными американскими демографами «без задней мысли» провести аналогию между социальными катастрофами в США и СССР. Так, например, ожидаемая продолжительность жизни в США в 1933–1936 гг. упала с 65 до 61 лет у женщин и с 62 до 57 лет у мужчин⁷⁹. Это может свидетельствовать как раз о значительном росте смертности в 1933 г. Даст Бог, честные американские специалисты обратятся к серьезному исследованию статистических архивов — как историки России и Украины после падения коммунистического режима.

---

⁷⁷ Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992. С.343.

⁷⁸ Борисов Б. Голодомор по-американски. // <http://novchronic.ru/1322.htm>

⁷⁹ Death-registration States, 1900-28, and United States, 1929-1996, National Vital Statistics Report, Vol. 47, No. 13, December 24, 1998. 17; fathersforlife.org/population_politics/US_population_figures_80-96.htm

Согласно официальной американской статистике, опубликованной в сводном труде, вышедшем под эгидой Общественной службы общественного здоровья США, Федерального бюро безопасности и Национального бюро жизненной статистики в 1947 г. (то есть в годы, когда сохранялась власть партии Рузвельта, и уже началась «Холодная война»), смертность на 1000 (без новорожденных) в штатах, где производится регистрация, составила в 1925 г. — 11,7; 1929 г. — 11,9; 1930 г. — 11,3; 1931 г. — 11,1; 1932 г. — 10,9; 1933 г. — 10,7; 1934 г. — 11,1; 1936 г. — 11,6; 1940 г. — 10,8⁸⁰. Даже без голода в собственном смысле слова, в годы социально-экономических бедствий это невероятно.

Рождаемость в США во время Великой депрессии упала, но все же не так, чтобы объяснить демографические парадоксы. Уточненные данные рождаемости на 1000 человек населения в 1930 — 20,7; 1931 — 19,7; 1932 — 19,1; 1933 — 18,1; 1940⁸¹.

Часть статистических парадоксов (например, резкий прирост населения (на 6 миллионов) в 1932–1933 гг. связан с расширением территорий, где осуществляется регистрация. Бюро статистики стало собирать данные по всей стране только с 1933 г.⁸² Полнота регистрации по штатам составляла 75,9 — 99,4 % (но в большинстве — более 90 %)⁸³. Однако эти данные — оценочные. Если есть неполнота регистрации смертей, откуда точно известно — какова она? Подсказку дает пояснение к некоторым таблицам рождаемости и смертности — «по месту жительства»⁸⁴. Возможно, в этом и кроется разгадка американских демографических парадоксов. Своих, постоянных жителей регистрируем, а проходящие мимо толпы нищеводов можно и так закопать. Уйдя с места жительства в поисках лучшей жизни, человек мог пропасть из статистической жизни и статистической смерти.

Однако, пока Америка хранит свои тайны, мы все же не можем согласиться во всем и с Б. Борисовым. Когда его статья еще готовилась к публикации, у меня была возможность сообщить автору некоторые сомнения, которые я готов повторить и сейчас. Б. Борисов применяет в критике США те же методы, которые осуждает в тенденциозных оценках масштабов голода в СССР и, в частности, на Украине.

Не значит ли, что одинаковые демографические ямы СССР и США в 30-е гг. свидетельствуют об одинаковых потерях от голода? Только гипотетически. То есть мы можем подозревать, что США потеряли от голода сотни тысяч жизней. Но сколько?

Демографические потери страны никак нельзя отождествлять с числом погибших от голода. Поэтому безграмотными являются транслируемые по телевидению утверждения, что в СССР погибло от голода 7 миллионов человек. Это — демографические потери. Они включают собственно рост смертности (но не только от голода, а от социальных потрясений вообще), недоприрост населения, в том числе от снижения рождаемости. Снижение рождаемости всегда происходит во время

---

⁸⁰ Linder F. E., Grove R. D. Vital statistic rates in the United States 1900–1940. Washington, 1947. P.124.

⁸¹ Op. cit. P.100.

⁸² Op. cit. P.1.

⁸³ Op. cit. P.99.

⁸⁴ Например, Op. cit. P.704.

социальных потрясений — люди не уверены в завтрашнем дне, с трудом могут прокормить уже имеющихся членов семьи — не до прибавления. Однако снижение смертности нельзя записывать в «жертвы голода». Хотя бы потому, что снижение смертности может происходить и во вполне благополучных обществах — как результат урбанизации. Нельзя вывести точную цифру погибших и из разницы в «недостаче» рожденных детей и общей «недостаче» населения, если бы оно росло прежними темпами (даже с учетом статистики падения иммиграции). Здесь может быть множество составляющих такой недостачи. Дело в том, что часть населения могла покинуть США, не попав в статистику (из США легче выехать, чем въехать). К тому же, зафиксировав, что в США не приехало докризисное количество иммигрантов, мы должны добавить к ним и число детей, которые не были рождены этими иммигрантами в Америке. То есть, чтобы констатировать ориентировочное число жертв социально-экономического бедствия в США, требуется более тщательное, более многофакторное исследование.

Пока могу высказать лишь гипотезу: голод в США имел несколько меньшие масштабы, чем в СССР. Голодало прежде всего городское, а не сельское население. Горожане имели большие возможности мобильности, их не изолировали в месте голода с помощью заградительных отрядов. Они могли перемещаться в поисках пищи по стране, получая помощь от сердобольных фермеров, родственников в других штатах, от государственных и благотворительных структур, осуществлявших пусть скудную и унижительную, но помощь, ограничивая себя во всем и прежде всего — в рождении детей. В этом отношении более уместно сравнение ситуации в США не с Украиной, а с Казахстаном, где значительная часть населения спасалась бегством, понеся большие (но точно неизвестно — какие) потери в пути. Но в любом случае эти потери колоссальны. Люди ведь умирали не только от полного истощения. Миллионы людей были ослаблены недоеданием, находились на холоде без жилья, были лишены нормальной медицинской помощи. Сколько из них остались в неучтенных могилах вдоль «пути миграции». Вероятно, в обоих случаях речь идет о сотнях тысяч жизней.

*

Между тем американское руководство вело себя подобно Карлу I, Людовику XVI, Николаю II и прочим монархам, которые своей политикой спровоцировали великие революции. Президент Герберт Гувер продолжал твердить: «Единственной функцией правительства является сейчас создание условий, которые благоприятствовали бы развитию частного предпринимательства»⁸⁵. Он «видел наши собственные экономические неудачи результатом распада европейской экономической и финансовой структуры»⁸⁶. Разумеется, раз во всем виноваты соседи, не стоит что-то менять дома. Добиваясь международных компромиссов, Гувер пытался восстановить глобальный рынок. Но не преуспел. Пузырь уже лопнул, и сшить его было нельзя.

Президент не был равнодушен к начавшимся народным бедствиям, и пытался уговорить овец и волков жить дружно в голодный год. В начале кризиса Гувер собрал представителей предпринимателей и крупнейшего профсоюза АФТ, чтобы убедить их

---

⁸⁵ Шлезингер А. Указ. соч. С.342.

⁸⁶ Rosen E. A. Op. cit. P. 67.

отказаться от борьбы за изменение заработной платы вверх или вниз. Все согласились, но летом 1930 г. предприниматели стали сокращать зарплату — у них не было средств на ее поддержание. В ответ начались забастовки.

С тем же успехом президент пытался регулировать работу предпринимателей: «В соответствии со своей концепцией промышленных отношений Г. Гувер осуществлял следующую схему: сбор информации, координация деятельности различных групп и отдельных лиц, привлечение общественного мнения и осуществление им давления, приводящего к разумному компромиссу»⁸⁷. Гладко было на бумаге. Промышленные группы финансировали собственное «общественное мнение», когда им это было выгодно. Никто не хотел добровольно отказываться от своего места под солнцем. Политика добровольных взаимных уступок не дала результата.

Президент стремился оказать помощь безработным. Но в соответствии со своими либеральными принципами он не мог направить на эту помощь и доллара из государственного бюджета. Почему честные налогоплательщики должны оплачивать этих голодранцев? Президент категорически утверждал: «процветание не может быть восстановлено налетами на государственную казну»⁸⁸. Поэтому президент под свое слово привлекал средства добровольных благотворителей. С тем же успехом можно было призвать платить милостыню. Метод предоставления помощи, «отстаиваемый администрацией, по существу, сводил помощь к жалким подачкам»⁸⁹. Да и эти подачки получили только 32 % безработных.

6 марта 1930 г. более миллиона человек вышли на демонстрацию безработных, проводившуюся компартиями и советами безработных в ведущих странах Запада. Во главе движения безработных стояли коммунисты и священники, остро критиковавшие друг друга. Это ослабляло движение. Но все же оно было очень внушительно. В 1931–1932 гг. по всей стране прошли голодные походы на столицы штатов. Их главным требованием было социальное страхование — выплата пособий по безработице. Но только власти Вирджинии в результате похода начали выдачу пособий. У остальных не нашлось лишних денег для лишних людей. Походы повторялись вновь и приобретали все более агрессивный характер.

В июле 1932 г. в Вашингтон пришла многотысячная колонна ветеранов Первой мировой войны, многие из которых были безработными. Ветераны требовали выплаты «бонуса» — обещанного еще Вильсоном пособия участникам войны. Лидеры этого движения выдвинули лозунг: «Смотреть прямо, а не налево», давая понять, что им не по пути с коммунистами и социалистами. Но власти не пошли на уступки, и безработные революционизировались на глазах. Ветераны встали лагерем в пригороде Вашингтона, на короткое время блокировали Конгресс и Белый дом. Коммунисты докладывали в Москву о походе: «Он отличался исключительной воинственностью. По дороге на Вашингтон ветераны захватывали поезда, занимали железнодорожные станции и захватили также часть зданий в Вашингтоне»⁹⁰.

---

⁸⁷ Шкундин М. З. К истории государственно-монополистической социальной политики США. 1929–1939. М., 1980. С. 20–21.

⁸⁸ The American Heritage. Pictorial History of the Presidents of the United States. 1968. V.2. P.770.

⁸⁹ Шкундин М. З. Указ. соч. С.24.

⁹⁰ РГАСПИ, Ф.494, Оп.1, Д.37, Л.59.

Обстановка была настолько накалена, что президент Гувер приказал применить войска. 28 июля 1932 г. лагерь безработных был разгромлен и сожжен. Несколько человек погибло. Но проблема не была решена, готовились новые выступления.

Всего в 1929–1932 гг. по официальным данным в столкновениях с полицией погибло 23 безработных. Четверть опрошенных безработных считали, что в США необходима революция. Это означало, что в стране есть несколько миллионов человек, которым нечего терять, кроме чувства голода, и которые готовы пойти на свержение режима, если появится реальная сила, которая предложит выход из кризиса. Характерно, что коммунисты не выдвинули популярного вождя, который мог бы повести за собой эту критическую массу. Хотя «революционная ситуация» была налицо, коммунисты так и остались немногочисленной сектой. Компартия Америки признавала «нашу оторванность от массовых организаций»⁹¹. Коммунисты не могли возглавить массовое движение, так как ото всех союзников требовали признания идеи советской власти и своего безусловного лидерства. В это время стратегия Коминтерна была ультрарадикальной, требовала от компартий борьбы сразу за советскую власть. Идея жизни «как в СССР» не пользовалась популярностью, и даже в условиях социальных бедствий американцы искали себе вождей с более демократической программой. Когда коммунисты откажутся от своей сектантской линии, будет поздно — массовые движения получают авторитетных лидеров, да и ситуация в стране начнет разряжаться благодаря реформам Рузвельта. К тому же, революция в Америке была некстати для Сталина. Она могла сорвать поставки техники, необходимой для индустриализации, и вызвать ответные действия «империализма» в самый неподходящий для Сталина момент.

Профсоюзы тоже не хотели революции, продолжая настаивать на более умеренных требованиях введения государственной программы переквалификации безработных, предоставления работникам длительных отпусков и т. п. Рабочий класс боялся потерять и то, что еще имел — работу. Большой решительностью он не отличался.

Зато на тропу войны вышли фермеры. Они блокировали дороги и устраивали «забастовки», прекращая поставки продуктов в город. Как только власти пытались отобрать у фермера его хозяйство за долги, соседи собирались с оружием и угрожали слугам закона судом Линча.

Слово «красный» и «левый» становились модными даже среди губернаторов и сенаторов. Но левый лидер в этой накаленной ситуации мог расколоть нацию, как в свое время Авраам Линкольн. Правящей элите нужен был человек, который сумеет нацию объединить. Постепенно на эту роль стал выдвигаться губернатор штата Нью-Йорк Франклин Делано Рузвельт, или как его еще называли сокращенно — ФДР.

В 1928 г. Рузвельт вернулся в политику после тяжелой болезни и был избран губернатором Нью-Йорка. На этом посту он вступил в борьбу с Великой депрессией, тяжело ударившей по крупнейшему центру Америки. Руководя экономическим центром Америки, Рузвельт с самого начала Великой депрессии противопоставлял свою стратегию политике президента. «Я считаю, что в настоящий момент наше общество должно вменить в обязанность правительству спасение от голода и нищеты тех сограждан, которые сейчас не в состоянии содержать себя»,⁹² — заявлял

---

⁹¹ Там же.

⁹² Шлезингер А. Указ. соч. 342.

губернатор.

Гувер и Рузвельт — исторические антиподы. Их противостояние — спор века в американской истории. Став президентом после Гувера, Рузвельт круто повернул руль американской политики, заложил основы новой общественной системы, которая получила наименование «социальное государство» и «государственно-монополистический капитализм». Сегодня, в эпоху неоглобализма основы рузвельтовских реформ снова подверглись пересмотру. Может быть на большом отрезке истории Гувер взял реванш у своего оппонента?

Сначала спор между Гувером и Рузвельтом был густо окрашен в цвета партийной борьбы между республиканцами и демократами. Успехи Рузвельта приносили власть демократам, и республиканцы пытались доказать, что они могли бы вывести США из кризиса по той же дороге, что и Рузвельт, только лучше. У. Липпман еще в разгар реформ Рузвельта попытался приписать их авторство Гуверу, заявив: «Гувер предвосхитил все основные элементы программы Рузвельта»⁹³. После этого оставалось только перечислить основные успехи Рузвельта и привести высказывания Гувера, посвященные соответствующим проблемам. К тому же Рузвельт использовал структуры, которые существовали уже при Гувере. Но стоило дать цитаты пошире, и выяснялось, что Гувер и Рузвельт отстаивали совершенно разную политику и по-разному использовали институты американского государства.

Иные сторонники Гувера понимали существенное различие между классическим либерализмом Гувера и социал-либеральным курсом Рузвельта. Они возражали против утверждения о преемственности политики двух президентов, считая ошибочным сам курс Рузвельта. Сегодня вторая точка зрения в большей моде — наступил период кризиса социального государства и возрождения неолиберализма. Сам Гувер по своим оценкам был ближе к этой второй точке зрения, полагая, что кризис прошел бы и так, а вот наследие Рузвельта оказалось пагубным для Америки.

Можно и соединить две точки зрения. Такую экзотическую операцию проделал ультра-либеральный теоретик австрийской школы М. Ротбард, пытаясь «подбросить под дверь» Рузвельту политику, спровоцировавшую Великую депрессию. Оказывается, уже Гувер проводил губительную политику «поддержания ставок заработной платы выше уровней свободного рынка» и т. д. Похоже, либеральный экономист считает условием здоровья экономики вымирание части населения от голода. Да что Гувер, и Кулидж — предшественник Рузвельта, который и раскачал рынок своим неразумным вмешательством. Аргумент: при Кулидже не было свободной рыночной экономики⁹⁴. Так что не либеральная политика привела к депрессии, а ее ограничение. М. Ротбард «забыл», что абсолютно свободного рынка не было в природе. Так что даже в такой либеральной системе, как американская экономика 20-х гг., были, разумеется, какие-то ограничения свободы даже для монополий.

Экономисты, не столь далеко оторвавшиеся от реальности в пользу либеральной абстракции рынка, понимают различия между политикой Рузвельта и его предшественников. Единственное, чем Рузвельт по большому счету обязан Гуверу и

---

⁹³ Lippman W. The New Imperative. NY. P.20.

⁹⁴ Бум, крах и будущее: анализ австрийской школы. С.169.

Кулиджу в проведении своего курса — фанатичная экономия. Республиканские президенты, игнорируя страдания рядовых американцев, накопили достаточно средств, которыми воспользовался Рузвельт для проведения своих социальных программ.

Остальные меры Гувера, которые затем были использованы Рузвельтом, принимались вопреки воле президента-республиканца под сильным давлением, либо президент-демократ придавал им новые функции.

В 1931 г., когда кризис зашел слишком далеко, была создана Реконструктивная финансовая корпорация (РФК) для кредитования промышленности. Но при Гувере это был обычный либеральный финансовый институт, рассчитанный не на стимулирование экономики, а на облегчение получения возвратных кредитов. Только в 1932 г., когда положение стало бедственным и чреватым революционным взрывом, Гувер разрешил РФК в виде исключения предоставлять помощь штатам и городам. Если бизнесу было предоставлено около 2 млрд. долл., то городам и штатам — только 300 миллионов. Но как только демократы провели через конгресс законопроект, расширявший права РФК, Гувер наложил на него вето. Однако давление демократов нарастало, и Гуверу пришлось подписать законопроект с поправками.

Сенатор-демократ Р. Вагнер, приняв на вооружение идею социалиста XIX века Луи Блана, уже в 1930 г. внес предложение организовать государственные общественные работы, чтобы решить проблему безработицы. 10 февраля 1931 г. этот закон был принят, но президент Гувер тянул с его исполнением. Закон стал правовой основой для действий будущей администрации демократов. Другой закон Вагнера был отклонен президентом — речь шла о создании бюро по найму, которое должно было собирать информацию о наличии свободных рабочих мест. Эту меру Гувер считал вмешательством в прерогативы предпринимателей. На этот закон очень рассчитывали профсоюзы, и вето президента окончательно рассорило его с АФТ. Закон будет принят уже при Рузвельте в 1933 г.

Федеральное фермерское бюро, созданное Гувером, закупало у фермеров их продукцию. Благое дело. Но Гувер был бизнесменом как по профессии, так и в душе, и привык во всем видеть коммерческую выгоду. Негоже добру пропадать. И раздать бедным — жалко. Фермерское бюро выбросило скупленное на рынок, что еще сильнее ударило по тем же фермерам, понизив цены.

Уже после победы Рузвельта Гувер утверждал, что, поддержав «новый курс», американцы «пожертвовали свободой духа и мысли, за которую их предки упорно боролись на протяжении трехсот лет». Он надеялся, что «они вспомнят, что по крайней мере я пытался уберечь их от этого»⁹⁵. Американцы в большинстве своем не признали в Гувере пророка. Отчасти это — результат действия исторических мифов, в которых Рузвельт навсегда останется спасителем нации, а Гувер — его антагонистом. Да и опасения, которые связывались с Рузвельтом его оппонентами, наблюдавшими тоталитарный выход из кризиса в Германии или тоталитарную модернизацию в СССР, не оправдались. Рузвельт не превратился ни в Муссолини, ни в Гитлера, ни в Сталина. Он сохранил политические свободы на том же уровне, на котором они находились в начале его правления. Отчасти при демократах политические свободы даже расширились, не говоря уже об их социальных гарантиях. Но в словах Гувера, сказанных, когда все еще было неясно, все еще было впереди, тоже была своя логика.

---

⁹⁵ Cit. Smith R. N. An Uncommon: The Triumph of Herbert Hoover. NY., 1984. P.193.

От некоторых выступлений Рузвельта действительно веяло тоталитаризмом: «Каждой социальной группе надлежит осознать себя частью целого, звеном общего плана»⁹⁶. Гувер, подобно марксистам и многим либералам, был экономическим детерминистом. Он полагал, что экономика определяет направление развития политической «надстройки». Отдать бюрократии экономическую власть — почти наверняка отдать человека в полное рабство чиновнику, который теперь сможет контролировать личность не только в политической, но и в повседневной жизни. Но как предприниматель в прошлом, Гувер не мог признать, что бизнесмены попирают «свободу духа и мысли» подчиненных им работников ничуть не меньше, чем чиновники. А в условиях социального кризиса бизнес — большее из зол.

Возможно ли было что-то третье между капиталистической Сциллой и бюрократической Харибдой? Некоторые американские авторы второй половины века пытались приписать Гуверу что-то вроде стратегии «третьего пути», более дальновидного, чем просто защита обанкротившегося капиталистического рынка. Э. Хоули даже сравнивает взгляды Гувера с синдикализмом⁹⁷. Тема синдикализма не раз будет возникать на идейном горизонте 30-х гг. Синдикализм выступает за производственное самоуправление, при котором органы, избираемые всеми членами профсоюза-синдиката (то есть всеми работниками) руководят предприятием. Самоуправляющиеся коллективы становятся хозяевами предприятий и добровольно объединяются в федерации, как правило отраслевые. Эти федерации координируют производство. Насколько в таком обществе существует власть, насколько она находится у коллективов и снизу передается координирующим органам. Возможно ли такое? Что может выйти из этой модели на практике? Положительный ответ на этот вопрос в 1936–1939 гг. дала Испанская революция⁹⁸. Синдикализм — подход, которые мы видели на примере идей Ганди, но только примененный к городской индустриальной цивилизации.

Во всяком случае Гувер был далек от этого. Если бы он действительно стал передавать власть отраслевым объединениям корпораций, то есть частных собственников, предпринимательской элиты, то получилось бы нечто обратное синдикализму — фашизм. Фашизм организует массы работников под командой предпринимателей в подчиненные государству корпорации⁹⁹. Это — способ организации общества с целью более жесткого подчинения масс правящей элите, в то время как синдикализм стремится к распространению демократии на сферу экономики.

Реальный Гувер вообще не был стратегом, и попытки мысленно реконструировать его стратегию не учитывают того факта, что он отсидел полный президентский срок и все это время упрямо защищал неизменность системы, которая прямым вела страну к катастрофе. Всю свою жизнь Гувер был типичным менеджером, который хорошо решает тактические задачи, но не способен выйти за рамки идеологического мифа,

---

⁹⁶ Roosevelt F. D. Public Papers and Addresses. 1928–1932. NY., 1938. P.784.

⁹⁷ Шлезингер А. Указ. соч. С.550.

⁹⁸ Подробнее см. Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобальной депрессии к мировой войне. 1929–1941. М., 2004. С. 224–270.

⁹⁹ Подробнее см. Лопухов Б. Р. Эволюция буржуазной власти в Италии. М., 1986.

который сформулирован не им, но безоговорочно им принят. Он знал только эти правила игры. В 90-е гг. XX века такой «прагматический стиль» и догматическая приверженность неолиберальной экономической доктрине снова стали признаком хорошего тона. Так что новая Великая депрессия будет продолжаться до тех пор, пока не изменится общество, его запросы к экономике и средства их удовлетворения.

Позднее Гувер утверждал, что кризис произошел по независящим от него причинам. Это верно. Но своими действиями, охранявшими кризисную систему, он продолжал углублять кризис. Люди возлагали ответственность за происходящее на Гувера, и это был тот случай, когда упреки были справедливы. Гувер отвечал на них утверждениями, что в Америке никто не голодает...

*

30 июня 1930 г. на конференции губернаторов в Солт-Лейк-Сити Рузвельт заявил о неизбежности введения социального страхования. В демократической партии появился влиятельный лидер, который готов был менять что-то в Системе.

Рузвельт мог продемонстрировать, как работают новые методы в самом экономически важном городе Америки. Губернатор создал в Нью-Йорке временную администрацию помощи (ТЕРА). Но кто возглавит это дело, которое явно вызовет критику и обвинения в растрате государственных средств? В. Л. Мальков пишет: «никто не хотел выступать в роли мальчика для порки. Неожиданно согласился скромный деятель благотворительной помощи Нью-Йорка Гарри Гопкинс»¹⁰⁰. Будущая правая рука Рузвельта позднее так объяснял свои мотивы: «Я видел, как удлинялись очереди за куском хлеба и чашкой кофе и переполнялись ночлежки для бедняков... Скопища мужчин слонялись на тротуарах в безнадежных поисках работы... Впавшие в отчаяние, озлобленные толпы безработных штурмом брали местные муниципалитеты и помещения организации помощи только для того, чтобы узнать о пустой казне и быть рассеянными с помощью слезоточивого газа. Женщины, дети и старики, физически страдая от голода и холода, молили власти о крохах, чтобы хоть как-то продлить свое существование»¹⁰¹.

В условиях противостояния губернатора Нью-Йорка и президента США «лишь ТЕРА на фоне полицейских жестокостей, чинимых правительством над безработными, давала Рузвельту то психологическое превосходство над Гувером, в котором он так нуждался, начиная дуэль за президентское кресло»¹⁰². Помощь ТЕРА получили 5 млн. человек за шесть лет.

Но кроме достижений у Рузвельта были и проблемы. Его обвиняли в связях с мафией. Что делать — Рузвельт оставался частью системы, которая была пронизана мафиозными связями. Это — и гарантия для социальной системы на всякий случай — если бы он перешел дозволенную грань, то, по крайней мере поначалу, можно было бы вскрыть его криминальные контакты. Этот способ контроля олигархической системы за президентами и по сию пору используется во многих странах. Рузвельт не спешил

---

¹⁰⁰ Мальков В. Л. Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988. С.19.

¹⁰¹ Там же. С. 17–18.

¹⁰² Там же. 19.

разворачивать наступление на хозяев теневого бизнеса в Нью-Йорке, ведь это могло помешать финансированию избирательной кампании. Наступление на мафию Рузвельт начал лишь тогда, когда стал кандидатом демократов в масштабах всей страны. Тогда у него уже появились другие источники финансирования.

Демократы склонялись к тому, что кризис слишком серьезен, чтобы сохранять фактическую безальтернативность выборов, когда оба кандидата являются апологетами либеральной доктрины. Выиграет тот, кто сумеет предложить что-то новое. Если никто не предложит, выборы состоятся, но они станут лишь еще одним шагом к социальному взрыву. Но новая программа не должна была напоминать коммунистическую доктрину. Представителю имущественной элиты в это время было рискованно прослыть даже социал-демократом — можно было немедленно лишиться финансирования. Все-таки тогда социал-демократы выступали за демократический социализм, то есть нечто отличное от капитализма.

Чтобы найти эту дорогу, где шаг вправо или влево означал провал, Рузвельт создал «мозговой трест» из социологов и экономистов, которым «предстояло работать безвозмездно, единственный побудительный мотив — быть свидетелем того, как любимые воздушные замки оденутся в гранит, если ФДР будет избран»¹⁰³. Советников Ф. Рузвельта вдохновляли идеи «прогрессистов» времен Теодора Рузвельта, а также опыт государственного регулирования экономики во время Первой мировой войны. «Высоколобые» интеллектуалы в своей работе учитывали и опыт «идеологического противника». Ведь впервые систему государственного регулирования экономики мирного времени удалось создать советским коммунистам. Член «мозгового треста» В. Тагвелл изучал опыт НЭПа в СССР и пришел к выводу: «Россия скорее осуществит цель — необходимое для всех, а не роскошь для немногих, чем наша собственная конкурентная система». Поклонник планового хозяйства, он видел в советской пятилетке осуществление «будущего», но в США предпочитал обойтись эволюционными мерами, без скачков с учетом как позитивного, так и негативного советского опыта¹⁰⁴. Тем более, что НЭП к этому времени уже рухнул.

Участники «треста» враждебно относились к капиталистической олигархии, которая уже больше походила на надменных феодалов, чем на динамичных предпринимателей. Если не олигархи, то кто будет руководить экономикой? Самых работников (даже в лице профсоюзных лидеров) к участию в управлении допускать никто не собирался. Значит, альтернативой олигархам-собственникам будет бюрократическая олигархия? Ну, зачем же так грубо. «Трест» предпочитал говорить о технократии, власти компетентных управленцев. Но механизма отбора именно компетентных так и не предложил. Здесь все зависело от интуиции президента. Пока им будет Рузвельт — человек неординарный и творческий, с кадрами дело будет обстоять неплохо.

Генерируя идеи по самым разнообразным вопросам, члены «треста» предлагали их Рузвельту, который подвергал специалистов придирчивому допросу, проводил «мозговые штурмы» и принимал окончательные решения. Так постепенно уточнялись идеи «нового курса»: необходимо создать несколько администраций, которые станут решать новые для американского государства проблемы, такие как социальное

---

¹⁰³ Яковлев Н. Н. Избранные произведения. ФДР — человек и политик. Загадка Перл-Харбора. М., 1988. С.128.

¹⁰⁴ Там же, С.129.

страхование, общественные работы и поддержка фермеров. Впрочем, обсуждались и более революционные идеи, прямо покушавшиеся на священные права частных собственников. Публично Рузвельт призывал к радикальному реформированию общества как противоядию от революции: «Для меня не подлежит сомнению то, что страна должна быть довольно радикальной, по крайней мере для одного поколения. История учит, что нации, у которых это время от времени происходит, избавлены от революций»¹⁰⁵.

Подход Рузвельта капитально отличался от гуверовского уже тем, что Гувер предлагал лечить болезнь вне страны, а Рузвельт — внутри. Противники Рузвельта указывали, что для президента он очень слабо разбирается в международных делах. Сторонники убеждали — сейчас это не так важно.

Поскольку Рузвельт стал говорить об изменениях в социальной системе США, вокруг него началась перегруппировка социальных сил, чреватая изменением самой двухпартийной системы. Кандидатура Рузвельта все еще была под вопросом в Демократической партии, а на его сторону уже перешла часть согласных с ним сенаторов-республиканцев, которые считали, что Гувер «позорно пренебрег своими обязанностями в разгар экономического кризиса»¹⁰⁶. 27 июня 1932 г. Рузвельт получил относительное большинство на конвенте демократов (666 голосов). Получит ли он абсолютное большинство? Сторонники сохранения либерального курса партии искали компромиссную фигуру. Судьба США висела на волоске. Появится ли кандидат, который сможет направить в законное избирательное русло стремление американцев к социальным переменам, или недовольные граждане будут окончательно разочарованы в конституционных средствах борьбы за свои права? Рузвельт подготовил новую речь, которая, наряду с закулисными интригами, должна была обеспечить его избрание. В ней вскользь был упомянут «новый курс», «Я ручаюсь Вам, я ручаюсь себе в проведении нового курса для американского народа»¹⁰⁷. Затем лозунг «Нового курса» стал лейблом программы и первых мероприятий ФДР. 1 июля Рузвельта выдвинули кандидатом. Благодаря за это, он призывал к «крестовому походу за восстановление Америки для ее собственных людей»¹⁰⁸. В своих предвыборных речах Рузвельт пытался быть одновременно идеологом и прагматиком, сторонником свободного рынка и государственного регулирования: «Государство должно принимать на себя функции экономического регулирования только в качестве последнего прибежища, когда уже частная инициатива, вдохновленная высокой ответственностью, со всей помощью и равновесием, которое может дать правительство, все-таки терпит неудачу»¹⁰⁹. Его избрали президентом 8 ноября 1932 г. со счетом 22,8 миллионов против 15,7 миллионов.

В последние месяцы правления Гувера, оставшиеся до 4 марта 1933 г., котел

---

¹⁰⁵ Американские президенты. Ростов-на-Дону, 1997. С.407.

¹⁰⁶ Maney P. J. «Young Bob» La Follette. Columbia, 1978. P. 87–88.

¹⁰⁷ Roosevelt F. D. Great Speeches. NY., 1999. P. 14.

¹⁰⁸ Ibid. P. 17.

¹⁰⁹ Ibid. P. 26.

продолжал кипеть. 5 декабря 1932 г. манифестация с криками «Налог на богатых!» собралась у Капитолия. Полиция вытеснила толпу в поле и держала сутки на холоде. Фермеры Айовы готовили всеобщую стачку с перекрытием дорог. Тысячи голодных по всей стране собирались в толпы, которые атаковали государственные учреждения, банки, склады, магазины. Пока бедняки не пускали в дело оружие, поскольку полиция показала, что готова к бойне. Но отчаяние нарастало, и очередная толпа могла захватить оружейный магазин. Рузвельт был прав, когда говорил: «Если я буду плохим президентом США, то, видимо, я буду последним их президентом...»¹¹⁰. 16 февраля 1933 г., за несколько дней до инаугурации, в Рузвельта стрелял безработный Д. Зангара. Промахнулся. Он ненавидел всех власть имущих, и сначала хотел стрелять в Гувера, но того было труднее достать — все-таки действующий президент. Маленький человек ценой своей жизни напомнил Рузвельту — действовать нужно быстро и решительно.

«Плохой президент» Гувер подвел страну вплотную к революции, но «революционная ситуация» не переросла в революцию. Применяя известную формулу знатока революционного дела В. И. Ленина, «низы» не хотели жить по старому, «верхи» не могли управлять по старому (хотя только это и пытались делать), но не хватило «субъективного фактора», личностной силы, которая направила бы протест в едином направлении. Выражаясь словами В. Высоцкого, «мы не сделали скандала, нам вождя не доставало». В стране не было общенациональной организации или общеизвестного лидера, которые были бы готовы бросить вызов Системе. Компартия не вызывала доверия, так как руководилась из-за рубежа и выступала за диктатуру, передававшую государству не только собственность олигархов, но и небольшие наделы фермеров. Американцы ценили свою мелкую собственность (или возможность обзавестись ею в будущем) и пусть призрачную, но демократию. Революция не произошла потому, что не получила распространение такая идея преобразования общества, которая могла бы предложить обездоленным американцам лучший выход, чем тоталитаризм или реформы, усиливавшие социально-экономическую власть существующей государственной бюрократии.

Свято место пусто не бывает. Движение протеста зимой 1932–1933 гг. нарастало стремительно. Радикальные вожди общенационального масштаба просто не могли не появиться. И они появились, но уже тогда, когда начало реформ Рузвельта сделало явление новых лидеров народу менее судьбоносным. Критическая точка в истории Америки была пройдена без великих потрясений. В каком направлении пошла страна?

Колонны Рузвельта

Острый кризис социально-экономической системы мог быть преодолен только с помощью ее изменения. Это можно было сделать двумя путями. Либо установить диктатуру, которая будет наводить порядок в экономике тоталитарными методами, либо наладить государственное регулирование хозяйства без разрушения независимых от правительства социальных структур. Второй путь был гораздо сложнее, но именно по нему пошел новый президент США Франклин Рузвельт.

ФДР не был первопроходцем в создании государственно-монополистической

---

¹¹⁰ Alsop S., Catledge R. The 168 Days. NY., 1938. P.15.

системы регулирования экономики. В период Первой мировой войны государство в основных воюющих странах активно вмешивалось в рыночные процессы. Не случайно, что «Франклин Рузвельт и многие из его сторонников, пришедших с ним в Вашингтон в 1933 г., получили свою закалку в области управления национальной экономикой именно в годы первой мировой войны»¹¹¹. Но меры военного регулирования воспринимались как временные. В СССР проводилась политика НЭПа. Но этот вариант государственно-монополистической экономики оказался неустойчивым и сменился тоталитаризмом. Рузвельту предстояло создать систему, которая просуществует несколько десятилетий и проложит путь развития практически всех стран Запада.

Словосочетание «непродуманные реформы» редко применяется к преобразованиям Рузвельта (все-таки результат оказался удачен), но несомненно к ним относится. И непродуманные заранее реформы могут быть удачны, хотя отсутствие четкого плана всегда ведет к расточительству ресурсов и сил. Несмотря на работу «мозгового треста» Рузвельт пока не имел четкого представления о той системе, которую собирался построить, равно как и о природе происходившего кризиса. Но он нашел безошибочный способ оживления экономической жизни — нажимать на все педали и рычаги в надежде, что хозяйственная механика подаст признаки жизни. Затем можно будет развивать то направление, на котором наметились сдвиги. Особенно важно убедить американцев: что-то делается, нужно покончить с психологической депрессией, чтобы отступила депрессия экономическая. В своей инаугурационной речи Рузвельт пытался внушить согражданам оптимизм, призвал их бороться со страхом. Тем временем в США закрылись практически все банки. Наступил финансовый паралич.

Формируя правительство, как это часто бывает в таких случаях, Рузвельт подчеркивал намерение создать команду, очищенную от представителей финансовой олигархии. На деле это кончается чисткой от олигархических групп, которые стояли у власти при прежней администрации, и выдвижением и вовлечением во власть своих олигархов. Также поступил и Рузвельт, пригласив во власть крупных предпринимателей У. Вудина и Д. Кеннеди. Впрочем, немало мест досталось и «технократии», менеджерам, стремившимся к технологической модернизации.

Президент располагал поддержкой Конгресса и немедленно приступил к реформам. В первые «100 дней» своего правления он поставил задачу добиться конкретных результатов в борьбе с депрессией. Президент направил в Конгресс серию законопроектов, которые одобрялись один за другим. Всего за 100 дней конгресс по инициативе Рузвельта принял более 60 законов.

Была проведена проверка банков. Левые сенаторы Лафолетт и Костиган убеждали Рузвельта национализировать банки. К чему бы это привело? В банках не было реальных ресурсов — только специалисты по движению бумаги, символизирующей ресурсы. Банкиры и так были напуганы, а принципиальной альтернативы старой банковской системе не было — ни какой-то структуры прямого обмена продуктами между предприятиями, ни бюрократической структуры вроде советского Госплана. Рузвельт не пошел за своими союзниками слева, не стал создавать альтернативы банковской системе. Он подверг чистке то, что есть. Право на дальнейшую работу получили те банки, которые смогли доказать государству свою кредитоспособность.

---

¹¹¹ Шлезингер А. Указ. соч. С.341.

Часть банков не смогла это сделать и исчезла. Отныне банковские вклады должны были страховаться на случай разорения. Банкам, сохранившим доверие государства, выдавались из казны займы под низкие проценты. 12 марта 1933 г., в первом из своих радиовыступлений, известных как «беседы у камина», президент призвал граждан нести деньги в банки: «Уверяю вас, что безопаснее хранить деньги во вновь открытом банке, чем под матрасом»¹¹². Граждане вняли призыву.

Но финансовая система получит прочную основу, только если заработает производство. А это нужно организовать. Создавались специальные «администрации» — государственные организации, управлявшие сферами, в которые раньше государство почти не вмешивалось.

16 июня 1933 г. по инициативе Рузвельта Конгресс принял Национальный акт восстановления промышленности, который президент считал тогда ядром своих преобразований: «История возможно запишет Национальный акт восстановления промышленности как наиболее важное и далеко идущее законодательство, которое принималось американским конгрессом»¹¹³. История, как мы увидим, рассудит иначе. Но масштаб реформы был действительно впечатляющим — по закону о восстановлении промышленности (НИРА) создавалась Национальная администрация восстановления (НРА), которая провела принудительное объединение всех предприятий в 17 групп. Внутри каждой группы ограничивалась конкуренция, вводились единые цены и распределялись рынки сбыта, условия кредита. Эти супермонополии занимались унификацией технологии, разделом рынков. Официально это называлось «предотвращением нечестной конкуренции» и «гибельного перепроизводства». Скрепляющим раствором обязательных монополий стали «кодексы честной торговли». Они вырабатывались предпринимательскими группами с участием организаций АФТ. Эта работа велась под давлением главы НРА генерала Х. Джонсона. После того, как кодекс подписывался президентом, он был обязателен к исполнению. Те предприятия и корпорации, которые не участвовали в этих соглашениях, не могли рассчитывать на поддержку государства. Более того, на продукцию тех, кто участвовал в кодексах, ставились символы НРА — синий орел, и покупателей призывали покупать только эти «патриотические» товары. В итоге кодексы охватили 99 % промышленности и торговли.

Полномочия созданной еще Гувером Реконструктивной финансовой корпорации были резко расширены. Опасения экс-президента оправдались — деньги налогоплательщика пошли в промышленность. Тем корпорациям, которые были теснее связаны с администрацией, перепадало больше. Сращивание власти и капитала не было новостью для Америки. Но если раньше музыку заказывал капитал, то теперь — администрация.

Пока Рузвельт вел предвыборную кампанию, в центре его выступлений была антимонополистическая риторика. Придя к власти, Рузвельт принялся строить сверхмонополии. Еще один пример предвыборной демагогии? Не вполне. Рузвельт в данном случае не был просто демагогом — организованный государством монополизм был продолжением прежней борьбы за ограничение власти монополистов. Только теперь эта власть ограничивалась не рынком, а государством. А государство — это и

---

¹¹² Roosevelt F. D. Op. cit. P. 37.

¹¹³ Cit.: Freidel F. P. FDR. Launching the New Deal. Boston-Toronto, 1973. P.422.

есть сверхмонополия. Иногда утверждается, что НИРА — институт, «необычайно похожий на систему корпоративного государства Муссолини»¹¹⁴. Впрочем, «Муссолини в 20-е гг. был подлинным любимцем Европы»¹¹⁵. Система НИРА действительно похожа на фашистский экономический эксперимент, который на практике осуществлялся в те же годы, и некоторые меры Рузвельта даже опережали действия Муссолини. Мир шагал разными путями в одном направлении.

Но если Муссолини и Гитлер подмяли профсоюзы под государство, Рузвельт предпочитал компромисс с организациями труда. Этим он сделал профсоюзы своей опорой в политических сражениях. Уже закон НИРА предусмотрел важные уступки трудящимся. Был ограничен рабочий день и введен минимум, ниже которого не должна опускаться зарплата, споры между предпринимателями и профсоюзами разрешало Национальное бюро труда.

Впрочем, Рузвельт мог действовать и против организованного труда.

6 апреля 1933 г. под давлением профсоюзов Конгресс принял закон Блэка о 30-часовой рабочей неделе. Рузвельт планировал другие меры, и без колебаний наложил вето на этот закон. По мнению ФДР, Америку должен был лечить только один врач. Рузвельт выступил против снижения длительности рабочего дня, ссылаясь на те отрасли производства, где регламентировать рабочий день нельзя. Но под этим предлогом идея была «зарублена», хотя могла бы существенно уменьшить безработицу и расширить внутренний рынок. Увеличение количества занятых при относительно низких прибылях позволяло выйти из кризиса за счет капитала.

Баланс бюрократии и капитала — ключевая формула политики Рузвельта. В этой формуле бюрократия, действующая от имени государства — почти синоним нации, представляла все остальные социальные слои, прежде всего бедствующие и потому особенно опасные для капитала: безработных, фермеров, рабочих.

Дабы снять остроту голода, Рузвельт создал структуру, аналогичную ТЕРА, но уже федеральную — ФЕРА. Ее возглавил Гопкинс. «Как величайшую сенсацию пресса преподнесла публике сообщение о том, что в считанные часы, пока прислуга приводила в порядок помещение, Гопкинс ухитрился истратить 5 млн. долл., передав их штатам для оказания помощи безработным»¹¹⁶.

Чтобы справиться с безработицей, администрация общественных работ организовала строительство дорог и других сооружений силами безработных. Был создан гражданский корпус сохранения ресурсов (ССС) для безработных ветеранов и молодежи. Корпус занялся обустройством инфраструктуры США, лесопосадками, развитием системы национальных парков и заповедников. Молодежь проходила здесь и военную подготовку. Заместитель военного министра Г. Вудрин в приливе административного восторга заявил: «Лагерь СССР — предвестники великих грандиозных армий труда будущего»¹¹⁷. В ответ лидер профсоюзов У. Грин заявил, что от этой идеи пахнет фашизмом. Действительно, со времен военного

---

¹¹⁴ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.163.

¹¹⁵ Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. С-Пб., 1997. С.293.

¹¹⁶ Мальков В. Л. Указ. соч. С. 38.

¹¹⁷ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.158.

коммунизма трудовые армии, состоящие из граждан, а не заключенных, не применялись даже в СССР. Но если военизация общественных работ вызывала опасения рабочих, то государственное финансирование работ вызывало их поддержку. «Профсоюзы и организованное движение безработных решительно настаивали на расширении и планомерном развитии общественных работ. Многие влиятельные представители Вашингтонской администрации разделяли эту установку... Гопкинс, например, выступая в сентябре 1938 г. в Сиэтле, говорил, что он предвидит осуществление „великой программы федеральных общественных работ“, продолжительностью в 20 и более лет... „Я рассматриваю такую программу в сочетании системой социального страхования по безработице в качестве единственной возможности обеспечения средствами существования армии хронически безработных людей“, — сказал он. Руководитель Администрации общественных работ Г. Икес с самого начала проводил мысль о создании постоянно действующей системы общественных работ в качестве своеобразного придатка частнокапиталистической экономики, выполняющего роль поплавка и стимулятора роста.

Рузвельт всегда с опаской относился к подобным настроениям»¹¹⁸. И его можно понять. Дальнейшее расширение затратного бюрократического сектора ставило финансы на грань краха или требовало кардинального переустройства всей экономики на нерыночных основаниях.

Всего в общественных работах в начале 1934 г. участвовало около 5 млн. человек. На эти нужды было потрачено 3,3 млрд. долл. И это было только одной из крайне затратных программ Рузвельта. Зимой 1933–1934 гг. действовала также администрация помощи, которая оказывала прямую поддержку безработным и бездомным, создавая для них рабочие места, организуя бесплатное питание и медицинскую помощь. Администрация гражданских работ во главе с Г. Гопкинсом заняла 4 млн. безработных, поддерживала жизнь 20 миллионов человек, потратила 1,5 млрд. долл. на строительство дорог, школ, аэродромов. Проблема безработицы если и не была решена, то потеряла былую остроту. Всего на общественные работы привлекли 10 млн. человек, на них было затрачено 16 млрд. долл.

Разрастание администраций привлекло на сторону Рузвельта значительную часть среднего слоя, прежде всего общественно-активную часть интеллигенции, перед которой открылась возможность получить работу — в том числе и в аппарате новых администраций. Интеллигенция шла в технократы. Но основная масса среднего класса стала чувствовать себя обманутой: «часть средних слоев, связанная с мелким бизнесом, поначалу поверившая обещанию Вашингтона восстановить права „независимого предпринимательства“ и „честную конкуренцию“ путем ограничения произвола крупного капитала, вскоре убедилась, что правительство, во-первых, бессильно приостановить процесс концентрации экономической мощи и, во-вторых, не склонно этим заниматься»¹¹⁹.

Действительно, НИРА вел именно к концентрации. Переход «прогрессистской» интеллигенции в массе своей на сторону президента оставил протест средних слоев без интеллектуального лидерства, что облегчило властям задачу борьбы с этой угрозой.

---

¹¹⁸ Мальков В. Л. Указ. соч. С. 87.

¹¹⁹ Там же. С. 48.

Чтобы получить средства на все администрации и помощь обедневшему народу, иные правительства печатали деньги, обесценивая доходы населения. Чтобы восстановить банковскую систему, Рузвельт добился единовременного выпуска 2 млрд. долларов. Дальнейший выпуск денег мог привести к неуправляемой инфляции. Рузвельт провел девальвацию доллара, которая ослабила финансовый капитал. Ведь долги банкам исчислялись в долларах. Производственный капитал и фермеры, производители конкретной продукции выиграли. В то же время в своих поисках денег на реформы президент сумел избежать неуправляемой инфляции, хотя и сделал доллар менее устойчивым, не опирающимся на «золотой стандарт». Но в тех условиях это было меньшее из зол. «Рузвельт достиг умеренной степени быстрого оздоровления, отчасти отказавшись от „золотого стандарта“, отчасти создав возможности для будущей инфляции»¹²⁰, — комментирует Ф. Фрейдел первые последствия финансовой политики президента. Однако постоянная инфляция мешает производству и обесценивает зарплаты. Поэтому далее Рузвельт пошел другим путем — почти советским. Была введена государственная монополия на золото.

Денег на президентские программы не хватало. Рузвельт отказывался удовлетворить требования ветеранов выплатить «бонус» (денежное вознаграждение). Ветераны, особенно голосовавшие за Рузвельта, считали себя обманутыми. В мае 1933 г. они снова пошли на Вашингтон, готовые к столкновениям с полицией. Это могло нанести сильнейший удар по авторитету ФДР. Но он лучше Гувера понимал психологию масс. Рузвельт предоставил участникам похода военный лагерь, помещения и трехразовое питание. Апогеем стал визит жены Рузвельта Элеоноры в лагерь. «Контраст был очевиден: Гувер выслал против них армию, а Рузвельт прислал жену»¹²¹. Пособия им не дали, но ветераны стали с энтузиазмом записываться в ССС, где им отводились командные должности. Вместо подачек ветераны получили государственную работу. Начался исход безработных в леса. Количество недовольных, готовых к социальной конфронтации людей в городах резко уменьшилось. До второй мировой войны через лагерь ССС прошло 3 млн. человек.

Оздоровляя социальную обстановку в городах, Рузвельт не всегда делал это за счет приобщения граждан к здоровому образу жизни. Так, он отменил сухой закон, подорвав тем самым теневой рынок мафии. Теперь работники этого сектора выходили из «тени». Противникам «спаивания населения» президент отвечал: «потребность в рабочих местах на разрешенных законом вино-водочных заводах сделали морализм слишком дорогим удовольствием»¹²².

Еще одним проектом Рузвельта стала администрация реки Теннесси (ТВА). Это была попытка объединить два направления реформ — управление рыночной экономикой со стороны государства и общественные работы по обустройству США. Для начала Рузвельт решил попробовать это соединение на местном уровне, а потом распространить опыт на другие регионы США. ТВА представляла собой принадлежавшую государству корпорацию, которая развернула строительство электростанций на Теннесси и продажу электроэнергии. В XX веке экономику

---

¹²⁰ Freidel F. Op. cit. P. 339.

¹²¹ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.158.

¹²² Бурстин Д. Американцы: демократический опыт. М., 1993. С.114.

контролирует тот, кто контролирует источники энергии. Не случайно и Ленин начинал индустриализацию с электрификации. В США государство является мотором технической модернизации, плодами которой затем пользуется частный капитал. Но в начале пути капитал был не в восторге: конкуренция со стороны государства сбила цены на энергию в этом регионе. Электроэнергетические монополисты протестовали. Само государство нарушало им же установленные правила «честной конкуренции» (то есть прекращения конкуренции путем раздела рынков).

На полученные TVA средства строилась новая инфраструктура Среднего запада США, оказана помощь фермерам, остановлена эрозия почвы, которая превращала в пустыню эти некогда процветающие регионы.

Рузвельт мог предъявить результат. Но его подарок принимали без восторга. Пресса обвиняла президента во введении государственного социализма в бассейне Теннесси как преддверии огосударствления всех Соединенных штатов. Возражая догматикам либерализма, Рузвельт призывал к прагматизму: «Называйте TVA хоть рыбой, хоть мясом, но оно удивительно вкусно для жителей долины Теннесси»¹²³. Но от дальнейшего распространения опыта TVA Рузвельт отказался.

Параллельно решалась проблема фермеров. 12 мая 1933 г., за день до объявленного начала всеобщей крестьянской забастовки, актом о регулировании сельского хозяйства (AAA) была создана Администрация по регулированию сельского хозяйства (тоже AAA), которая распределяла рынки сбыта продуктов, добиваясь сокращения «лишнего» производства. Фермерам предоставлялись премии за незасеянные площади, компенсации за забой скота. Было забито около 30 миллионов голов скота (то же самое тремя годами ранее по другим причинам и с другими результатами происходило в СССР во время коллективизации). Власти, оплатившие этот коровий геноцид, не решились направить полученное мясо на помощь голодающим — это могло сбить цены, которые желательно было вернуть к довоенному уровню. Мясо уничтожали. Трактора перепахали 10 млн. га уже засеянных пространств, уничтожая результаты фермерского труда.

Доходило до принудительного уничтожения посевов и скота, чтобы от избытка продуктов не падали цены на них. Сохранение уровня цен спасало фермеров от разорения. Но не проще ли было дотировать их труд за счет инфляции? В дальнейшем правительства стран Запада примеряли именно этот метод, не повторяя рузвельтовского варварства.

Под угрозой крестьянской войны фермерское лобби победило финансовое — цены на сельскохозяйственную продукцию были искусственно повышены, фермерские долги, составлявшие 12 млрд. долларов, частично обесценены, а частично погашены государством.

Помощь фермерам сопровождалась «разбазариванием выделенных средств, неоправданно высокими премиями крупным производителям, перепроизводством тех или иных видов сельскохозяйственной продукции. Но это было дело поправимое»¹²⁴. В США происходило нечто прямо обратное тому, что случилось в СССР — массивная помощь сельской инфраструктуре, селу в ущерб части городских слоев. Поэтому забой скота не привел, как в СССР, к подрыву животноводства.

---

¹²³ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.166.

¹²⁴ Шлезингер А. Указ. соч. С.344.

Производительность труда в сельском хозяйстве выросла на 5 % в год (в других отраслях 1–2%).

Засуха нанесла новый «спасительный» удар по сельскому хозяйству — цены достигли искомого уровня, и доходы оставшихся фермеров (10 % хозяйств все же разорилось) выросли на половину. Отсеялись прежде всего мелкие фермы, концентрация сельского хозяйства усилилась.

Ситуация на внешнем рынке была хуже. Он был перегружен, население потребляло меньше — меньше можно было и продать. США не решились на экспорт продовольствия по демпинговым ценам, опасаясь ответных мер. В поисках внешних рынков США стали отказываться от протекционизма — 2 марта 1934 г. был принят закон о внешней торговле, который позволял президенту заключать договор с другими странами о взаимном снижении тарифов на 50 %. Экономические отношения перестраивались на двусторонней основе. Рузвельт не стал восстанавливать старую систему глобального рынка. 3 июля 1933 г. в своем послании он отчитал международную конференцию по стабилизации валют, призвав правительства мира сначала лечить «основные экономические язвы» у себя дома и жить по средствам. Потом, став одним из ведущих мировых лидеров, Рузвельт считал ошибкой, что не использовал конференцию для усиления роли США. Но сохранить прежние принципы организации рынка было невозможно, так что Рузвельт правильно не поехал на конференцию. Он сэкономил средства для внутренних реформ. Глобальный рынок необратимо распался, и в этой ситуации выигрывал тот, кто укреплял свой рынок. В 1936 г. США стали импортировать продовольствие. Мировой рынок постепенно оживал, хотя и не достиг прежних объемов.

Еще одной антикризисной мерой Рузвельта стало установление дипломатических отношений с СССР 16 ноября 1933 г. Нужно было срочно расширять торговлю с Советским Союзом. Нарком иностранных дел Литвинов обещал разместить в странах Запада заказы на 1 млрд. долларов. Это могло помочь выходу из кризиса американской промышленности.

*

В результате реформ «100 дней» индекс Доу Джонса вырос с 56 до 101 (предкризисного уровня он достигнет только в середине 50-х гг.). Цены выросли на 10 %, но доходы населения тоже начали расти, хотя и неравномерно — «честная конкуренция» в нескольких отраслях привела к падению уровня заработной платы. Занятость выросла на 4 миллиона человек. Это повлекло за собой рост емкости внутреннего рынка, стало вытягивать производство.

Несмотря на то, что из острой фазы кризиса выкарабкаться удалось, жизнь все еще была бедной — в 1935 г. доходы городского населения отставали от уровня января 1929 г. на 13 %. 10 миллионов людей оставались без работы. В это время США как раз и достигли того «горизонтального плато», которое либеральные экономисты ожидали увидеть после завершения бума. Но только плато было достигнуто на уровне значительно ниже состояния 1929 г.

За первый срок правления Рузвельта государственные расходы выросли почти в 2,5 раза, а производство — на 60 %. Реформы Рузвельта были весьма затратными. Их нельзя было продолжать, не найдя нового источника ресурсов. Может быть, экспроприировать капиталистов? Но удастся ли найти соответствующее количество

грамотных управленцев, чтобы бюрократическим путем управлять хозяйством, которое привыкло регулироваться рыночным путем. Рузвельт опасался, что более широкое огосударствление может привести к еще большим разрушениям, чем Великая депрессия. И раз уж из нее начали выходить, то дальше следовало действовать как-то иначе. Оставалось еще два ресурса — доходы рабочих и фермеров или (а может быть и) внешние ресурсы.

Возникшая система была неустоявшейся и неустойчивой. Рузвельт пока не создал общество, которое защищало бы рядовых американцев от превратностей судьбы. Он вколол Америке лекарство, которое сняло острую боль, но болезни не вылечило. Ряд мер Рузвельта носили столь же временный характер, что и регулирование хозяйства времен Первой мировой войны. Чтобы придать реформам «ста дней» системную целостность, Рузвельт должен был сохранить НИРА и ААА, а также распространить опыт ТВА на всю страну. В этом случае затратные программы общественных работ и помощь фермерам приобрели бы опору в мощном государственном секторе, контролирующем энергетику (а в перспективе, возможно, и транспорт, другие важные отрасли). Разделив США на «федеральные округа», включающие по несколько штатов (ТВА действовала на междуштатном уровне), Рузвельт мог ограничить власть губернаторов в свою пользу. НИРА обеспечивал контроль над промышленниками, а ААА — над сельской глубинкой. Таким образом, все ресурсы страны оказывались бы под контролем правительственных технократов. Это были бы другие Соединенные Штаты, нежели те, что мы видим в реальности. Они были бы еще более обюрокращенными и авторитарными, менее динамичными, с более усредненным уровнем жизни. Идеалом Рузвельта было «всеобщее разумное благосостояние»¹²⁵. Разумное — то есть ограниченное возможностями страны. И еще одно важное для всего мира обстоятельство — по этому пути США могли бы развиваться преимущественно за счет внутренних ресурсов страны. А не за счет ресурсов остальных стран мира.

Рузвельт сравнивал свои реформы 1933–1934 гг. с перестройкой храма, «который, когда мы его завершим, больше не будет храмом менял и нищих», «камень за камнем мы возводим колонны, которые будут поддерживать этот храм»¹²⁶. Эти колонны — НИРА, ААА, ТВА, ФЕРА, ССС.

В реальности развитие США пошло иными путями. Рузвельт подчинялся конституционным правилам игры, и его противники нанесли ряд болезненных ударов по реформам «ста дней», после чего Рузвельт фактически отказался от достраивания здания, заложенного в начале его правления. «Колонны» сносились одна за другой. В 1933 г. Рузвельту удалось добиться введения основных администраций лишь как временных, попытка узаконить их не удалась. В мае 1935 г. Верховный суд США отменил НИРА. В январе 1936 г. он же признал ААА неконституционной, и ее пришлось ликвидировать. Характерно, что законники подождали, пока меры Рузвельта принесут эффект, и только потом обратили внимание на незаконность его действий. Мавр сделал свое дело, и мог уйти.

«Крестовый поход», объявленный Рузвельтом в начале его правления, завершился. Но американцы ждали от своего президента новых походов, в крайнем

---

¹²⁵ Рузвельт Ф. Беседы у камина. М., 2003. С. 46.

¹²⁶ Там же, С.56.

случае, они могли отправиться в них и без него.

Как и большевикам после их первой попытки потеснить капитализм своим военным коммунизмом пришлось отходить на позиции НЭПа, так и Рузвельту с его «военным» капитализмом в 1934–1935 гг. пришлось отступить. Это означало, что страна может просто вернуться к социальной системе 1929 г., которая, в свою очередь, вернет общество к депрессии. Нужны были новые реформы, и споры вокруг их возможного направления накалили социально-политическую ситуацию. У движения протеста появились новые влиятельные вожди, которые «дышали в затылок» Рузвельту. «Революционная ситуация» не ушла в прошлое.

Радикалы и система

Сегодня мы знаем, что Рузвельт закладывал основы одного из вариантов государственно-монополистической системы, которая стала преобладать в индустриальных странах во второй половине XX века. Через два года после избрания Рузвельта контуры этой модели все еще были не ясны, и не было очевидно, возникнет ли «рузвельтовская» система вообще. То, что уже получилось — это политический стиль, особенности режима. Политика, как это часто бывает при проведении реформ, определяет развитие экономики. Рузвельтовский вариант реформ обычно называют «демократическим».

В чем заключался демократический характер режима президента Рузвельта? Избрание лидера и приход его к власти конституционным путем — еще не демократия. Гитлер возглавлял крупнейшую фракцию парламента и был назначен на пост канцлера вполне конституционно. Такая уж в Германии была конституция. Согласие соблюдать конституцию — тоже не демократия, потому что сама конституция может быть недемократической. Демократия — власть народа, а не элиты. В XX в. демократический режим оказался столь же недостижимым идеалом, как и социализм (строй без эксплуатации и угнетения). В США, как и в других обществах, называющих себя демократическими, демократия присутствует в виде элементов как воздействие большинства членов общества на правящие элиты и как самоуправление, где люди, не являющиеся профессиональными политиками, действительно могут принимать решения по вопросам, от которых зависит их жизнь. Кроме демократии в современном обществе существуют и весьма авторитарные элементы. Организация чиновничества и силовых структур, армии, скажем, отнюдь не демократичны. Далеки от демократии отношения менеджера и рабочего на фабрике. Сосуществование разных систем в одном общественном организме, открытое соревнование разных групп элиты, которое позволяет и народу иногда вставлять свое слово в дискуссии элит — это не демократия, а плюрализм (система, основанная на многообразии). Политический режим США в XX веке носит не демократический, а именно плюралистический характер.

Плюралистический режим имеет две стороны, которые наиболее ярко проявляются в экстремальных ситуациях (а в 30-е гг. в США сложилась именно экстремальная ситуация). С одной стороны, действия правящей элиты против конкурирующих с ней групп бывают весьма авторитарными, с другой — взаимоотношения с населением, способным поддержать политика, должны создавать видимость предельной демократичности. Правящая группа всегда пытается

представить дело так, будто она отражает интересы большинства членов общества. Она готова по возможности действительно удовлетворять хотя бы часть требований тех групп народа, на которые опирается.

Работу по «мобилизации» населения в поддержку влиятельных политических групп выполняют партии. Особенностью политической культуры США была нетвердость партийной дисциплины. Партии демократов и республиканцев представляют собой политические конфедерации различных групп со своими интересами. Перетягивая на свою сторону часть рыхлой массы республиканцев, Рузвельт в то же время укреплял дисциплину своих демократических депутатов, заставляя их поддерживать президентские законопроекты, даже если депутаты не были с ними согласны. В результате двухпартийная система США превратилась в «полупартийную», при которой республиканская партия не могла прийти к власти в прямой конкуренции с демократами, и республиканцы стали входить в администрацию демократов. Такое сращивание двух партий, потеря соревновательности между двумя традиционными политическими гегемонами привело к потере устойчивости политической системы. На авансцену стали выдвигаться новые силы.

Эффективность контроля правителя над массами в XX веке зависит от умения манипулировать сознанием с помощью средств массовой информации. И в СССР, и в нацистской Германии, и в США времен Рузвельта политическим инструментом становилось радио. «Франклин Делано Рузвельт и радио были созданы друг для друга. Даже болезнь, при которой президент вынужден вести свои радиобеседы сидя, стала его преимуществом. До Рузвельта было принято, чтобы государственные деятели произносили свои „обращения“, стоя в официальной позе; теперь же президент США сидел расслабившись в своей гостиной и разговаривал с сидящими дома гражданами»¹²⁷. Эта манера приватной задушевной беседы отличала Рузвельта от митинговой культуры тоталитарных движений. Рузвельт становился членом семьи, а не «отцом нации». Впрочем, как и тоталитарные вожди, он принимал решения, сообразуясь с обстоятельствами, а не с волей своих радиослушателей.

Но в плюралистичной системе доступ к средствам массовой информации имеет не только правящая группировка. Постепенно в эфир стали пробиваться лидеры, которые хотели придать реформам более радикальный и всеобъемлющий характер. Поскольку результаты политики Рузвельта все еще были скромны, на эти идеи был спрос, даже ажиотажный — ведь прорваться в эфир было трудно даже сенаторам. «Привет, друзья, говорит Хьюи Лонг. У меня есть для вас важное сообщение. Прежде чем я начну, окажите мне услугу. Я четыре или пять минут просто поговорю, а вы не теряйте времени и идите к телефону, позвоните своим пяти друзьям и сообщите, что по радио выступает Хьюи»¹²⁸, — так начинал свои радиобеседы сенатор от Луизианы и бывший губернатор этого штата. И люди действительно сбегались к радиоприемникам. Хью Лонг создал организацию «Раздел богатств». Он считал необходимым конфисковать все частные состояния свыше 3 миллионов долларов и передать их государству, после чего распределить их между гражданами США — передать каждому по 4 тыс. долларов, на которые каждая семья могла бы купить дом,

---

¹²⁷ Бурстин Д. Указ. соч. С.602.

¹²⁸ Там же, С.604.

автомобиль и радиоприемник. Превратить всех в средний класс за счет самых богатых. Заимствовав лозунг Прудона, Лонг провозгласил: «Каждый человек — король». Минимальная зарплата должна была быть около 2,5 тыс. долл. в год. Резкий рост покупательной способности должен был обеспечить рост производства. За счет государственных средств должна была обеспечиваться помощь талантам. Государство должно было продолжать скупку лишнего продовольствия у фермеров, но не уничтожать его, как делал Рузвельт, а хранить.

В апреле 1935 г. Х. Лонг говорил: «В условиях нынешнего кризиса допустите ли вы, чтобы горстка завязанных плутократов держала в своих руках управление страной? Вот вам средство против этого: дайте каждому дом стоимостью в 1/3 ценности любого среднего дома — скажем, в 5 тыс. дол. Установите предельную норму для состояний всех частных граждан в размере, скажем, в 300 раз превышающую среднее, т. е. в 5 млн. дол. Обеспечьте каждому доход и установите предельную норму дохода, исходя из того же расчета»¹²⁹.

Программа Лонга претерпевала изменения в зависимости от ситуации — он менял цифры допустимых «потолков» богатства. Лонг предлагал ввести прогрессивное налогообложение от 1 % для состояний в миллион долларов до 99 % для 8 миллионов. Клубы «Раздела богатств» объединяли около 7 миллионов граждан.

Лонга обвиняли в демагогии, но в своем штате он добился высокой популярности конкретными делами: снижением налогов на собственность меньше 2 тыс. долл., оплатой коммунальных услуг государством, проведением общественных работ (в том числе реконструкцией здания университета), запретом взимать плату за доступ к общественным местам (что оживило общественную жизнь, в том числе и деятельность групп, которые не поддерживали Лонга), мораторием на ряд налогов и выплату долговых платежей. Но на все идеи средств у него не хватило — в Луизиане не были приняты законы о социальном страховании, которые Лонг считал прерогативой федеральных властей.

Социальное страхование постепенно превращалось в основной лозунг левой оппозиции США. Врач Ф. Таунсенд в 1934 г. развернул кампанию за выплату пенсий по старости в 200 долларов с условием, что получатель пенсии будет ее не хранить, а тратить, тем самым стимулируя рынок. Эту идею поддержал и Лонг, считая, что на это должны пойти средства федерального бюджета. Начавшись в Калифорнии, движение Таунсенда создало около 3000 клубов по всей стране. Даже коммунисты, склонные оценивать большинство массовых радикальных движений как фашистские и полуфашистские, признавали: сторонников Таунсенда «нельзя отнести даже к полуфашистским» движениям¹³⁰.

Писатель Э. Синклер развернул движение «Покончить с бедностью в Калифорнии». Он утверждал: «самодержавие в промышленности не может сосуществовать с демократией управления»¹³¹. Воспроизводя идеи, близкие известным социалистам XIX века Л. Блану и Ф. Лассалю, Синклер призывал предоставить рабочим средства, чтобы они могли выкупить предприятия и начать

---

¹²⁹ РГАСПИ, Ф.494, Оп.1, Д.37, Л.13.

¹³⁰ Там же. Л.14.

¹³¹ Шкундин М. З. Указ. соч. С.122.

работать на себя. По всей стране создавались клубы поддержки этой программы. Синклер был выдвинут кандидатом в губернаторы Калифорнии от Демократической партии. Но Рузвельт прямо выступил против опасного конкурента, и в 1934 г. победил республиканец, заявивший о своей поддержке реформ Рузвельта. Но сторонники Синклера продолжали действовать в парламенте Калифорнии.

На уровне региональной политики были влиятельны и другие левые движения. В Миннесоте лидирующие позиции на выборах в законодательное собрание заняла Рабоче-фермерская партия. Филипп и Роберт Лафолетты создали Прогрессивную партию и победили в штате Висконсин (на прежних выборах они побеждали благодаря поддержке республиканцев).

Больших успехов в своей пропаганде добился Ч. Кофлин, стоявший на правом фланге радикальных движений. Миллионы американцев слали ему письма после его радиовыступлений. В 1932 г. Кофлин создал Национальный союз за социальную справедливость, который выступал за национализацию банков и естественных ресурсов, государственное «покровительство» профсоюзам, введение налогов на социальные нужды. Считается, что Кофлин был сторонником корпоративной системы наподобие фашистской Италии. Но, несмотря на некоторое сходство своей программы с муссолиниевской (а такое сходство было и у Рузвельта), Кофлин критиковал Муссолини наряду с Гитлером и Сталиным за отсутствие демократии¹³². Он выступал за развитие общественной собственности наряду с частной, которая должна была быть поставлена под общественный контроль. Антисемитская риторика Кофлина и враждебное отношение к профсоюзам ослабили его движение. Но большую поддержку Кофлину оказал Форд. Сначала Кофлин поддержал Рузвельта, но в 1935 г. был разочарован результатами его политики: «Если в новую эру нам дают за такую работу 19, и пусть даже не 19, а 50 долларов, то это значит, что с нынешней плутократической капиталистической системой надо конституционным путем, в порядке голосования покончить раз и навсегда... Соединенные штаты, маскируясь под демократию, на самом деле представляют собой плутократию»¹³³. Демократией Кофлин считал строй, подобный древним Афинам.

Отношение историков XX века к этим движениям не слишком любезное. Это касается и историков-либералов (как сторонников Рузвельта, недовольных его конкурентами, так и его противников, для которых борцы за социальную справедливость — лишь крайние последователи того же Рузвельта, почти коммунисты), и марксистов, с ревностью относящихся к немарксистским народным движениям: «Эти демагогические планы и программы были заранее обречены на провал, так как они никак не затрагивали основы социальной несправедливости — капиталистической системы»¹³⁴. Но не все движения за социальную справедливость, которые прямо не выступают против капиталистической системы, являются демагогическими и обречены на провал. Программа Таунсенда и ряд идей Лонга вскоре были прямо заимствованы Рузвельтом и стали органической частью новой социальной системы США. Неизвестно, как бы оценивали фигуру Лонга, если бы он

---

¹³² РГАСПИ. Ф.494. Оп.1. Д.37. Л.11.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Иванян Э. А. Белый дом: президенты и политика. М., 1976. С.188.

не был своевременно уничтожен. Собственно, и сам Рузвельт выступал против социальной несправедливости, но не против капитализма, но его программа обреченной на провал не была.

Вообще не вполне корректно рассматривать радикальные движения 30-х гг. как однородную массу. Лонг, Синклер и Кофлин имели разные, хотя и пересекающиеся, взгляды. К правым радикалам с большим основанием можно было бы отнести отца Кофлина, так как в его речах национальная тема имела больший вес. Историк В. Согрин категорически настаивает на праворадикальном характере движения Лонга, оспаривая тех американских историков, которые считают его левым политиком. Почему? «Лонг был ярким антикоммунистом, а по совокупности своих взглядов был близок к деятелям фашистского типа»¹³⁵. «Деятели фашистского типа» — формула обтекаемая. Классификация Лонга в качестве фашиста возможна в двух случаях. Либо ядром его программы должна быть внешняя экспансия (что не наблюдается) и националистический радикализм (расизм и антисемитизм в США того времени были так глубоко укоренены в политическую культуру, что Лонг на этом фоне выглядит вполне нейтрально). Либо, если понимать фашизм как идеологию последователей Муссолини — стремление к установлению тоталитарно-корпоративной системы организации производства. Но в этом отношении Лонг был дальше от фашизма, чем даже Рузвельт с его идеей сверхмонополий и «честной конкуренции». Что касается антикоммунизма, то это такой критерий правого радикализма, с которым могут согласиться только коммунисты. Ибо по этому критерию в разряд правых радикалов можно отнести многих социал-демократических, анархистских и либеральных деятелей. Вообще «огульная» характеристика массовых движений США как полуфашистских уходит корнями в оценки Коминтерна, который в это время считал фашистами даже социал-демократов. Поскольку в США социал-демократические идеи не пользовались значительным авторитетом, то досталось радикалам: «большое значение имеет возникновение и рост полуфашистского движения, выдвигающего ту или иную социальную „программу“ и уже привлекающего широкие массы (батюшка Кофлин, Гьюи Лонг)»¹³⁶. Но даже в Коминтерне признавали, что «Гьюи Лонг не злоупотребляет в такой мере нападками на Советский Союз и коммунизм», как Кофлин¹³⁷.

Конечно, по своим методам правые и левые радикалы могут походить друг на друга, но это — сущностно различные явления. Для правых радикалов принципиально важна государственно-этническая консолидация в противостоянии внешнему миру, а для левых — социальные изменения, преодоление классовых и имущественных различий. Лонг несомненно относится ко вторым. Именно поэтому Лонг и близкие ему лидеры стали оттягивать от Рузвельта именно левый электорат.

В 1934 г. Рузвельт, увидев отток от него электората слева, сам стал сдвигаться вправо. Он свернул программу прямой помощи бедным и безработным. Ухудшились отношения президента с профсоюзами. Он все еще отказывался поддержать законы о социальном страховании, считая, что затраты на эту программу будут слишком

---

¹³⁵ Согрин В. Политическая история США. М., 2001. С.285.

¹³⁶ РГАСПИ. Ф.494. Оп.1. Д.37. Л.8.

¹³⁷ Там же. Л.14.

велики.

Почувствовав слабость и оправившись от страха 1933 года, консерваторы перешли в наступление. В мае 1935 г. Рузвельт получил первый сильный удар — Верховный суд признал неконституционность минимальной заработной платы и максимальной рабочей недели и некоторых новых налогов. Затем был отменен НИРА. В ответ началась стачечная волна, охватившая около 8 миллионов рабочих. В ответ на решение Верховного суда уже 5 июня 1935 г. был принят более аккуратно сформулированный Закон Вагнера — национальный акт о трудовых отношениях, который устанавливал минимальную зарплату и максимальную рабочую неделю (44, а затем 40 часов) для межштатных (то есть действовавших не в одном штате) компаний.

Теперь всем работникам гарантировалось право на профсоюзы и запрет на преследование за принадлежность к профсоюзу. Предприниматель был обязан заключать коллективный договор с работниками. Работник получил право на защиту не только в случае увольнения, но и на рабочем месте. Профсоюзы стали надежной опорой президента Рузвельта. О большем они не могли бы мечтать, даже если бы к власти пришла партия, называющая себя рабочей.

Тем временем Верховный суд взялся за ААА, который был отменен в январе 1936 г., накануне предвыборной кампании, что наносило удар по престижу президента. Верховный суд выступил защитником прав штатов и тем самым мог парализовать общенациональную политику. Это могло погубить реформы. Проблема, которая в свое время привела к гражданской войне, снова встала на повестку дня. Она же встанет во весь рост в 60-е гг., во время борьбы с сегрегацией негров. И страна снова будет выбирать: единое социальное и правовое пространство или защита автономии регионов от центральной бюрократии.

Столкнувшись с сопротивлением справа и нарастанием угрозы слева, Рузвельт решил действовать более продуманно, тем более, что во время «атаки на капитал» периода «100 дней» он приобрел богатый опыт. В 1935 г. была создана Администрация развития труда, которая не выплачивала пособия по безработице, а создавала рабочие места: формировала все новые администрации, превращая безработных в низший слой бюрократии; организовывала коллективные фермы. Послышались упреки в создании колхозов, но практика успокаивала. Фермы организовывались так, чтобы заработав, член коллектива мог создать свое дело.

Рузвельт предложил ввести прогрессивное налогообложение для погашения государственного долга, нарастание которого могло погубить любые государственные программы. Это был шаг по пути, предлагавшемуся Лонгом.

Наконец после некоторых колебаний Рузвельт поддержал введение системы социального страхования. 15 августа 1935 г. был принят Закон о социальном страховании. Американцам гарантировалась государственная пенсия по старости и инвалидности, пособие по безработице. Трудящиеся были теперь защищены от нищеты (хотя и в разной степени — в зависимости от предприятия).

Законы 1935 г. заложили основы новой социальной системы США. Но пока они еще не дали результата, Рузвельту важно было выиграть выборы. По опросам Лонг мог собрать 6 миллионов голосов, что ослабило бы прежде всего позиции Рузвельта. Можно было рассчитывать, что в случае поражения Рузвельта именно Лонг станет наиболее перспективным кандидатом на выборах 1940 г. Но 8 сентября 1935 г., приехав в резиденцию губернатора Луизианы, Лонг был убит. Убийца был буквально изрешечен охраной и не смог поведать о мотивах убийства.

После этого союзники Лонга были разгромлены. Последователь Лонга Смит, возглавивший движение после гибели губернатора, был арестован за убийство, которое якобы совершил в разгар избирательной кампании. Доктор Таунсенд был более осторожен, поэтому его отправили в тюрьму за оскорбление конгресса. Многие идеи оппозиции, остатки которой объединились в предвыборный «Союз», были заимствованы Рузвельтом, что постепенно размыло ее почву.

После выборов 1936 г. «третья сила» сошла на нет. Лидер Социалистической партии Н. Томас в старости так объяснял это явление: «Что же выбило почти полностью почву из-под наших ног? Причина может быть выражена в одном слове — Рузвельт. Больше можно ничего не добавлять»¹³⁸. Томас готов прославлять таким образом победоносного президента — в него не стреляли, его не арестовывали, как лидеров «Союза». Входят ли такие методы борьбы с оппозицией в слово «Рузвельт», к которому нечего добавить? Полагаю, явление шире — плюралистическая система отсекает те ее ростки, которые могут привести систему к слишком быстрым (с точки зрения элиты) переменам. При этом прополка политической почвы производится далеко не только центральной властью. Легальные и незаконные репрессии могут входить и в прерогативу штатов, и проводиться по инициативе лоббистских групп.

Разгром оппозиции был и помощью Рузвельту, и предупреждением ему со стороны властных и имущественных каст — нельзя уклоняться слишком далеко влево. Его реформы вызывали опасения. Выступления экс-президента Гувера, вызывали овации, когда он обвинял Рузвельта в опоре на силы, которые стремятся «коллективизировать Соединенные Штаты, в частности, через профессиональные союзы»¹³⁹. Крупный капитал скромно профинансировал избирательную кампанию Рузвельта, но руку помощи протянули профсоюзы. Из 5 миллионов долларов избирательного фонда демократов пожертвования предпринимателей составили 30 тыс. долларов, а профсоюзов — 750 тысяч. Таким образом, Рузвельт уже не был в собственном смысле слова представителем капитала. Хотя и представителем рабочего класса не стал. Он оставался элитарным политиком, который умел выбирать, на какие организованные силы общества опереться.

На выборах в ноябре 1936 г. Рузвельт получил 27,7 миллионов голосов против 16,7 у республиканского кандидата. Обескровленный «Союз» и его кандидат У. Лемке получили меньше миллиона — около 2 % голосов.

Теперь можно было навести в доме порядок. Рузвельт решил реорганизовать Верховный суд, омоловив его состав (и, соответственно, заменив старых судей-республиканцев на своих сторонников-демократов). Но эта реформа не прошла — против проекта президента решительно выступила часть депутатов-демократов: консерваторы-южане, а также часть либералов, которые считали необходимым сохранить разделение властей.

После того, как Рузвельт выступил с инициативой реорганизации Верховного суда, это учреждение не рискнуло более отменять инициативы Рузвельта, тем более, что отныне законы стали формулироваться аккуратнее — с учетом прерогатив штатов.

Но раскол в стане демократов, наметившийся во время борьбы с Верховным судом, воспроизводился и позднее. Рузвельту до Второй мировой войны так и не

---

¹³⁸ Согрин В. Указ. соч. С.285.

¹³⁹ Hoover H. Memoirs. V. III. 1951. P.484.

удалось сплотить свою партию. Борясь с внутривнутрипартийной оппозицией консерваторов, он сделал ставку на левых демократов, сторонников более решительных реформ. Крупным успехом левых стало назначение на пост вице-президента их представителя Г. Уоллеса. Если бы Рузвельт скончался не в апреле 1945 г., а годом раньше, Уоллес стал бы президентом США, и проводил бы политику, существенно отличающуюся от более консервативного курса Трумэна. Но в 1944 г. Рузвельту уже удалось сплотить вокруг себя нацию в условиях войны, и ему нужен был вице-президент, примиряющий президента с консервативными демократами. Для этой роли лучше подходил Трумэн. Маятник истории качнулся вправо в решающий момент, в значительной степени определив направление развития США и мира после Рузвельта.

А пока судьба США оставалась неопределенной. Реформы 1935 г. заложили фундамент новой системы, но не определили, где взять необходимые для социальных выплат ресурсы. До начала Второй мировой войны уровень производства 1929 г. стал пределом роста американской экономики. Как только уровень промышленного производства стал приближаться к нему, в 1937 г. начался новый кризис. В конце года промышленное производство упало на 31 %. В 1939 г. безработица составляла 9,5 миллионов человек, что было в 6 раз больше уровня 1929 г.

Экономический кризис привел и к кризису реформ. Конгресс стал блокировать инициативы президента. В 1938 г. Рузвельт продавил последнюю серию законопроектов, которые заполнили бреши, пробитые Верховным судом. Финалом реформаторской деятельности Рузвельта стала начатая в 1939 г. реформа органов исполнительной власти, которая открыла дорогу для быстрого разрастания президентской бюрократии.

Американский исследователь, уверенный в демократическом характере режима Рузвельта, признает: «Он был подлинно демократическим лидером, однако его многочисленные преобразования обернулись для современной американской демократии такими бедствиями, как введение чрезмерных полномочий для президента, бюрократизация государства и господство интересов различных ведомств, гипертрофированная разбухание государственной машины... Под его руководством американская система правления превратилась из политической структуры, вращавшейся вокруг конгресса, в более динамичную схему государственного устройства во главе с президентом»¹⁴⁰. Динамизм этой системы спорен, если вспомнить «застой» периода Эйзенхауэра и отсутствие перемен в 90-е гг. Но очевидно, что новая послерузвельтовская система является более бюрократической. Впрочем, и за предыдущие годы правления Рузвельта аппарат вырос в полтора раза. И это обстоятельство немаловажно, если мы хотим понять, что построил Рузвельт.

Что построил Рузвельт?

Общество, возникшее в ходе реформ Рузвельта, называют по-разному: государственно-монополистический капитализм, имея в виду, что капитализм не исчез, а лишь был ограничен; государственно-монополистический индустриализм, подчеркивая, что господствующие позиции в развитии индустриального общества

---

¹⁴⁰ Майроф Б. Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы. М., 2000. С.271, 290.

перешли к государству; социальное государство, указывая на принципиально важную роль социальных гарантий государства гражданам, усиления социального, общественного начала за счет частного. Встречаются и менее содержательные, более лозунговые названия, которые также получили большую известность. Ч. Бирд называет эту систему «государство всеобщего благоденствия»¹⁴¹. Автор мог бы без труда заметить, что «благоденствуют» в нем далеко не все. Но идеология берет верх над объективным анализом. А. Шлезингер предпочитает термин «общенародное государство»¹⁴², позаимствованный у социалиста Ф. Лассалья. Лассаль был раскритикован Марксом, который справедливо заметил, что государство не может быть общенародным, поскольку сам народ разделен на социальные слои с совершенно разными интересами. Именно различие этих интересов и вызывает необходимость в государстве, которое одни интересы поддерживает, а другие подавляет. Если эти классовые противоречия исчезают, то и надобности в государстве не будет. Любопытно, что наивную доктрину «общенародного государства» воспроизвели во времена Хрущева идеологи КПСС. Плохо читали своего «основоположника».

Авторы самых разных направлений сходятся на том, что Рузвельт построил новую систему общественных отношений, которая отличается от того, что существовало в США до кризиса 1929–1933 гг. В ходе реформ Рузвельта американское общество так сильно изменилось, что можно говорить о качественно новом этапе в развитии индустриального общества. Выражаясь марксистским языком, «активное вмешательство государства и общества в процессы частнокапиталистического производства и распределения зародились еще раньше, но только после 1933 г. приобрело системообразующий характер, стало не надстройкой над капитализмом, а вошло в его базис»¹⁴³. С базисом тут вышло недоразумение — государственное регулирование экономики всегда «входит базис», каковым по Марксу и является экономика. А вот упоминание «системообразующего» характера приближает нас к ответу на вопрос, чем система Рузвельта отличается от предыдущих. Государственное вмешательство образует новую систему, с новым качеством. Что обеспечивает это новое качество?

До Рузвельта социальная система США являла собой классическое буржуазное общество. В стране господствовал монополистический капитал, который «заказывал музыку» во всех областях — от кинематографа до политики президента. Теперь, как мы видим, политика президента проводится вопреки воле крупнейших капиталов, президент даже избирается благодаря финансовой поддержке профсоюзов. Но и выразителем воли рабочего класса Рузвельта не назовешь. Что за класс стал господствовать в новой Америке? «Новый класс» взял в свои руки штурвал Соединенных Штатов. Это напоминает проблематику анализа социальной структуры СССР, которая в это же время приобрела классические формы. Там более поздние аналитики обнаружили «новый класс» номенклатуры — иерархии чиновников. Но что же здесь нового? Это не новый, а самый старый класс элиты в истории человечества — чиновничество или этократия (от «этос» — «государство»). Этократия (как правило,

---

¹⁴¹ Beard C. A. The Republic. NY., 1943.

¹⁴² Schlesinger A. M. The Age of Jackson. Boston, 1945.

¹⁴³ Согрин В. Указ. соч. С.218.

бюрократия) — социальный слой (класс), осуществляющий коллективное господство с помощью структуры государственного управления. Это класс социальных носителей государства. Все, что принадлежит государству, на деле принадлежит этократии. Как и любой класс, этократия состоит из разных слоев. Наиболее типичный из них бюрократия — иерархия чиновников, отстаивающая ведомственные интересы, неповоротливая и консервативная. Стратегические интересы государства отстаивает высшее руководство страны, которое вслед за Аристотелем можно назвать олигархией. Слои, стремящиеся к производственной модернизации, связанные происхождением с интеллигенцией и менеджерами-производственниками, мы называем технократией. В некоторых обществах (классические феодализм и капитализм) этократия теряет господствующие позиции. В некоторых (абсолютизм и плюралистичные формы государственно-монополистического индустриального общества) — разделяет власть с частными собственниками и отчасти даже гражданским обществом. Пока группа управленцев, интеллигенции и разночинцев стремится прийти к власти и проводить определенную политику с помощью усиления государства, эту группу можно считать отдельным слоем технократии, поскольку она еще не взяла управление государством в свои руки. Когда группа технократов приходит к власти, некоторое время она руководствуется первоначальными технократическими идеями рациональной организации общества. Это происходило и в Советской России в ходе революции, и при создании других огосударствленных обществ. Но, действуя подобным образом, технократия неизбежно усиливает бюрократию и постепенно поглощается ею. Остатки технократии отбраковываются бюрократической массой. Так случилось с неортодоксальными коммунистами в СССР и левыми демократами в США.

Рузвельт создал социальную систему, в которой государственная бюрократия стала господствующим слоем наряду с монополистическим капиталом. В XX веке это был магистральный путь развития человечества, по которому в разных вариантах шли и СССР, и США, и фашистские государства.

Капитализм был ограничен и подчинен государству. Усилилась самостоятельная роль государственной бюрократии, которая не была столь же зависима от буржуазии, как раньше. Капитализм был также ограничен и за счет расширения прав общественных организаций, прежде всего — профсоюзов (государственная бюрократия опиралась на профсоюзную, но их союз против капитала был выгоден и самим трудящимся, от имени которых действовали чиновники). В то же время монополистический характер капиталов только усилился. Происходило сращивание теперь уже равноправных правящих групп — монополистического капитала и бюрократии.

«Свободный» капитализм неустойчив и не может справиться с последствиями собственных социальных издержек (безработица, перепроизводство, финансовые спекуляции, бедность работников и др.). В итоге миссию «упорядочения» индустриального (как правило — еще аграрно-индустриального) общества принимает на себя этократия. Бюрократия использует новые возможности концентрации общественных ресурсов для завершения индустриализации и создания «социального государства» — системы перераспределения в пользу уязвимых (и потому «взрывоопасных») социальных групп, а также в свою пользу. Так возникает государственно-индустриальное (индустриально-этократическое) общество — «высшая фаза» индустриализма.

Социальные и экономические программы государства, как мы видели, связаны с множеством затрат. Поэтому социальное государство должно опираться или на прибыльный государственный сектор (что весьма проблематично, учитывая неповоротливость бюрократии), или на высокие налоги (но тогда из страны побежит капитал). В СССР эту проблему решили «просто» — ликвидировав частную собственность. Такое «лечение» западные лидеры считали хуже самой болезни. Однако сочетание государственного регулирования с капитализмом все время напоминало «тришкин кафтан» — зашьешь дыру заплатой — оголишь другое место. Но оставался еще один источник ресурсов — внешний мир. Распад глобального рынка поставил на повестку дня раздел самого «глобуса».

Государственно-индустриальное общество позволяет более равномерно распределить тяготы кризиса между различными социальными слоями, несколько повысить за счет этого покупательную способность населения и таким образом приподнять планку деловой активности. Но, как мы видели, превзойти докризисный уровень производства само по себе новое общество еще не может. А это — серьезная социально-психологическая проблема. Люди уже попробовали уровень жизни периода «бума» и теперь будут стремиться к этому «золотому веку» всю жизнь. Эта мечта определяет массовые настроения, требования народа к лидеру.

Несмотря на небольшое оживление 1934–1936 гг., депрессия фактически продолжалась вплоть до Второй мировой войны. И это не случайно. Бум 20-х гг. был достигнут за счет финансового преобладания США на мировом рынке. Теперь эти условия были разрушены, и США оставалось надеяться прежде всего на свои ресурсы. Они не позволяли обеспечить производственно-финансовое благополучие в прежнем объеме. Необходимо было подключить мировые ресурсы к экономике США по-новому. О. Григорьев и М. Хазин отмечают, что задача американской политики заключалась в том, чтобы «сделать доллар мировой валютой, за счет чего переносить внутренние американские кризисы „наружу“, а также снимать их совсем за счет дальнейшей долларовой экспансии»¹⁴⁴. Но ведь доллар был одной из признанных стабильных валют и до Рузвельта. Более того, Рузвельт своей девальвацией нанес удар престижу доллара, который подешевел на треть. Фунт стерлингов был более удобной валютой. Социальное государство вообще предполагает большие затраты государства. А где взять средства? Государственный долг вырос в 1929–1940 с 16 % до 51 % ВВП. Это угрожало доллару обвальным падением. Медленно растущий уровень благосостояния американцев мог рухнуть вслед за национальной валютой. Рузвельту нужно было найти новое обеспечение доллара, долгосрочные ресурсы финансирования системы социального государства. При всей важности долларовой экспансии, первоначально не она была важнейшим средством восстановления экономической мощи США.

В начале века выход США на сильнейшие финансовые позиции в мире стал возможным благодаря Первой мировой войне. Война, которая не принесла разрушений на американскую землю, дала стимул военному производству, а через него — всей экономике. После войны некоторое время выплачивались военные долги. Теперь эти факторы отпали. Ради процветания Америки они должны были быть восстановлены. Дело мировой войны — горячей или холодной, против «оси» или «империи зла» должно было стать допингом американской экономики. Америка

---

¹⁴⁴ Распад мировой долларовой системы. Ближайшие перспективы. М., 2001. С.36.

достигнет уровня производства 1929 г. после того, как военно-промышленный комплекс США и связанная с ней экономическая инфраструктура будут поддерживаться потенциалом остальных стран Запада и ресурсами половины мира. В эпоху индустриально-этократического общества именно ВПК становится мотором экономического возрождения. После того, как в середине XX века господствующее положение американской экономики в глобальном рынке, не входящем в советскую зону влияния, утвердилось, доллар стабилизировался и превратился в мировое средство платежа и накопления — даровой ресурс американского государства. Теперь затраты американского государства оплачивались не только налогоплательщиками и союзниками США, но и всеми, кто принимал доллары к уплате наряду с национальной валютой. Инфляционное напряжение, спровоцированное социальными программами Рузвельта, отступило. Толчком этого нового бума стала Вторая мировая война.

Но в середине 30-х гг. все это было еще впереди. Бюрократия США научилась концентрировать людские и материальные ресурсы. Она была морально готова к войне, особенно где-нибудь подальше от американских берегов. Государственно-индустриальное общество словно создано для войны. Но американская социально-политическая культура — нет. В Америке господствовал изоляционизм, нежелание втягиваться в военные конфликты Старого света. Пока Рузвельту казалось, что его реформы позволяют все увереннее выходить из кризиса, он был готов принимать правила игры изоляционизма. 31 августа 1935 г. был принят закон о нейтралитете, запрещавший не только участие в военных конфликтах за пределами Америки, но даже торговлю американским оружием. Рузвельт был недоволен законом и заявил, что «негибкие положения могут вовлечь нас в войну, вместо того, чтобы уберечь от нее»¹⁴⁵. Но он еще не понимал, что закон, касающийся внешней политики, может заблокировать выход США из кризиса.

Никакого ВПК еще не было. США ни с кем не хотели ссориться. Но вот кризис 1937 г. показал, что США пока не могут сами по себе преодолеть депрессию. В 1937 г. экспорт американского оружия был разрешен, но только за наличный расчет и не на американских судах. В 1940 г. началась реализация оборонной программы, призванной «вытянуть» экономику. Но этому оружию нужно было обеспечить сбыт. Задача выхода из депрессии требовала войны в Старом Свете.

По мере роста военной угрозы в Европе Рузвельт все явственнее превращался в полноценного игрока в большой предвоенной игре. Иронизируя над своими критиками, он как-то заявил: «Шесть лет вы слышите, что я только и хлопочу, чтобы сбросить страну в войну, послать вас и ваших младших братьев на кровавые поля сражений в Европу...»¹⁴⁶ Рузвельт думал, что он высмеивает своих противников. Но это было сказано за три года до вступления США в войну. Но условия для этого «выхода» создавались вдали от американских берегов.

Глава III

Германия: социализм или варварство

---

¹⁴⁵ Цит. по: Мальков В. Л. Указ. соч. С. 104.

¹⁴⁶ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С.251.

Канцлер-голод

В Германии был осуществлен выход из Великой депрессии, который имеет много общих черт как с американским, так и с советским. Когда думаешь о выборе, который стоял тогда перед Германией (а может быть, стоит теперь перед миром), вспоминаешь об альтернативе, поставленной Розой Люксембург: «социализм или варварство».

Но этот «выход» оказался самым страшным. Насколько победа нацизма была неизбежна, насколько она вытекала из Великой депрессии, а насколько — из германских условий, политической традиции, личности Гитлера, наконец? Вопрос не праздный. На дворе — новый глобальный кризис, который неизбежно приведет к росту национально-авторитарных движений и настроений. При каких условиях нам следует ждать явления нового Гитлера?

Мировой кризис больно ударил по германской экономике, еще не оправившейся от потрясений начала 20-х гг. В стране было 5 миллионов безработных. Германия была в принципе лучше готова к кризису в отношении социального страхования, чем, скажем, США. Еще в 1927 г. был принят закон о социальном страховании по безработице. Но в условиях кризиса средств на полноценные выплаты не было. Чтобы было что распределять, сначала нужно было хоть что-то изменить в организации производства. А здесь социал-демократы проявили полный консерватизм, контрастировавший с фантазией левой социал-демократии в период Ноябрьской революции 1918 г. Воспоминания о ней неприятно тревожили совесть постаревших эсдеков. Упущенный шанс можно было повторить, но не вызовет ли это новой гражданской войны? Получив отказ консервативного президента на свои предложения повысить страховые выплаты безработным, глава коалиционного правительства социал-демократ Мюллер в марте 1930 г. ушел в отставку. После этого социал-демократы поддерживали «гуверовский» курс правительства консервативного политика Брюнинга, считая его меньшим из зол. Консерватизм мышления не позволял им заметить, что в результате такой политики ситуация развивалась от меньшего из зол к большему.

Правительство Г. Брюнинга сделало своим лозунгом экономию. Либеральная политическая экономия диктовала устаревшие решения. Германия была столько должна, и состояние ее платежного баланса было настолько плачевно, что меры экономии не спасли экономику, а лишь обострили социальные бедствия, поскольку экономии прежде всего на бедствующих. Это обрекало либеральные партии на поражения в условиях выборов. В результате канцлер Брюнинг не мог сработаться с парламентом, который ориентировался на настроения избирателей. Президент Гинденбург назначал новые и новые выборы с одним и тем же результатом — усилением оппозиции.

Для Гитлера это был шанс, и он им воспользовался. Если в 1928 г. НСДАП¹⁴⁷ получила 810 тыс. голосов и 18 мандатов, то на выборах в сентябре 1930 г. собрала 6 миллионов 409 тысяч, что давало право на 107 депутатских мест — второе место после социал-демократов. В затылок нацистам дышали коммунисты — 4 миллиона 592 тысяч голосов и 77 мест. В условиях быстрого размывания либерально-консервативного центра правящая элита не могла не понимать — борьба за радикальные массы ведется между коммунистами и нацистами.

---

¹⁴⁷ О становлении фашизма и нацизма см. Шубин А. В. Мир на краю бездны. С. 81–115.

Но большинство немцев, привыкших считать себя носителями великой цивилизации, не понимали, что шаг за шагом наступает варварство.

Успеху нацистов способствовал раскол рабочего движения. Часть рабочих поддерживала социал-демократов, часть — коммунистов. Свои профсоюзы создали и нацисты. Коммунисты выступали за ликвидацию рыночной экономики и парламентской демократии, превращение Германии в советскую республику по образцу СССР. У них тоже были свои отряды, которые участвовали в столкновениях с полицией. После кровопролитных столкновений коммунистического Союза красных фронтовиков с полицией 1 мая 1929 г. он был запрещен, но в полуподполье его отряды сохранялись.

*

С самого начала существования фашизма и его германского варианта нацизма коммунисты относились к ним с крайней враждебностью. И это естественно по многим причинам. Во-первых (и это для коммунистов было важнее всего), фашисты были настроены крайне антикоммунистически. Во-вторых (и это было настоящей причиной первого), коммунисты и фашисты были конкурентами в борьбе за отчаявшиеся массы, стремившиеся к радикальным переменам, лишь бы выйти из своего бедственного положения. Коммунисты и фашисты были двумя вариантами тоталитарных движений, но одно стремилось установить тоталитарное общество на основе социально-классового сплочения, а другое — национально-расового. И в этом была принципиальная разница. Поэтому (в-третьих) фашисты и коммунисты при всем сходстве формы их авторитарной организации и режимов, установленных ими в разных странах, в отношении социальной организации общества действовали в разных направлениях.

Пока фашизм еще только возникал, коммунисты сравнивали его с «черной сотней» и «белой гвардией», надеясь, что вовлечение в это реакционное движение широких масс «взорвет» фашистский режим изнутри. Ведь массы-то, по мнению коммунистов, прогрессивны и демократичны по своей природе, они стихийно стремятся к свержению капитализма, а фашизм его защищает.

Но этого не произошло, и коммунисты стали искать объяснения такому странному явлению — массовое народное движение (то есть движение, в котором участвуют широкие средние слои и даже часть рабочего класса) служит буржуазии. Немецкий коммунист А. Тальгеймер предложил считать фашизм бонапартистским явлением, обращая внимание на то, что служит оно скорее не буржуазии, а самому себе, опираясь на разные социальные силы. Но эта идея не прижилась, ибо ослабляла внимание к борьбе против капитализма. Все зло — от капитализма. Фашизм — зло, следовательно, и он — слуга капитализма. V конгресс Коминтерна в 1924 г. принял формулу Г. Зиновьева, по которой «Фашизм представляет из себя боевое оружие крупной буржуазии в борьбе с пролетариатом, который она не в силах сломить путем законных государственных мер... Однако по социальному составу фашизм должен быть признан мелкобуржуазным движением»¹⁴⁸. Итак, мелкая буржуазия служит материалом для орудия буржуазии. Это ставило фашизм в привычную для

---

¹⁴⁸ Пятый всемирный конгресс III Коммунистического Интернационала. 17 июня — 8 июля 1924 г.: Стенографический отчет. Ч. 2. М., — Л., 1925. С.121.

коммунистической идеологии нишу, где уже находилась социал-демократия — тоже «орудие буржуазии», которое по социальному составу представляет мелкобуржуазную интеллигенцию и проникнутый мелкобуржуазными настроениями рабочий класс. Такое нехитрое умозаключение позволило конгрессу прийти к выводу: «все буржуазные партии, и особенно социал-демократы, принимают более или менее фашистский характер... Фашизм и социал-демократия составляют два острия одного и того же оружия диктатуры крупного капитала»¹⁴⁹.

Социал-демократы отвечали коммунистам теми же чувствами, без труда находя общие черты между ними и фашистами (диктатура в партии и стремление к установлению диктатуры в стране, готовность к применению насилия). Так возник треугольник ненавидящих друг друга сил: фашисты — коммунисты — социал-демократы.

Справедливости ради надо сказать, что коммунисты навешивали ярлык фашизма не только на социал-демократов. Секретарь Исполкома Коминтерна (ИККИ) Д. Мануильский утверждал в 1931 г., «что во всех капиталистических странах, там буржуазная демократия срачивается с фашизмом»¹⁵⁰. К фашистским государствам он относил, например, Югославию и Польшу, где существовали обычные авторитарные режимы. Признаки фашизма выдвигались настолько широкие, что распознать настоящий фашизм, наибольшую угрозу было очень сложно. Так, Мануильский называл такие «основные моменты фашизма», как наступление на коммунистическую партию, классовое сотрудничество, огосударствление профсоюзов, классовые армии¹⁵¹. Если не считать первого признака, антикоммунизма, то под такое определение фашизма подпадал и сам большевизм, и социал-демократия.

Только в 1933 г., когда нацисты победили в Германии, по инициативе Сталина было принято более конкретное определение: «Фашизм есть открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»¹⁵². При том, что краски сгустились, ясности это определение не добавило, потому что за рамками такого понимания фашизма остались противоречия между фашистским руководством и как раз финансовым капиталом. Что касается масс «мелкой буржуазии», то им оставили роль «массового базиса» диктатуры. Оставалось неясным, почему диктатура «элементов финансового капитала» имеет именно такой «массовый базис».

Не будем строго судить теоретиков Коминтерна за несуразности в определении фашизма (включая нацизм) — они преследовали не научные, а идеологические задачи, рисуя зло доступными им красками. Но в наше время уже не стоит слепо следовать за определением 1933 г. Есть смысл обратить внимание на самостоятельные интересы фашизма, отличные от интересов буржуазии и средних слоев.

К другим националистам Сталин по стратегическим соображениям готов был отнестись более терпимо. В 1931 г. Сталин спросил у члена ЦК КПГ Ноймана:

---

¹⁴⁹ Там же. С.121.

¹⁵⁰ Коминтерн против фашизма. М., 1999. С.259.

¹⁵¹ Там же. С.262.

¹⁵² XIII пленум ИККИ: Стенографический отчет. М., 1934. С.589.

«неужели вы не верите в то, что если в Германии придут националисты, то они погрязнут исключительно в соперничестве с Западом, а мы будем иметь возможность спокойно строить социализм?»¹⁵³ Уж не значит ли это, что Сталин потворствовал приходу Гитлера к власти? Но приход к власти в Германии не просто националистов, а нацистов означал уничтожение одной из крупнейших партий Коминтерна и потому был неприемлем для Сталина.

Коммунисты, в том числе и в Германии, были настроены в отношении фашизма исключительно враждебно. Лидер КПГ Э. Тельман провозглашал: «Мы атакуем, мы наступаем против фашизма. Мы должны победить и искоренить его, применяя все, в том числе и крайние формы борьбы... террор национал-социалистов мы должны подавить, применив революционное насилие со стороны самих масс»¹⁵⁴. Для лидеров Веймарской республики это означало провоцирование гражданской войны. В Германии «разгорелась настоящая красно-коричневая война: только в 1931 г. было убито 200 человек, и 15 тыс. ранено»¹⁵⁵.

*

Несмотря на успехи его партии, Гитлер не стал депутатом. Ведь у него все еще не было германского гражданства. Он оставался австрийцем, борющимся за объединение двух германских государств — своей старой и новой родины.

Фракцию возглавлял Штрассер, который в погоне за влиянием на обездоленные массы снова грозил испортить Гитлеру роман с крупным бизнесом. Осенью 1931 г. нацистская фракция внесла предложение о введении четырехпроцентного потолка на все займы, национализации крупных банков и владений «восточных евреев». Гитлер одернул фракцию, она отозвала радикальный проект. Но тот уже начал свою жизнь — его внесли коммунисты, и нацистам пришлось униженно голосовать против собственного проекта.

Зато этот инцидент был по достоинству оценен элитой бизнеса. Помимо стальных и угольных королей Гитлера стали финансировать электротехническая корпорация «Сименс» и оружейный король Крупп. Гитлер получил около 10 миллионов марок.

Но пока Гитлер обхаживал плутократов, у руководителя политической организации НСДАП О. Штрассера и руководителя нацистских штурмовиков Э. Рема появились свои связи во властной элите. С ними вступил в общение «красный генерал» Курт фон Шлейхер, заместитель министра обороны, инициатор политизации армии, имевший влияние на президента, ас секретных операций (он, в частности, налаживал негласное военное сотрудничество с СССР в 20-е гг.). Как и большинство германских офицеров, Шлейхер был националистом, но весьма гибким, он активно вел консультации и с западными странами, и с СССР. Сотрудник Шлейхера Мюллер отмечает, что его шеф ратовал за сближение с Англией и Францией¹⁵⁶. В результате

---

¹⁵³ Пленков О. Ю. Указ. соч. С.449.

¹⁵⁴ Тельман Э. Биография. М., 1984. С.316.

¹⁵⁵ Пленков О. Ю. Ук. соч. С.496.

¹⁵⁶ Мюллер В. Я нашел подлинную Родину. Записки немецкого генерала. М., 1974. С.176.

ему удалось достичь предварительных соглашений об урегулировании проблемы германских вооружений. «Усиление рейхсвера было обеспечено. По этому вопросу он с 1930 года поддерживал через французского посла в Берлине Франсуа Понсэ сугубо доверительные контакты с правительствами Англии и Франции...»¹⁵⁷

Несмотря на близость к монархисту и консерватору Гинденбургу, Шлейхер считал необходимым сохранение Веймарской республики и был противником военной диктатуры. «Шлейхер был против введения осадного положения, считая, что оно разлагает армию»¹⁵⁸. «Человек, который уверенно ориентировался в политических сферах, обладая чрезвычайной ловкостью в переговорах и диалоге, выказывал способности умного и умеренного тактика перед лицом бюрократии и парламента, был большой редкостью в среде прусских офицеров. Особенная ценность его персоны заключалась в том, что он владел парламентской тактикой в совершенстве, не потеряв при этом специфического офицерского самосознания. На этом слиянии причастности к немецкой военной традиции с одной стороны и полном овладении парламентскими методами, с другой стороны, и покоилось его практически монопольное положение в системе власти на заключительной стадии Веймарской республики»¹⁵⁹ — характеризует Шлейхера историк Т. Эшенбург.

Шлейхер понимал, что выйти из кризиса невозможно без широких социальных реформ. Но для этого необходимо было создать дееспособное реформаторское правительство.

Рост крайних фракций в парламенте приводил к параличу системы парламентского лоббирования, когда противостоящие фракции уравнивают друг друга. Теперь их противостояние и непримиримость парализовали власть, не давали провести необходимые преобразования. Брюнинг стал добиваться введения чрезвычайного положения от восьмидесятичетырехлетнего президента — фельдмаршала Пауля Гинденбурга. Ради чего? Ради той же политики экономии. Авторитарное решение в этих условиях лишь подливало масла в огонь — веймарская государственная конструкция отрывалась от корней гражданского общества, которое не могло поддержать такую политику. Правление с помощью декретов, составленных Брюнингом и подписанных Гинденбургом, вызвало «совершенное исключение рейхстага из политики и слияние законодательной и исполнительной власти. Теперь престарелый маршал первой мировой войны, президент Пауль Гинденбург остался единственной опорой республики»¹⁶⁰. Но, несмотря на атрофию парламентаризма при Брюнинге, фактор парламентского большинства оказался решающим в дальнейшей политической борьбе — как гарантия эволюционности перемен, как гарантия законности происходящего, успокаивавшая засыпающие институты гражданского общества, которые также все еще были опорой республики. Понимая это, Гитлер тщательно соблюдал конституционные правила, пока не получил возможность нанести решающий удар и по гражданскому обществу, и по конституции.

---

¹⁵⁷ Там же. С.249.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Цит. по: Пленков О. Ю. Указ. соч. С.500.

¹⁶⁰ Пленков О. Ю. Указ. соч. С.497.

Политика Брюнинга создавала тепличные условия для роста нацизма. В условиях кризиса он по-гуверовски уклонялся от реформ. Предел политической фантазии Брюнинга заключался в том, чтобы «добиться мирным путем реставрации монархии. На этом строилась моя политическая стратегия»¹⁶¹. Брюнингу и в голову не могло прийти, что может быть что-то политически более важное, чем борьба монархистов и республиканцев.

Некоторые успехи Брюнинга во внешней политике были следствием обстоятельств и также не могли существенно улучшить ситуацию. После подписания плана Юнга французы эвакуировались из рейнской зоны в июне 1930 г. Зона по условиям Версальского договора оставалась демилитаризованной, что ограничивало германский суверенитет над ней. 30 июня 1931 президент США Гувер объявил мораторий на выплаты долгов Америке, что обеспечило Германии небольшую финансовую передышку, но не улучшило экономическую конъюнктуру. Углублению кризиса способствовала и финансовая политика Брюнинга: «Тщательнейшим образом выполняя план Юнга и не принимая никаких мер по оздоровлению экономики, он намеревался вызвать „кризис осознания“. И таким образом побудить мир, т. е. Францию, Англию и США отказаться от взимания репараций»¹⁶², — считает К. Линденберг.

Мнение о сознательном провоцировании кризиса Брюнингом оспаривает О. Ю. Панков: «Главной задачей Брюнинга было смягчить, насколько это возможно, последствия кризиса 1929 г., чтобы содействовать таким образом стабилизации политической ситуации. Сделал он немало: не стремясь к сбалансированному бюджету (это было бы утопией в тогдашней ситуации), он увеличил пособия по безработице на 6,5 %, сократил жалование и пенсии государственным служащим, сократил дотации землям и общинам, несмотря на сопротивление сохранил налог на холостых, увеличил помощь ремесленникам и крестьянам»¹⁶³. Эта апологетика «канцлера-голода» звучит как черный юмор. Сокращение зарплат, пенсий и дотаций как средство борьбы с Великой депрессией — это подливание керосина в огонь. Рассуждения о помощи Брюнинга крестьянам, о его готовности пойти на инфляцию резко контрастирует с мнением французского посла Ф. Понсе, который более точно охарактеризовал ситуацию: «Канцлер сознательно обратился к дефляции. Он урезает оклады, пенсии, чем вызывает неудовлетворение рабочих, служащих, пенсионеров. Он ввел контроль за ценами, который раздражает крестьян, контроль за банками, который злит финансистов, он ненавистен промышленности, так как потребовал снижения цен на сырье, установленных картелями. Все его ненавидят, даже социал-демократы не скрывают, что держатся за него, исключительно по причине того, что боятся худшего»¹⁶⁴.

Был ли у Брюнинга план «чем хуже, тем лучше», или он просто придерживался либеральных экономических догм — результат одинаков. Проводилась «гуверовская»

---

¹⁶¹ Линденберг К. Технология зла: К истории становления национал-социализма. М., 1997. С.56.

¹⁶² Там же. С.54.

¹⁶³ Пленков О. Ю. Указ. соч. С. 494–495.

¹⁶⁴ Цит по: Пленков О. Ю. Указ. соч. С.495.

политика сохранения условий, которые привели к кризису.

Позднее Брюнинг считал, что его политика пала жертвой изощренной и демагогической агитации противников: «Современная техника пропаганды является более разрушительной, чем какое-либо оружие. Она препятствует осуществлению и конструктивных решений, это опасная тенденция развития в условиях современной массовой демократии»¹⁶⁵. Но в эпоху масс манипулирование информацией дает результат лишь в том случае, если массы сталкиваются с неблагополучием своей жизни. А недальновидной социально-экономической политике не может помочь и самая изощренная пропаганда.

*

Положение республики стало критическим в связи с президентскими выборами. Президент был стар, но, как казалось, предсказуем хотя бы в силу своего консерватизма. Он был бы не прочь оказаться последним президентом и восстановить монархию Гогенцоллернов, но в условиях кризиса это могло бы объединить всех демократов и вызвать революцию. Поэтому президент все же решился выйти на выборы, сплотив вокруг себя «партию власти» и левых. Конечно, не легко было убедить социал-демократов поддержать президента, которого они считали реакционером. Нужно было «пугало», чтобы Гинденбург оказался меньшим из зол. Обычная в таких случаях предвыборная тактика. Гитлер оказался как нельзя более кстати. 25 февраля 1932 г. он наконец получил германское гражданство (правда, благодаря не президенту, а региональным властям Брауншвейга, где нацист стал министром внутренних дел).

В связи с тем, что между националистами Гинденбургом и Гитлером различие было лишь в степени радикальности, коалиции вокруг двух кандидатов складывались хаотически. Если за Гинденбурга выступали консерваторы, либералы и социал-демократы, то за Гитлера, помимо НСДАП — разношерстная коалиция правых радикалов. Подобно Рузвельту, Гитлер лучше своих конкурентов использовал технические новшества — самолет и радио. С их помощью он сумел «постучать в каждый дом». Мещанская Германия смотрела на Гитлера с симпатией. Имидж фюрера того времени хорошо передает мнение министра обороны Гренера о Гитлере: «Производит приятное впечатление, скромный, достойный человек, который стремится к лучшему. По поведению типичный педант, стремящийся к самообразованию... Гитлер имеет хорошие цели и намерения, однако он энтузиаст, пылкий и многосторонний»¹⁶⁶. Но если для военных Гитлер был вполне приемлемым политиком, то для либеральных и социал-демократических кругов наступление нацистов было достаточным основанием для поддержки Гинденбурга.

На ложную альтернативу Гитлер-Гинденбург (ее ложность будет доказана лишь год спустя) не «клюнули» только коммунисты, которые выдвинули Э. Тельмана. Во время предвыборной кампании Тельман призвал «устранить ту стену, которая стоит между социал-демократическими и коммунистическими рабочими»¹⁶⁷. Пока это был

---

¹⁶⁵ Там же, С.522.

¹⁶⁶ Цит. по: Буллок А. Указ. соч. С. 289–290.

¹⁶⁷ Руге В. Как Гитлер пришел к власти: германский фашизм и монополии. М., 1985. С.216.

предвыборный ход, рассчитанный на социал-демократов, не желающих голосовать за ретрограда Гинденбурга. Тельман, как и прежде, обращается к социал-демократическим низам через голову руководства СДПГ. Но после выборов Тельман начнет предлагать совместные действия уже социал-демократическим лидерам, что будет означать отказ от прежней стратегии борьбы с «социал-предателями» и «социал-фашистами». Однако консервативное мышление лидеров СДПГ не позволило им быстро перестроить свою политику в отношении коммунистов.

Либеральный историк считает, что выдвижение кандидатуры Тельмана на выборах — «не первый и не последний случай, когда коммунисты по приказу из Москвы рискованно играли на руку нацистам»¹⁶⁸. Это мнение предвзято, ибо игнорирует историческую перспективу: Тельман отбирал голоса и у Гитлера, и у Гинденбурга. А те, кто голосовал за Гинденбурга, способствовали приходу к власти именно Гитлера, который всего через несколько месяцев будет назначен на пост канцлера именно Гинденбургом.

Но пока половина немцев предпочла мечту о стабильности рискованным переменам. Выступление Гинденбурга 10 марта 1932 г. соответствовало их настроениям: «Избрание партийного деятеля, крайние, односторонние взгляды которого восстановили бы против него большинство народа, ввергнет нашу страну в беспорядки с непредсказуемыми последствиями»¹⁶⁹. 13 марта Гинденбург получил 49,6 % голосов, Гитлер — 30,1 %. Тельман получил 13,2 %. 10 апреля во втором туре Гинденбург получил 53 %, а Гитлер — 36,8 %.

Казалось, Гитлер стал вторым по весу политиком в стране. Но в ходе кампании он сконцентрировал вокруг себя такие организационные ресурсы, которые не легко было удержать. Тем более, что Гитлер был нужен как проходная фигура в сложной политической игре, направленной на консолидацию электората Гинденбурга. Гитлер пригодился, но теперь был не настолько нужен.

14 апреля Гинденбург обнародовал декрет о роспуске СА, одним из инициаторов которого был Шлейхер. Это был тяжелейший удар по престижу Гитлера. Рем предлагал сопротивляться, но Гитлер понимал, что рейхсвер раздавит штурмовиков несмотря на их численное превосходство. Гитлер не хотел предстать перед нацией как смутьян и организатор гражданской войны. Сейчас, когда Гитлер стал влиятельным уважаемым политиком, он не хотел вновь превращаться в путчиста, и приказал Рему подчиниться декрету. Теперь штурмовики должны были либо разоружиться, либо получить какой-то иной статус. Этот статус предложил Шлейхер. Его идея с запретом СА была частью далеко идущего плана: вовлечь СА в рейхсвер на правах полувоенной милиции, тем самым подчинив штурмовиков себе. Чтобы Гитлер не сопротивлялся этой комбинации, его планировалось поманить местом в правительстве, а в случае успеха вовлечь во власть и тем самым связать ответственностью за проводимую политику. Расчленив таким образом нацистское движение, Шлейхер мог бы сделать национал-социалистов младшим союзником социал-патриотического курса. «Моя тактика по отношению к Гитлеру, по сути дела, не отличалась от тактики нашего верховного командования в революции 1918–1919 годов. — вспоминал

---

¹⁶⁸ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т.1. С.191.

¹⁶⁹ Там же.

Шлейхер незадолго перед гибелью. — Мы стремились тогда привлечь СДПГ к государственной власти и одновременно вели борьбу против ее радикальных элементов, стараясь парализовать их активность... Знал я и о противоречиях в нацистской партии, и о серьезных разногласиях среди нацистов в вопросе о том, чего им следует добиваться — неограниченной полноты власти в стране или участия в кабинете демократического правительства. Меня не раз упрекали в том, что я от имени правительства вступил в официальные контакты с национал-социалистами и самим Гитлером. Но я не мог достигнуть своей цели без переговоров с ними»¹⁷⁰.

Но Гитлер не согласился на роль младшего партнера в правительстве и удержал под своим контролем руководство штурмовиков. В то же время министр обороны старый генерал Гренер был вовсе не в восторге от идеи размывания рейхсвера массой коричневорубашечников. Вся комбинация Шлейхера оказалась под угрозой. Нужен был тайм-аут.

Тем временем Брюнинг одерживал пирровы победы. Под угрозой роспуска парламента депутаты вотировали предложенную Брюнингом программу финансовой экономии. Чтобы перетянуть на свою сторону социал-демократов, Брюнинг предложил национализировать за вознаграждение ряд разорившихся поместий. Это вызвало гнев юнкеров, от канцлера отступился президент-юнкер Гинденбург.

13 мая, во время выступления министра обороны Гренера в рейхстаге нацисты устроили старому генералу обструкцию за попытку распустить СА. Но более всего его поразило, что в кулуарах парламента против него выступили и военные, в том числе Шлейхер. Министр обороны подал в отставку. 30 мая Гинденбург отправил в отставку и все правительство Брюнинга. Конечно, продолжение его «гуверовской» политики привело бы лишь к углублению социального кризиса. Но на смену Брюнингу, который пытался предпринимать хотя бы какие-то меры по борьбе с кризисом, пришел «переходный» кабинет во главе с консерватором Францом фон Папеном. Любая переходность в этой обстановке означала потерю драгоценного времени. Правительство было составлено из консервативных бюрократов и представителей бизнеса. Самой яркой фигурой в нем оказался генерал Шлейхер, ставший министром обороны. Партия католического центра, к которой принадлежал и Папен, и Брюнинг, была возмущена смещением своего лидера Брюнинга и назначением Папена в обход партии. Центр исключил отступника Папена из своих рядов сразу после его назначения канцлером.

Не сумев вовлечь Гитлера в правительство, президентское окружение должно было как минимум заручиться его поддержкой в отношении переходного правительства Папена, против которого выступала даже собственная партия. Гитлер согласился, но выставил условия, которые были удовлетворены: легализация СА и роспуск рейхстага. Гитлер надеялся, что на следующих выборах, назначенных на 31 июля, его поддержит большинство избирателей. Перед выборами он уже всю критикувал правительство Папена.

Вышедшие из полуподполья штурмовики возобновили бесчинства на улицах германских городов. Но как только их демонстрации углублялись в кварталы, где хозяевами себя чувствовали коммунисты, это приводило к кровавым столкновениям. В июне в столкновениях погибло более 80 человек, в июле — 86 (в том числе 38 нацистов и 30 коммунистов). Папен запретил демонстрации. После побоища в рабочем

---

¹⁷⁰ Мюллер В. Указ. соч. С.250.

пригороде Гамбурга Альтоне Папен 20 июля распустил социал-демократическое правительство Пруссии как неспособное справиться с ситуацией и возложил обязанности рейхсканцлера Пруссии на себя. Социал-демократы не смогли поднять рабочих на свою защиту, и их сопротивление носило комичные формы — в лучших традициях немецкой законопослушности. Офицер рейхсвера Мюллер, участвовавший в перевороте, вспоминает о том, как новый министр выпроваживал прежнего, социал-демократического:

«Зеверинг протестовал и заявил, что он вынужден подчиниться силе. Когда Брахт после обеда явился в свое новое министерство и потребовал от Зеверинга сдать дела, тот отказался, повторив, что подчинится лишь насилию.

— Какая форма насилия Вас больше устраивает? — любезно осведомился Брахт.

— Пусть с наступлением темноты два полицейских офицера выведут меня из министерства, — ответил Зеверинг»¹⁷¹.

В накаленной обстановке 1932 г. это имело самые пагубные последствия для судьбы социал-демократии. По мнению В. Руге «важнейшим результатом событий 20 июля 1932 г. явилось разочарование многомиллионной массы сторонников социал-демократии, широко распространившееся среди них чувство своей беспомощности перед лицом реального насилия»¹⁷². В отличие от коммунистов, социал-демократы выступали против эскалации насилия в Германии. Но в июле 1932 г. они не решились на развертывание даже ненасильственного сопротивления произволу «кабинета баронов». Из-за безработицы организаторы переворота не боялись забастовок, а социал-демократы не рассчитывали, что им удастся провести мощную акцию. Но уже в ноябре коммунисты смогут провести крупную забастовку транспортников в Берлине. Просто СДПГ настолько привыкла к элитарной кабинетной политической культуре, что боялась призвать массы к чему-либо не вполне законному. К тому же для организации действенных акций необходимо было договориться с коммунистами, а это означало прокладывать им дорогу. Социал-демократы не учитывали, что в ситуации 1932 г. нацисты набрали гораздо большую силу, чем коммунисты, и представляли главную опасность.

За организацией социального протеста могла последовать дестабилизация Веймарской республики. Чтобы избежать этого, социал-демократы предпочли плыть по течению, наблюдая медленное умерщвление республиканской системы. У. Ширер комментирует: «В ноябре 1918 года они имели возможность создать государство, основанное на их же идеалах — идеалах социал-демократии. Однако им не хватило решимости. И вот на заре третьего десятилетия они превратились в усталую, поверженную партию, возглавляемую благонамеренными, но в большинстве своем посредственными старыми людьми, которые до конца остались верны республике, однако были слишком растеряны, слишком робки, чтобы идти на большой риск. Без риска же невозможно было думать о сохранении республики. Поэтому, когда Папен снарядил отряд солдат, чтобы ликвидировать конституционное правительство Пруссии, они ничего не смогли ему противопоставить»¹⁷³. Классический социал-

---

¹⁷¹ Там же. С.241.

¹⁷² Руге В. Указ. соч. С.225.

¹⁷³ Ширер У. Указ. соч. С.222.

демократизм оказался бессилён в кризисную эпоху. Были забыты самоуправленческие идеи левой социал-демократии времен Ноябрьской революции, которые связывали социалистов с рабочими массами и давали трудящимся надежды на лучшее будущее. Решительность революционеров, создавших и отстаивших республику, осталась в прошлом. В арсенале социал-демократии сохранилась лишь привычка к законности и рутина борьбы за социальные выплаты, на которые сегодня не было денег в казне. Социал-демократия в германском кризисе оказалась слишком умеренной и аккуратной, чтобы быть реальной альтернативой нацизму. Избиратель уходил от социал-демократов. Даже коммунисты, за спиной которых стоял СССР, казались предпочтительнее. А для решительной реформистской политики нужна была какая-то новая сила.

На выборах нацисты получили наибольшее количество голосов и стали крупнейшей фракцией в парламенте (230 депутатов), оттеснив социал-демократов на второе место. Но большинство в рейхстаге составляло 304 депутата. Тем не менее, Гитлер потребовал для себя пост рейхсканцлера. По выражению В. Руге, «нацистский главарь, как говорится, ввалился в дом вместе с дверью: он без околичностей потребовал для себя кресло канцлера» и ключевые правительственные посты¹⁷⁴. Казалось бы — что такого, Гитлер мог возглавить только коалиционное правительство, где работал бы под контролем министров-консерваторов и в любой момент мог быть снят с поста президентом (на это надеялись и итальянские аристократы, допустившие к власти Муссолини). Но Шлейхер, который стал в этот период основным советником Гинденбурга, опасался, что Гитлер, получив формальное право на власть, попытается с помощью своих штурмовиков совершить конституционный переворот. Шлейхер был прав. Геббельс писал в дневнике: «Придя к власти, мы уж никогда ее не уступим. Живыми они нас из министерств не вытащат»¹⁷⁵. Поэтому Шлейхер был готов согласиться на канцлерство Гитлера только при условии, что тот будет согласовывать свои шаги с рейхстагом, а Гитлер упрямо требовал чрезвычайных полномочий. Договориться не удалось.

На своей встрече с Гитлером 13 августа Гинденбург холодно объяснил этому «капралу», что не может передать власть непредсказуемой партии. Штурмовики рвались в бой — взять власть силой. Гитлер снова приказал им сохранять спокойствие. Авторитет фюрера висел на волоске даже в своей партии. Но и в стране его позиция «все или ничего» вызвала разочарование, что сказалось уже на следующих выборах.

Сложившаяся ситуация была тупиком для всех. И консерваторы, и нацисты, и Шлейхер стремились переломить ее в свою пользу. За этой борьбой внимательно следили коммунисты, готовые в любой момент воспользоваться ошибкой правых, чтобы перехватить инициативу. 22 августа 1932 г. ЦК КПГ разослал окружным комитетам циркулярное письмо «Накануне нацистской коалиции во всем рейхе? Немедленно подготовить забастовки протеста и массовые демонстрации!»¹⁷⁶ Как показали последующие события, коммунисты блефовали — без социал-демократов у них не было сил, чтобы свергнуть коалицию нацистов и националистов. А социал-

---

¹⁷⁴ Руге В. Указ. соч. С.230.

¹⁷⁵ Ширер У. Указ. соч. С.201.

¹⁷⁶ Руге В. Указ. соч. С.233.

демократы были деморализованы.

30 августа Геринг был избран спикером рейхстага. 12 сентября он разыграл с Папеном злую парламентскую игру, которая стоила канцлеру места. На всякий случай Папен подписал у Гинденбурга декрет о роспуске только что избранного рейхстага. Коммунисты, как и ожидалось, вынесли предложение о вотуме недоверия правительству Папена. Но вот что было полнейшим сюрпризом, за канцлера не заступился ни один депутат, что по регламенту вело к рассмотрению дела уже сегодня. Гитлер решил поддержать предложение коммунистов, чтобы свергнуть правительство, в котором ему не нашлось места. Геринг объявил голосование несмотря на то, что Папен требовал слова для оглашения декрета о роспуске парламента. Спикер сделал вид, что не видит раскрасневшегося канцлера, который махал декретом прямо перед трибуной. Большинством голосов Папен был отправлен в отставку. Нацисты прекрасно умели пользоваться конституционными инструментами, когда это было им нужно. Но ценой этому был роспуск рейхстага и новые выборы — на этот раз 6 ноября.

Альтернатива Шлейхера

Немцам уже надоела эта бесконечная избирательная гонка, в результате которой ничего не меняется, и политики никак не могут договориться. Электорат нацистов начинал разочаровываться в своем фаворите Гитлере. Нацисты надоедали и спонсорам, тем более, что их низовые организации иногда примыкали к забастовкам. 3 ноября началась организованная коммунистами стачка берлинских транспортных рабочих. Она была организована коммунистами, но к ним присоединились нацистские рабочие. Это перемирие в «красно-коричневой войне» обеспокоило президента, и Гитлеру пришлось оправдываться перед ним: «Если бы я удержал своих людей от участия в этой забастовке, она состоялась бы все равно, но я потерял бы своих сторонников среди рабочих»¹⁷⁷.

На выборах 6 ноября нацисты потеряли два миллиона голосов, сохранив первое место с большим трудом (196 депутатов). Зато большого успеха достигли коммунисты — их программа тоже предлагала «простые» радикальные меры по выходу из кризиса. Британский посол так оценивал ситуацию: «Гитлер, по-видимому, истощил свои ресурсы. Он поглотил маленькие буржуазные партии правых сил, но нет никаких данных, что он сможет добиться прорыва в ряды избирателей, поддерживающих центристов, коммунистов и социалистов... Все другие партии естественно довольны тем, что Гитлер не смог получить большинства голосов, и в особенности, тем, что все убеждены, что он достиг своего зенита».¹⁷⁸ «Впервые огромный прилив нацизма пошел на убыль, причем от точки, далеко не достигнутой уровня требуемого большинства»¹⁷⁹, — комментирует У. Ширер. И этот отлив мог принять катастрофический для Гитлера характер, так как на него уже не делали ставку «верхи».

---

¹⁷⁷ Цит. по: Руге В. Указ. соч. С.245.

¹⁷⁸ Буллок А. Указ. соч. С.299.

¹⁷⁹ Ширер У. Указ. соч. С.207.

На первый план выходил генерал Шлейхер. «Брюннинг отмечал, что фон Шлейхер всегда опасался возможности того, что армии придется подавлять одновременные восстания нацистов и коммунистов. Сотрудничество между этими экстремистскими партиями в проведении забастовки в Берлине и увеличение числа голосующих за коммунистов произвели на фон Шлейхера большое впечатление. Как министр обороны он начал убеждать других членов правительства, что дальнейшее нахождение фон Папена на посту несет в себе опасность гражданской войны»¹⁸⁰.

Ссылаясь на уверения Гренера, О. Ю. Пленков утверждает, что «гражданская война просто непредставима в Германии»¹⁸¹. Но ни Гинденбург, ни Шлейхер, ни Рем так не считали, потому что они помнили гражданскую войну в Германии в 1919 г. Предотвратить новую войну могло только следование конституционным правилам игры, которые создавали впечатление: за правительством стоит большинство нации, которому нельзя бросить вооруженный вызов.

Папен не смог договориться с парламентом, Гитлер не сможет. Оба могут свергнуть страну в гражданскую войну. А он, Шлейхер, имеет нормальные отношения с правыми консервативными фракциями, частью нацистов и к тому же более приемлем для социал-демократов, чем Папен и Гитлер. Министр обороны убедил Гинденбурга назначить его канцлером, что и произошло 2 декабря. Успокаивая отставленного Папена, Гинденбург писал ему: «Я слишком стар и слишком много пережил, чтобы брать на себя ответственность за гражданскую войну. Наша единственная надежда — Шлейхер. Пусть он попытает счастья»¹⁸². Шлейхер получил власть под условие создания правительства парламентского большинства. Веймарская республика получила последний шанс провести социальные реформы, пройдя между Сциллой нацизма и Харибдой гражданской войны.

Но у Шлейхера не было своей партии, чтобы победить в условиях сохранения парламентской системы. Однако у него как всегда была в запасе остроумная комбинация. Он надеялся расколоть и переманить на свою сторону часть одной из тоталитарных сил, угрожавших республике. Расколоть и переманить часть коммунистов было нельзя, так как они управлялись из Москвы. Но нацисты были не столь сплочены, между Гитлером и Штрассером существовали принципиальные разногласия в отношении социальных реформ. По своему взгляду на них Штрассер был ближе к Шлейхеру, чем к Гитлеру. Оба были готовы совмещать рецепты социалистов и корпоративные идеи Муссолини, и при этом Шлейхер пытался начать реформы в рамках многопартийной системы. «Красный генерал», как его стали называть, утверждал, что его не приводят в ужас «такие понятия, как частная и плановая экономика». Подобные вещи говорил и Рузвельт. Шлейхер объявил об отмене решения предыдущего правительства о понижении зарплаты, что означало переход к инфляционной экономике. Должен был быть введен контроль над ценами на уголь и мясо. Начиналась аграрная реформа — отчуждение 800 тыс. акров земли юнкеров в пользу 25 тысяч крестьян, а возможно — и безработных. Эта мера вызвала гнев Гинденбурга.

---

¹⁸⁰ Буллок А. Указ. соч. С.304.

¹⁸¹ Пленков О. Ю. Указ. соч. С.496.

¹⁸² Ширер У. Указ. соч. С.210.

Новый канцлер вступил в переговоры с профсоюзами, убеждая их лидеров, что не в партиях, а именно в профсоюзах и армии он видит опору будущего режима. По мнению Шлейхера, «в руководстве профсоюзов сидели люди, понимавшие, что к чему. Они уяснили себе, в частности, что у них появился наконец шанс успокоить рабочих... Вообще, по мнению Шлейхера, ни одно антирабочее правительство не могло долго продержаться — рабочих слишком много»¹⁸³. Шлейхер выступил за государственное регулирование экономики с участием профсоюзов, частичное отчуждение помещичьих земель. Лидеры профсоюзов в новогоднем послании ответили любезностью на любезность: «Сегодня Шлейхер старается осуществить часть наших требований. Можем ли мы в этой ситуации отклонить призыв правительства сотрудничать с ним в создании рабочих мест?»¹⁸⁴. 6 января 1933 г. вопреки мнению лидеров профсоюзов и ветерана СДПГ Г. Носке (того самого, кто подавил коммунистические выступления в 1919 г.) СДПГ отвергла сотрудничество со Шлейхером — социал-демократы не могли пока поддержать правительство, в котором, как ожидалось, будут представлены даже нацисты-раскольники. Но присутствие в СДПГ и профсоюзах сильной фракции союзников Шлейхера внушало ему надежду на изменение позиции левых. Главное — начать реформы, своим острием направленные против крупного капитала. Последнему канцлер не сулил ничего хорошего: «крупные предприятия хотят пользоваться всеми выгодами частнособственнического хозяйства, а все убытки, прежде всего риск, перекладывать на государство»¹⁸⁵.

Во внешней политике Шлейхер был готов проводить националистический курс (иное в Германии того времени было просто невозможно), но, разумеется, не столь агрессивно-авантюристический, как потом Гитлер. 11 декабря была одержана важная дипломатическая победа — на конференции по разоружению Германия была признана равноправным государством с другими странами Европы. Это было правовой основой для создания полноценной армии.

В условиях усталости немцев от старых партий появление на арене новой национал-реформистской силы давало ее лидеру неплохие шансы для победы на выборах, причем не только парламентских, но и президентских. Дело было за малым — укрепиться у власти и хотя бы начать реформы, показать «свет в конце туннеля». Поскольку своей партии у Шлейхера не было, ключом к его плану был союз с левым крылом нацистов.

Приз, который Шлейхер предложил Штрассеру за раскол нацистского движения, был весьма весомым — вице-канцлер и министр-президент Пруссии. Если бы этот проект реализовался, то партия Штрассера и перешедшие к нему штурмовики могли бы получить поддержку чиновничьих «верхов», которую на глазах терял Гитлер. Однако Штрассер не хотел выглядеть раскольником НСДАП и продолжал убеждать своих партайгеноссе поддержать Шлейхера. Гитлер отлично понимал, что это лишит его последнего шанса на успех, и сопротивлялся. Дело кончилось разрывом между двумя вождями 7 декабря, но вместо того, чтобы расколоть партию, Штрассер подал в отставку со всех партийных постов, что сразу ослабило его организационную базу. В

---

¹⁸³ Мюллер В. Указ. соч. С.249.

¹⁸⁴ Цит. по: Руге В. Указ. соч. С.262.

¹⁸⁵ Там же. С.264.

первый момент Гитлер и его команда пребывали в панике, опасаясь, что Штрассер провозгласит создание новой партии, к которой перейдет часть нацистских организаций и фракций, а также руководство СА. Гитлер метался по своим апартаментам со словами: «Если партия распадётся, то один лишь выстрел — и через три минуты все кончено»¹⁸⁶. Советские историки считают: «К 1933 году никакая серьёзная оппозиция руководству фюрера в НСДАП была невозможна, ибо Гитлер буквально „пронизал“ партийный аппарат своими людьми и подорвал влияние Штрассера»¹⁸⁷. Фюрер так не считал, угрожая соратникам самоубийством. Если бы никакая оппозиция была невозможна, то не понадобилась бы «ночь длинных ножей» 1934 г.

Но на этот раз стреляться не пришлось. Штрассер в растрепанных чувствах уехал отдыхать в Италию. Это стоило жизни ему, Шлейхеру и бесчисленному множеству других людей. Гитлер распустил Политическую организацию НСДАП, которую возглавлял Штрассер, и создал центральное партийное бюро во главе с Р. Гессом. Комбинация Шлейхера развалилась, как карточный домик.

Вскоре после отставки несостоявшийся германский Рузвельт пожаловался французскому послу: «Я находился у власти всего пятьдесят семь дней, и не проходило дня без того, чтобы меня кто-нибудь не предавал. Так что не толкуйте мне о „немецкой порядочности“!»¹⁸⁸ Решающим ударом стало малодушие Штрассера. Но Шлейхер несёт за это свою долю ответственности — он не смог удержать Штрассера и его союзников под своим контролем, пустил дело на самотек. Вернувшись из Италии в январе 1933 г. Штрассер сначала было подтвердил свою готовность войти в правительство Шлейхера, но затем, оценив ослабление своих позиций в партии, отказался.

Гитлер быстро восстановил единство рядов и вступил в консультации с Папеном о свержении Шлейхера. Поскольку Шлейхер теперь не мог составить обещанного президенту парламентского большинства, то влияние нынешнего канцлера на президента падало, а влияние прежнего — росло. А Папен советовал Гинденбургу сделать ставку на Гитлера.

Для Папена Гитлер был шансом вернуть потерянное влияние, равно как и для Гитлера — Папен. Последний принялся восстанавливать связи Гитлера с элитой, как чиновничьей, так и финансовой. Партии удалось избежать финансового банкротства, а Папену — политического. «Франц фон Папен оказал необходимую услугу — дал ему шанс»¹⁸⁹, — справедливо считает К. Линденберг.

23 января Шлейхер признал неудачу своего политического плана и предложил Гинденбургу все же распустить рейхстаг и проводить намеченный Шлейхером курс с помощью президентских декретов. Но, во-первых, Гинденбург всего полтора месяца назад предпочёл Шлейхера Папену именно из-за обещания договориться с парламентом и тем самым снизить угрозу гражданской войны. А теперь Шлейхер

---

¹⁸⁶ Ширер У. Указ. соч. С.213.

¹⁸⁷ Мельников Д., Черная Л. Указ. соч. С.143.

¹⁸⁸ Ширер У. Указ. соч. С.211.

¹⁸⁹ Линденберг К. Указ. соч. С.94.

предлагает военную диктатуру, чреватую социальным взрывом. Во-вторых, Гинденбург был не в восторге от социальных предложений Шлейхера, которые слишком явно угрожали крупному бизнесу и помещичьей аристократии. Судьба Европы снова оказалась в руках старого, плохо понимавшего ситуацию президента. По мнению О. Ю. Пленкова, «к моменту, когда Шлейхер стал канцлером, Гинденбург устал от беспрестанного чрезвычайного положения и захотел вернуться к парламентскому правлению»¹⁹⁰. Однако дело не в усталости Гинденбурга или иной причине внезапного всплеска его демократизма — чуть позже президент разрешит Гилеру и создать кабинет меньшинства, и ввести чрезвычайное положение. Гинденбургу было важно, ради чего нарушаются принципы парламентаризма. В решающий момент его испугала перспектива столкновения сразу с двумя радикальными силами (нацистами и коммунистами) и, одновременно, радикализм социальной программы самого Шлейхера. Вовлечь во власть, приручить радикала Гитлера, готового проводить консервативную программу, было гораздо предпочтительнее для Гинденбурга. Ради этого можно было пожертвовать парламентскими и гражданскими сдержками и противовесами.

Гинденбург был лично обижен на Шлейхера, сделавшегося «левым», а Папен рисовал президенту такие радужные перспективы формирования правительства Гитлера, которое может получить поддержку парламента, если большинство кабинета составят консерваторы. С помощью ставшего лояльным президенту Гитлера удастся победить всех «красных». Логика партократии, торговли голосами, подмены воли народного большинства согласием нескольких элит, столь обычной для либеральных президентско-парламентских режимов, замаскировала суть происходящего — передачу власти тоталитарной партии, которая внедряется в систему власти бесповоротно. «Живыми они уже не вытащат нас из кабинетов». Полновластный президент Гинденбург, гарант конституции, которую не терпел, и республики, которую сам желал похоронить, сделал решающий шаг.

29 января Гинденбург отправил Шлейхера в отставку. «В моей правительственной программе были, конечно, свои слабости, но мне вообще не дали времени чтобы претворить ее в жизнь»¹⁹¹, — с горечью говорил генерал. Последняя альтернатива нацизму была отвергнута правящими кругами.

После очередного раунда торга за портфели нацистам досталось три места из одиннадцати. Геринг был назначен министром без портфеля, но получил важный пост министра внутренних дел Пруссии — теперь ему подчинялась берлинская полиция. Папен стал вице-канцлером и министром-президентом Пруссии. Он надеялся руководить консервативным большинством правительства. 30 января вопреки воле большинства избирателей Гитлер был назначен канцлером Германии.

Листовка КПГ 30 января призывала: «Все — на улицы! Остановите предприятия! Немедленно ответьте на покушение фашистских кровавых псов забастовкой, массовой забастовкой, всеобщей забастовкой!»¹⁹² Но массы не откликнулись на этот призыв. Повод казался мал — очередное коалиционное правительство...

---

¹⁹⁰ Пленков О. Ю. Указ. соч. С. 500–501.

¹⁹¹ Мюллер В. Указ. соч. С.249.

¹⁹² Цит. по: Руге В. Указ. соч. С.284.

Нацистский переворот

Сбылась мечта — Гитлер возглавил правительство Германии. Но его власть была ограничена — правительство опиралось на неустойчивую коалицию правых партий. Коллеги Гитлера по кабинету надеялись переиграть его сразу после следующих выборов. Папен говорил: «Через два месяца мы так прижмем его к стенке, что он и пикнуть не посмеет»¹⁹³.

1 февраля 1933 г. Гитлер обратился к немецкому народу, сообщив, что к власти пришло «правительство национальной революции». Гитлер обращался к массовке, которая ждала радикальных социальных перемен в стране. «Поднимаясь выше классовых и сословных различий оно вернет нашему народу сознание его расового и политического единства, возвратит его к исполнению обязанностей, проистекающих из этого... Германия не должна впасть и не впадать в коммунистическую анархию»¹⁹⁴. Успокоив революционную паству, в дальнейшем Гитлер предпочитает говорить уже не о революционной власти, а о «правительстве национального возрождения». И в этом он был прав — совершалась не революция, а переворот. Однако значит ли это, что переворот не вел к качественным изменениям в системе общественного устройства, что на место буржуазной республики приходила просто буржуазная диктатура? «Круги, которые управляли доступом к власти, сделали ошибку не в том, что они недооценили враждебность к демократической Веймарской республике со стороны Гитлера — это они считали достоинством Гитлера — а ту опасность, которую он нес для консервативной авторитарной прусской традиции, к восстановлению которой они стремились... — комментирует А. Буллок, — Они не сознавали, как далеко был готов пойти тот человек, которого они считали взбалмошным демагогом, чтобы достигнуть своих целей и какие разрушительные силы он высвободит при этом»¹⁹⁵. Задачи Гитлера, не сводились к защите буржуазных порядков от коммунизма. Уже 8 февраля он ставил перед правительством свои приоритеты: «Каждое общественно-финансируемое мероприятие, направленное против безработицы, следует рассматривать в плане его эффективности с одной точки зрения: будет ли такой проект способствовать превращению немцев в народ, пригодный к военной службе. Такой подход должен доминировать всегда и во всем»¹⁹⁶. Гитлер планирует большие государственные затраты для преодоления кризиса, но не ради помощи бизнесу и безработным, а ради решения задач, которые ставит перед собой само государство. Но для начала это государство следовало избавить от контроля со стороны общества.

Также как и у Шлейхера, у Гитлера не было парламентского большинства. Чтобы выйти из этого положения, министр-консерватор Гугенберг предложил запретить

---

¹⁹³ Цит. по: Линденберг К. Указ. соч. С.94.

¹⁹⁴ Цит. по: Буллок А. Указ. соч. С.375.

¹⁹⁵ Буллок А. Указ. соч. С.290.

¹⁹⁶ Цит. по: Буллок А. Указ. соч. С.394.

коммунистов с их 100 мандатами. Идея Гитлеру понравилась, но он приберет ее на потом, а пока объявил о новых выборах 5 марта 1933 г. Что не было позволено Шлейхеру, Гитлеру разрешили. Но принесут ли выборы успех — ведь в 1932 г. они не изменяли обстановку кардинально. Гитлеру нужны были последние выборы Веймарской республики. Он убедил капитанов индустрии поддержать его предвыборную кампанию, но деньги решали не все. Левые партии и либералы в совокупности по-прежнему вели за собой большинство населения. Перед лицом гитлеровской диктатуры они могли бы объединиться. Нужен был сокрушительный, деморализующий удар по оппозиции.

27 февраля 1933 г. загорелось здание рейхстага. На месте пожара был схвачен поджигатель — беспартийный голландский экстремист Ван дер Люббе. Люббе оказался в ряду таких террористов, как Гаврила Принцип и Леонид Николаев. Совершая свой отчаянный шаг под действием далеких от реальности представлений, эти люди облегчали развитие событий в совершенно ином направлении, нежели рассчитывали. Среди террористов века Ван дер Люббе, судя по тому, что стало известно к нашему времени, в наибольшей степени оказался марионеткой в чужих руках.

Двадцатичетырехлетний Винсент Ван дер Люббе был политически активным бродягой, каких во время депрессии были миллионы. Каменщик по профессии, он получал небольшое пособие по инвалидности, путешествовал (большой частью пешком) по Европе, общаясь с братьями по классу на интересовавшие его политические темы. Несколько лет Ван дер Люббе состоял в компартии Нидерландов, но вышел из нее, когда партийные товарищи отказались послать его в СССР. С этих пор он критиковал компартию с незамысловатых левацких позиций: «в этой партии мне не нравилось то, что она хочет играть ведущую роль среди рабочих, вместо того, чтобы самих рабочих допустить к руководству»¹⁹⁷.

Полиция застала поджигателя в пылавшем зале заседаний рейхстага, голого по пояс — верхнюю одежду он использовал для переноски огня, не собираясь скрываться. Свои действия Ван дер Люббе объяснял так: «Я хотел привлечь внимание к тому, что рабочий стремится к власти... Рабочие должны были увидеть, что это сигнал к всеобщему восстанию против государственного строя»¹⁹⁸. Эта логика не нова. Подобными мотивами руководствовались бомбисты конца XIX века. Рассуждения Ван дер Люббе похожи на анархистские, но не соответствуют им. Он стремится к тому, «чтобы здесь возник настоящий рабочий парламент и рабочие управляли государством»¹⁹⁹. Террорист не стремился вредить кому-то лично: «я же хотел причинить вред лишь обществу»²⁰⁰.

В кармане у Ван дер Люббе нашли коммунистическую листовку. Нацисты немедленно обвинили в поджоге коммунистов. Якобы пожар должен был стать сигналом к коммунистическому восстанию. Однако никаких признаков восстания не

---

¹⁹⁷ Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров. Документы. Т.1. М., 1981. С.89.

¹⁹⁸ Там же, С.50.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же. С.55.

было. Сигнал без восстания — политический абсурд. Для коммунистов «сигнал» оказался полной неожиданностью. Но не для нацистов. За три часа до пожара шеф политической полиции Пруссии (гестапо) Р. Дильс направил полицейским властям на места радиogramму, в которой говорилось: «Коммунисты намерены в день выборов в рейхстаг или незадолго до них, или сразу же после них совершить запланированные ими нападения на полицейские патрули и служащих национальных формирований с целью их разоружения... Следует немедленно принять надлежащие меры; в случае надобности произвести аресты коммунистических деятелей»²⁰¹. Когда рейхстаг загорелся, полиция была полностью готова к удару.

Первоначально следствие приняло версию поджигателя-одиночки: «На вопрос, совершил ли Ван дер Люббе поджог один, определенно следует ответить утвердительно»²⁰². Не было обнаружено и следов горючих жидкостей.

Но Ван дер Люббе честно признавался, что огонь в рейхстаге разгорался плохо — пришлось бросить на растопку даже верхнюю одежду. Он проник в здание около 21 часа, и четверть часа не мог достичь серьезных успехов. В отчаянии поджигатель бегал из комнаты в комнату, перенося огонь, который горел вяло — слишком плотными были материалы. А вот в зале заседаний пожар запылал так, что в четверть десятого вечера пламя достигло купола. Это наводило на мысль, что в зал пронесли горючие материалы.

Под давлением официальной версии следователи и эксперты стали выявлять признаки помощи поджигателю. И преуспели. 15 мая эксперт по пожарному делу констатировал: «Поджог в зале пленарных заседаний мог быть совершен Ван дер Люббе. Однако по техническим условиям полностью исключается возможность того, чтобы им же были совершены все приготовления к поджогу в зале заседаний рейхстага. Эти приготовления, скорее всего, были заранее осуществлены другими лицами»²⁰³.

9 марта по доносу служащего кафе было арестовано трое болгар во главе с болгарским эмигрантом Георгием Димитровым, который вроде бы общался в кафе с Ван дер Люббе незадолго перед поджогом. Димитров был известным в Болгарии коммунистом, сотрудником Исполкома Коминтерна.

Димитров взял свою защиту на процессе в собственные руки, препирался с судьей, излагал принципы коммунистического движения с трибуны, ругался со свидетелями-нацистами. Он полностью поддержал версию о том, что Ван дер Люббе не мог поджечь рейхстаг в одиночку, обвинив в поджоге нацистов: «из тайного союза между политическим безумием и политической провокацией возник поджог рейхстага»²⁰⁴. Взбешенные противники проговаривались в том, что дело шито белыми нитками: «Ваша партия — это партия преступников, которую надо уничтожить! — кричал Геринг Димитрову на процессе. — И если на следственные органы и было оказано влияние в этом направлении, то они были направлены по

---

²⁰¹ Там же, С.45.

²⁰² Там же, С.97.

²⁰³ Там же, С.275.

²⁰⁴ Димитров Г. Лейпцигский процесс. Речи, письма и документы. М., 1984. С.203.

верным следам»²⁰⁵.

Благодаря напористой защите, предпринятой Димитровым, обвинение это с треском провалилось. Конечно, при тоталитарном режиме суд мог принять любое решение, но Лейпцигский процесс происходил еще не в тоталитарной Германии, и, как мы увидим, осуждение коммунистов было выгодно не всем даже в правящих кругах. Болгарские коммунисты 23 декабря 1933 г. были оправданы и после некоторых колебаний высланы в СССР. Ван дер Люббе, признавший свое участие в поджоге, был казнен. Оправданные немецкие коммунисты так и остались в тюрьме.

Геринг убеждал коллег по кабинету в том, что Димитрова нужно оставить в немецком лагере. Но коллеги, не желая еще сильнее осложнять отношения с СССР, который принял болгарских коммунистов в свое гражданство, решили отпустить Димитрова. Как мы увидим, свою роль могли играть и мотивы борьбы в правящих кругах. 27 февраля 1934 г. Димитров с триумфом прибыл в СССР.

Поскольку стало ясно, что коммунисты не помогали Ван дер Люббе поджигать рейхстаг, то все аргументы, собранные против сообщников поджигателя, обратились против нацистов. За рубежами Германии об этом говорили и коммунисты, и социал-демократы, и либералы.

Только на Нюрнбергском процессе в 1945 г. генерал Гальдер рассказал, как Геринг хвастался в 1942 г.: «Уж кто-кто, а я действительно знаю все про рейхстаг, потому что я поджигал его!»²⁰⁶ Официально Геринг отрицал своё участие до конца. Судя по показаниям ординарца Рема Крузе, которые он дал тому же трибуналу, Геринг дал лишь общую санкцию на поджог, а инициатива провокации принадлежала Рему. Тот направил для поджога 23 штурмовика. Крузе утверждал, что Рем шантажировал Гитлера — правда о поджоге могла разрушить карьеру фюрера. Никто из посвященных в тайну не пережил «ночи длинных ножей», кроме Крузе, бежавшего в Швейцарию.

Ван дер Люббе унес в могилу тайну своих взаимоотношений с нацистами. Следствие установило, что последнюю ночь он провел в ночлежке в Генигсдорфе, пригороде Берлина с репутацией «нацистского», в обществе малознакомых людей.

Это само по себе еще не доказывает, что голландец выполнял заказ нацистов. Тем более, что сам он, в отличие от, скажем, убийцы Кирова Николаева до конца отрицал причастность к преступлению еще кого-либо. Высказывания Ван дер Люббе о нацизме враждебны, его политическая биография не позволяет заподозрить в голландце человека, который ценой жизни будет сознательно служить делу нацизма. Следовательно, он не стал бы покрывать нацистов, если бы знал об их помощи в поджоге.

Мог ли Ван дер Люббе не знать, что у него есть помощники? Димитров считал, что это вполне возможно. Теоретически можно предположить, что первые, неудачные попытки голландца поджечь общественные здания (ведомство социального вспомоществования и ратуша) не остались незамеченными. Его собеседники могли выдать себя за единомышленника Ван дер Люббе. Там голландцу могли дать ряд ценных советов о том, как проникнуть в рейхстаг и где лучше всего осуществить поджог. Если Ван дер Люббе считал, что советы ему давали простые рабочие (к тому

---

²⁰⁵ Там же, С.155.

²⁰⁶ Ширер У. Указ. соч. С.229.

же — незнакомые), он, в соответствии со своей этикой, мог умолчать об этих разговорах. Во всяком случае, он был уверен, что в здании он действовал один. Но пока поджигатель бегал из комнаты в комнату, его могли незаметно «подстраховать», запалив пропитанные горючим шторы зала...

*

Немедленно после пожара тысячи коммунистов, включая депутатов, были арестованы. За несколько дней было арестовано 4000 человек, а за март 1933 г. — 25000. Компартия была разгромлена несмотря на то, что готовилась к переходу в подполье. Германское мещанство активно сотрудничало с нацистами, помогая выявлять коммунистов.

28 февраля был подписан предложенный Гитлером декрет президента «Об охране народа и государства», по которому приостанавливались статьи конституции о гражданских правах, вводилась смертная казнь за вооруженное «нарушение спокойствия». Веймарская конституция давала президенту такие полномочия. Президентская форма правления позволила совершить практически легально государственный переворот, ликвидировавший политический плюрализм и республиканскую систему. По всей стране начались аресты и избиения левых и либеральных политиков, депутатов, активистов.

5 марта в обстановке террора прошли выборы. Несмотря на нацистскую вакханалию, НСДАП не смогла заручиться большинством голосов избирателей, но все же набрала 44 %. Второе место заняли социал-демократы. Но вместе с националистами, получившими всего 52 мандата, 288 нацистских депутатов получали большинство. 9 марта, вопреки конституции, места коммунистов в парламенте были аннулированы, что вплотную приблизило нацистов к заветному большинству в две трети, которое обеспечивало право на конституционные изменения.

23 марта было принят чрезвычайный декрет, в соответствии с которым правительство имело право принимать законы. Против проголосовали только социал-демократы. Недостающие голоса предоставили католики из партии Центра. Прежде они не поддерживали Гитлера, однако их позиция изменилась в связи с обещанием фюрера заключить конкордат с папой. Когда это было ему нужно, Гитлер умел находить компромиссы. После подписания конкордата кардинал Фаульхабер 24 июля 1933 писал Гитлеру: «Германия протянула руку папству, величайшей нравственной силе мировой истории, и это поистине великий благой жест, поднимающий на новую ступень авторитет Германии на Западе, на Востоке и во всем мире»²⁰⁷.

С помощью чрезвычайного декрета Гитлер полностью перестроил политическую систему Германии, покончив с Веймарской конституцией. Были отменены гражданские права и свободы, запрещены оппозиционные партии (формально они самораспустились после того, как несогласные с этим лидеры были арестованы), тысячи социалистов и демократов отправлены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Профсоюзы также были разгромлены и заменены единым «Немецким трудовым фронтом». Местные правительства земель были разогнаны и заменены назначенными из центра рейхскомиссарами, а затем власть была передана назначенным губернаторам.

---

²⁰⁷ Цит. по: Линденберг К. Указ. соч. С.99.

Но в правящем блоке единства по-прежнему не было, и судьба Гитлера все еще висела на волоске. На это указывает составленный в окружении руководителя фракции НННП Э. Оберфорена меморандум, который прямо обвинял нацистов в организации поджога рейхстага. 18 апреля меморандум был распространен в среде правящей элиты и затем попал за границу. Сам Оберфорен отрицал свое авторство, но зарубежные эксперты считали, что меморандум был распространен именно по его инициативе. Меморандум рисовал картину тайной борьбы между нацистами и окружением Гинденбурга, прежде всего из НННП и рейхсвера. Подозревая нацистов в поджоге рейхстага, консерваторы начали шантажировать Гитлера. Консерваторы понимали, что в условиях террора НСДАП получит на выборах достаточное количество голосов, чтобы создать однопартийное правительство. Гинденбург опасался, что в этих условиях Гитлер захватит всю власть. На время выборов, опасаясь нападения штурмовиков, президент выехал под защиту рейхсвера, а военизированные формирования «Стального шлема», подчинявшиеся Гугенбергу, заняли центр города, чтобы оказать сопротивление штурмовикам, если они попробуют занять правительственные здания. В случае попытки Гитлера утвердить свою власть силой, планировалось обвинить его в организации поджога рейхстага и пустить в дело рейхсвер, чтобы разгромить штурмовиков и арестовать нацистскую верхушку. После этого могла быть установлена военная диктатура. Но опасения Гинденбурга оказались напрасными — в ночь после выборов ничего не произошло. Однако консервативные круги потребовали от Гитлера не менять соотношение постов в правительстве несмотря на результаты голосования, основанные на провокации. «В случае отклонения этих требований г-н Гитлер, г-н Фрик, г-н Геринг и г-н Геббельс будут, как заявил коротко и ясно военный министр генерал Бломберг, арестованы по подозрению в поджоге»²⁰⁸. Даже если версия меморандума не вполне точна, она объясняет, почему правительство сразу после выборов продолжало работать в прежнем составе. Гинденбургу и военным нужны были гарантии, что к власти не придут радикальные штурмовики, и у них был в кармане хороший козырь против нацистов. По крайней мере, пока не закончен процесс о поджоге рейхстага, открывшийся в Лейпциге. Главное требование президентского окружения к Гитлеру меморандум сформулировал так: «Экономика должна почувствовать себя в полной безопасности»²⁰⁹. Под экономикой имелся в виду капитал.

Гитлеру срочно нужно было заручиться согласием Гинденбурга на ликвидацию многопартийной системы. И канцлер делал для этого все. Его речи были консервативны, как никогда. Гитлер стремится успокоить и национальный бизнес: «Сейчас много говорят об экономике — об экономике частного предпринимательства и кооперативной экономике, социализированной и частнособственнической. Поверьте мне, в экономике решающим фактором являются не теории, а эффективность»²¹⁰. При этом ликвидация Веймарской республики шла полным ходом, и это не могло не импонировать монархисту Гинденбургу. В отличие от консерваторов, обеспокоенных разгулом насилия и разгромом даже консервативных организаций, Гинденбург в целом

---

²⁰⁸ Процесс о поджоге рейхстага и Георгий Димитров. Документы. Т.1. С.227.

²⁰⁹ Там же, С.229.

²¹⁰ Цит. по: Буллок А. Указ. соч. С.405.

одобрял политическую перестройку Гитлера. В конце концов президент «сдал» своих друзей националистов, и 21 июня 1933 г. штурмовики и полиция оккупировала штабы НННП. 29 июня ее лидер Гугенберг с возмущением покинул правительство. Соотношение сил в правительстве изменилось. НННП «самораспустилась». 14 июля был принят закон, по которому НСДАП оставалась единственной партией в стране. Бывшие консерваторы вступали в нее. Теперь большинство членов правительства состояли в НСДАП. Все чиновники теперь могли назначаться только с согласия организаций НСДАП. Но за это и они, и президент, и руководство рейхсвера, стоявшее за президентом, требовали от Гитлера одного — очистить партию от радикалов.

Положение фюрера все еще не было прочным. Лейпцигский процесс кончился провалом обвинения против коммунистов. Следовательно, военно-аристократическая верхушка все еще могла обвинить нацистов в поджоге. Ценой освобождения Гитлера от обвинения в поджоге было очищение НСДАП от радикалов.

*

Режим имел две стороны. Формальную — конституционную и законную, основанную на растущих тоталитарных институтах и учреждениях, и теневую, основанную на непредсказуемом терроре коричневорубашечников, число которых достигло двух миллионов. Германская элита и рейхсвер были обеспокоены этой ситуацией. Они готовы были поддерживать фюрера, только если он гарантирует порядок и дисциплину, основанную на господстве элиты, а не уличных банд.

Укрепление диктатуры быстро пришло в противоречие с требованием лидеров «штурмовиков» выполнить партийную программу и совершить революцию, направленную против капиталистов. Рем требовал проведения «второй революции», превращения национальной революции в национал-социалистскую — в соответствии с идеями Штрассера. Им сочувствовал и Геббельс, но он не готов был действовать против Гитлера.

«Вторая революция» не входила в планы Гитлера, который уже давно опирался на крупный капитал. Фюрер запретил «Боевую лигу предпринимателей среднего сословия», которая устраивала погромы в крупных магазинах. Гитлер заговорил о поддержании порядка, о том, что нельзя отталкивать предпринимателя, если он хорошо ведет дело: «История будет судить о нас не по тому, много ли экономистов мы отстранили и посадили в тюрьмы, а по тому, сумели ли мы обеспечить людей работой»²¹¹. Прагматики, выдвинувшиеся в недрах тоталитарных движений, с подобных слов начинают отход от идеалов, которые оправдывали кровавый приход к власти. Эти слова беспокоили левое крыло партии. За что боролись?

Активность штурмовиков раздражала не только консерваторов, но и нацистскую верхушку. Начальник гестапо Р. Дильс докладывал: «Активизация берлинских СА наэлектризовала самые отдаленные районы страны. В больших городах, где полномочия полиции были переданы лидерам местных СА, революционная активность охватывала буквально всю округу...

В Силезии, Рейнланде, Вестфалии и Руре несанкционированные аресты, неподчинение полиции, насильственные вторжения в общественные здания, погромы,

---

²¹¹ Ширер У. Указ. соч. С.242.

ночные налеты начались еще до поджога рейхстага в конце февраля»²¹².

Рем считал, что штурмовики должны стать ведущей революционной силой, которая начнет коричневорубашечную «атаку на капитал», которая превратится в новую революционную армию, сможет отодвинуть в сторону заскорузлое прусское офицерство и повести революционную войну против Версальского мира. Германия уже имеет двухмиллионную армию в коричневых рубашках, в то время как версальский договор разрешает ей только 100 тысяч солдат в шинелях. Правда, боевые качества штурмовиков Рем явно переоценивал. Гитлер предпочитал союз с рейхсвером и был готов пожертвовать своими партайгеноссе ради этого. Тем более, что планы Рема шокировали не только офицерство и генералитет, но и главу военной иерархии президента Гинденбурга.

А пока власть Гитлера все еще имела своим источником волю президента. Военная верхушка дала понять Гитлеру, что поддержит его на пост президента только при условии решения проблемы штурмовиков. 21 июня Гинденбург потребовал от Гитлера исправить положение, которое привело к напряженности в стране. В противном случае президент пригрозил передать власть армии. Это создавало бы новые возможности для генерала-политика Шлейхера и его комбинаций. Власть Гитлера снова повисла на волоске. Армия пришла в состояние боевой готовности.

В этих условиях Гитлер предпочел поверить своему руководителю личной охраны СС Гиммлеру, что Рем готовит мятеж. В начале июня Гитлер распустил СА в отпуск до конца июля. Рем подчинился. Возможно, он и подозревал, что Гитлер что-то готовит, но в случае чего можно было вынуть козырную карту поджога Рейхстага. Но эта карта была на руках не только у Рема. Гитлер предпочел умиротворить военные круги и убрать Рема, похоронив таким образом и тему поджога, и соперников. Было решено подавить «мятеж» отпускника.

В ночь на 30 июня 1934 отряды СС нанесли внезапный удар по штабам СА и уничтожили до 1500 штурмовиков во главе с Ремом. Эта резня получила название «ночь длинных ножей», хотя расстрелы продолжались ещё два дня. За компанию были убиты Шлейхер и Штрассер — они все еще представляли угрозу как возможная альтернатива Гитлеру. Армия «разменяла» Шлейхера на Рема. Убийства затронули и аппарат Папена (у него изъяли какие-то бумаги — кто только не собирался шантажировать Гитлера), а самого его отправили посланником в Вену. Гитлер уничтожал всех, кто что-то знал о поджоге, а также обрубал все пути развития Германии, кроме своего.

Таким образом, в «ночь длинных ножей» Гитлер решил четыре задачи — уничтожил свидетелей организации поджога Рейхстага, успокоил армию разгромом штурмовиков, уничтожил инициаторов национал-реформизма и припугнул консерваторов. После этого они уже не рисковали шантажировать фюрера. Президенту ничего не оставалось, как сделать однозначную ставку на канцлера.

1 июля Гинденбург поблагодарил Гитлера за «решительное и доблестное личное вмешательство, которое помогло удушить измену в зародыше и отвратить от немецкого народа великую опасность»²¹³. Старая правящая элита была довольна, ее права были ограждены от угрозы «второй революции», то есть

---

²¹² Цит. по: Буллок А. Указ. соч. С.377.

²¹³ Ширер У. Указ. соч. С.263

антикапиталистического переворота. Бизнесмены не знали, что Гитлер приготовил капиталу свой вариант преобразований.

Никто не мог более перечить Гитлеру. 2 августа умер 86-летний Гинденбург. Правительство без всяких выборов тут же поменяло конституцию, совместив полномочия канцлера и президента в одном лице. Гитлер был объявлен пожизненным президентом и фюрером (вождем) германского народа. 19 августа это решение было подтверждено на референдуме — излюбленное средство диктаторов фальсифицировать народное мнение. Нацистский переворот, начавшийся с поджога рейхстага, завершился. Никто не оказал ему серьезного сопротивления. А ведь еще недавно Папен, конструируя новое правительство, окружил фюрера множеством либерально-конституционных и традиционно-консервативных сдержек и противовесов. «Ни Папен, ни кто-либо другой, кроме Гитлера, не отдавал себе полного отчета в необъяснимой податливости тогдашних институтов — армии, церкви, профсоюзов, политических партий, а также широких средних слоев, настроенных не в пользу нацистов, и высокоорганизованного пролетариата, которые, как мрачно констатировал много позднее Папен, „сдались без боя“.

Ни один класс, ни одна группа лиц, ни одна партия не может снять с себя вину за отречение от демократической республики и за приход Адольфа Гитлера к власти. Кардинальная ошибка немцев, настроенных против нацизма, заключалась в том, что они не объединились для борьбы с ним»²¹⁴, — считает У. Ширер, игнорируя и активное сопротивление нацистам слева, и массовый террор против противников нового режима позднее, и действия тех политиков, которые пытались остановить продвижение нацистов к власти. Если бы в Германии к власти пришли коммунисты, У. Ширер мог бы с тем же успехом обвинять социал-демократов в том, что они не сплотились с Гитлером против коммунистической угрозы. Но реальная история не красится в черно-белый цвет. Ответственность за приход Гитлера к власти несут не только люди, но и социальное устройство, допустившее обнищание большинства населения, и политическая система, противоречиво совмещавшая демократические нормы и авторитарное ядро — произвол президентской власти, который мог обеспечить тоталитарное перерождение республики. Гитлер воспользовался не демократическими, но конституционными правилами игры, опираясь на отчаяние праворадикальных масс, на чувство уязвленного национального самолюбия немцев, на эгоизм консервативных политиков. Но не на всех жителей Германии, как пытается представить дело Ширер. Он считает причиной победы нацистов отсутствие политически сильного среднего сословия, которое составляет основу демократии во Франции, Англии и США²¹⁵. Парадоксальное мнение, если учесть, насколько важную роль в германской политике последние два столетия играл слой бюргеров. Многочисленное среднее сословие было весьма активно в годы кризиса, в том числе и в Германии. Так, «Боевая лига коммерсантов среднего сословия» стала одной из самых радикальных нацистских организаций. У. Ширер неоднократно сам упоминал об этом в своей книге, но либеральная доктрина оказалась важнее для него. Он не заметил, что большая часть среднего сословия, германского мещанства, поддержала вовсе не демократию, а нацизм. Сложись обстоятельства иначе в США, оно и там могло бы

---

²¹⁴ Там же, С.221.

²¹⁵ Там же, С.222.

качнуться к праворадикальной альтернативе. Такую возможность рассмотрел в своей книге «У нас это невозможно» Льюис Синклер. Косвенно это признает и сам У. Ширер, осуждая «затхлую» эпоху Кулиджа, режим которого базировался не только на мощи монополий, но и на среднем сословии. В контрасте с собственными впечатлениями юности постаревший Ширер воспекает консерватизм, забывая, что Гитлера к власти привели именно консерваторы Папен и Гинденбург. В эпоху кризиса консерватизм скатывается в реакцию. А в США и Франции ситуацию спасли отнюдь не консерваторы.

В одном У. Ширер прав: средний класс — ключ к пониманию социально-политических перемен начиная с 20-х гг., когда завершилась эпоха «пролетарских революций» в Европе. Именно его ориентации определяют направление перемен. Но принципиально важно то, что средний класс не является единым. Он — средоточие противоречий развитого индустриального общества. Источником пополнения средних слоев являются полюса социальной системы — рабочие верхи и маргинальные слои с одной стороны и консервативное мещанство и привыкшие к монополизму административные кадры — с другой. Лозунгом одних является демократия, права, самоуправление, гражданское общество. Со временем они формируются в самостоятельную социальную силу, иницирующую социальное творчество. Лозунг других проще: порядок. Мещанство является надежной опорой авторитаризма, перерастающего в тоталитаризм.

Германская этократия

За короткое время нацисты создали режим тоталитарного подчинения всего общества фюреру. Любое недовольство подавлялось полицией, службой безопасности (СД) и тайной политической полицией (гестапо). В тюрьмах и концентрационных лагерях сидели сотни тысяч людей, тысячи противников режима были казнены. Нацисты спланировали нацию, натравливая немецкое большинство на еврейское меньшинство. Критиковать нацизм теперь можно было исключительно из-за границы.

Однако только с помощью террора было невозможно решить вставшие перед страной проблемы. Германия, также как и США, перешла к государственному регулированию экономики. Создавался германский вариант государственно-монополистического индустриального общества. В 1933 г., почти одновременно с реформами Рузвельта в США, все предприятия Германии были объединены в монополистические группы, которые были подчинены Генеральному совету германского хозяйства. Было создано 6 имперских групп, подразделявшиеся на 44 экономические группы и 350 отраслевых групп. В совет, который подчинялся Министерству экономики, вошли крупнейшие предприниматели. Система, которая осуществляла отраслевое регулирование, дополнялась территориальной. Была создана имперская хозяйственная палата во главе с высокопоставленным менеджером А. Пичем, которой подчинялись региональные палаты. Во главе каждой, за исключением Баденской, стояли крупные менеджеры или собственники капиталистических корпораций. Но во главе баденской уже стоял премьер-министр Келер. Затем число чиновников в хозяйственном руководстве росло, а менеджеры капитала становились менеджерами фюрера. Капитал был подчинен чиновничеству, которое, однако, было существенно дополнено представителями капитала. В 1936 г. был принят план

экономического развития Германии. Государственное регулирование определяло важнейшие решения «капитанов индустрии»²¹⁶. Предприниматели вступили в НСДАП и были назначены «фюрерами» своих предприятий. Те предприниматели, которые осмеливались «фрондировать», ссылаясь на свои былые заслуги перед фюрером, могли лишиться собственности. Так, в 1939 г. собственность одного из основных спонсоров Гитлера Ф. Тиссена, бежавшего из страны, была конфискована и передана в состав государственного концерна «Герман Геринг».

Этот концерн был создан в 1937 г. как результат принятия плана экономического развития. Дело в том, что к этому времени представители крупного капитала уже проявляли недовольство политикой фюрера, но делали это осторожно, путем тихого саботажа. План, ориентированный на создание мощной военной экономики, предусматривал освоение рудных месторождений Германии, что «стальной король» Тиссен и его коллеги считал невыгодным. Что же, раз никто не хочет осваивать эти месторождения на коммерческой основе, освоение будет проводиться за счет налогоплательщика. Был создан государственный концерн во главе с Герингом и его имени. Через два года в его руки перешли предприятия нелояльного Тиссена.

«Герман Геринг» был ядром государственного сектора, в который входило 1085 предприятий, из которых 61 были имперскими, а остальные принадлежали регионам и муниципалитетам. Бюрократия занималась организацией производства на всех уровнях.

Рабочие должны были беспрекословно подчиняться как предпринимателям, так и другим «фюрерам». Рабочий день вырос до 12–14 часов в день. Место работы каждого определялось государственными органами. Генеральный совет, министерства и их подразделения устанавливали планы развития производства, цены на продукцию, рынки сбыта. Печатавшиеся правительством деньги не были обеспечены достаточным количеством товаров, поэтому распределение проводилось по карточкам. Зарплата устанавливалась по соглашению с руководством Немецкого трудового фронта — единого профсоюза, в котором должны были состоять все рабочие и работодатели. Немецкий трудовой фронт руководил также специальной организацией по проведению досуга рабочих, которая называлась «Сила через радость». Даже дети должны были состоять в нацистской молодежной организации «Гитлер югенд». Писатели и художники, оставшиеся в стране, были объединены в нацистские союзы и под надзором фюреров прославляли новый порядок и творили новую «арийскую культуру».

Гитлер, который в юности был художником, любил классические формы искусства, похожие на римские. В результате художники, архитекторы и скульпторы работали в так называемом «имперском стиле», основанном на прославлении физической мощи и внешней, биологической красоты. Начались грандиозные стройки в стиле древнего Рима. И они тоже «вытаскивали» экономику из депрессии. Однако для их продолжения нужны были ресурсы. Где их взять?

Миллионы книг, газет, журналов, а также радио, кино и только что появившееся телевидение прославляло вождей нацизма. Большинство немцев верило этой пропаганде, потому что их жизнь несколько улучшилась. Однако это улучшение было не безусловным. Так, зарплата рабочих в разгар депрессии в 1932 г. в пересчете на американскую валюту составляла 20,4 цента в час, то в 1936 г. — 19,5 цента (и это — с

---

²¹⁶ Подробнее об инструментах регулирования см. Галкин А. А. Германский фашизм. М., 1989. С. 53–71.

учетом падения доллара). Эксплуатация труда стала более интенсивной, но это отчасти компенсировалось системой социальных гарантий. Зато высшие слои общества очевидно выиграли от гитлеровской политики. Доля рабочих в доходах упала с 56,9 до 53,6 %, а доля доходов с капитала выросла с 17,4 до 26,6 %.

Еще более серьезный удар был нанесен по мелкой буржуазии. В октябре 1937 г. была проведена «юридическая реформа акционерных обществ». Ликвидации подлежали все фирмы с капиталом менее 100 тысяч марок, а основывать можно было организации с капиталом только свыше 500 тысяч. «Этот закон ужасающим образом способствовал умиранию экономически самостоятельной средней и мелкой буржуазии»²¹⁷. В 1931 г. в Германии было 2720 фирм с капиталом менее полумиллиона марок, в 1936 г. это количество уже упало до 1445, а после реформы к 1939 г. — до 526. Гитлеровский режим ясно показал, что он является представителем интересов мелкой буржуазии в той же степени, в какой государство СССР было выразителем интересов пролетариата — в самой минимальной. Но нацизм не был и представителем крупного капитала. Искусственное сокращение числа рыночных субъектов, упорядочение и монополизация производилась в интересах другого социального слоя. Далеко не всегда государство становилось на сторону предпринимателей даже в важных для них вопросах отношений труда и капитала: «весной 1934 г. в споре Тиссена с главой Немецкого трудового фронта Леем, который настаивал на праве „доверенных лиц труда“ определять уровень зарплаты, Гитлер принял сторону последнего»²¹⁸. Не считать же после этого нацистское государство «рабочим». Оно защищало не капитал, и не труд, а свои собственные интересы, связанные с равновесием между трудом и капиталом.

Каков был социальный характер возникшей в Германии системы, какая сила определяла её развитие? Как мы видели, марксистские авторы разыскивают ее в буржуазии — мелкой или крупной. Если не мелкая, то крупная. «При всем этом классовая роль фашизма во всех странах, в которых ему удалось прийти к власти, была вполне определенной. Установленная фашистами специфическая форма государственно-монополитического капитализма обеспечивала сохранение социальных, политических и экономических позиций господствующего класса. То обстоятельство, что определенные круги буржуазии, в том числе и монополистической, на различных этапах проявляли большее или меньшее недовольство функционированием этой экономической системы, свидетельствовало лишь о том, что даже в условиях всеобъемлющего государственно-монополистического регулирования противоречия между различными группами буржуазии и внутри монополистического капитала не исчезают»²¹⁹, — считает А. А. Галкин. Но слишком уж «прижал» нацизм буржуазию, чтобы называть его буржуазным режимом. И саму буржуазию приходится осторожно называть господствующим классом, хотя господствовать может не только она. Может быть это не противоречия «внутри» капитала, а между группами капитала и еще каким-то

---

²¹⁷ Норден А. Уроки Германской истории. К вопросу о политической роли германского капитала и юнкерства. М., 1948. С. 131–132.

²¹⁸ Тоталитаризм в Европе в XX веке. С. 130–131.

²¹⁹ Галкин А. А. Указ. соч. С.7.

другим «господствующим классом»?

Трудности, с которыми сталкивается марксистская историография при выяснении сущности тех или иных режимов, заключается в том, что она не видит самостоятельной роли государства, считая его «выразителем интересов» каких-то иных классов — то феодалов, то буржуазии, то пролетариата. Между тем государственное чиновничество и стремящаяся стать им элита партий имеет самостоятельные интересы, которые не совпадают с интересами капитала, даже если капитал и спонсирует политиков или платит взятки чиновникам. Все сложнее. Так же, как в США Рузвельта, в СССР, в фашистской Италии, господствующим классом в нацистской Германии стала этократия.

Этократия вступает в сложные отношения с другими элитами — и союзные, и конкурентные. Этот класс (применительно к Советскому Союзу его иногда называют «новым классом», хотя этократия — самый старый класс на планете, старше феодалов), как и любой класс, состоит из нескольких слоев. Классическая этакратия, выстроенная в четкую структуру чиновничьей иерархии — это бюрократия. Но пока будущие чиновники идут к власти, отрываются от социальной почвы, их трудно отличить от мелкой буржуазии, интеллигенции, маргинальных слоев и др. Но есть одно отличие, которое выдает формирующуюся этократию — стремление к технологическому переустройству общества правящей группой, технократизм. Технократия — потенциальная бюрократия, которая придает юной этократии порыв модернизации и авторитарного переустройства.

Нацизм при всей своей нерациональности и абсурдности идей был технократичен, он стремился перестроить Германию по образцу военного производства, а затем силой переделать таким же образом и весь мир. Но, в отличие от большевизма (другого варианта технократии), нацизм стремился использовать для воплощения в жизнь своих планов потенциал капиталистических управленцев, по своим жизненным установкам близким технократии. Гитлер считал, что немецкие предприниматели — не «спекулянты» (как «еврейский капитал»), а организаторы производства. Он стремился к синтезу капиталистической и партийной маргинально-технократической олигархий в единую государственную элиту. Но при подчиненной роли бизнесменов. Человек обладал экономической властью как «фюрер» производства, а не как его собственник. Нацисты создали один из вариантов государственно-монополистической индустриальной системы, которая по своей социально-экономической структуре была ближе к рузвельтовским США, чем к сталинскому СССР. По своей сущности это было индустриально-этократическое общество, в котором буржуазия была огосударствлена и поэтому играла подчиненную роль в отношении партийно-государственной бюрократии, частью которой являлась.

Государственное регулирование помогло выйти из экономического кризиса. Начался экономический подъем, безработица уменьшилась с 6 до одного миллиона, расширилось дорожное строительство. Но главным экономическим двигателем Германии стала подготовка к войне. Сразу после прихода к власти Гитлер предложил своим генералам разработать смелую программу перевооружения, которая игнорировала бы Версальские соглашения. Раньше германские военные разработки в обход Версаля велись на советской территории, но теперь отношения с СССР испортились, и перевооружаться приходилось на своей территории. Новая германская техника уже родилась в чертежах, но практически пока не могла быть опробована.

Готовясь к войне, Германия стала переходить к экономической автаркии.

Началось производство сырья, которое могло понадобиться в случае войны. Были построены предприятия по производству синтетического горючего и каучука. Но это — на крайний случай. Для большой войны собственного горючего хватить не могло.

Готовясь бросить вызов всему миру, Гитлер стремился сплотить нацию в этнический монолит. Обратная сторона сплочения — ненависть не только к внешнему, но и к внутреннему врагу — левым и евреям. Евреи стали изгоями германского общества. Они подвергались ежедневным унижениям. Им запрещалось заниматься свободными профессиями, их изгоняли из университетов и снимали с государственных должностей. Был объявлен бойкот магазинов, принадлежавших евреям. В 1938 г. эти магазины были разгромлены.

15 сентября 1935 г. были приняты «расовые законы», по которым евреи были лишены германского гражданства, были запрещены браки и внебрачные связи евреев с немцами («арийцами»), права евреев были ограничены, им запрещалось даже посещать кафе для немцев. Германия, таким образом, ввела порядки, аналогичные тем, которые существовали в южных штатах США в отношении негров. В отношении евреев действовали и запреты на профессии, которые оставляли многих из них без легальных средств к существованию. Собственность евреев конфисковывалась, они должны были носить желтую звезду на рукаве, чтобы отличаться от «полноценных» немцев. Евреев унижали и избивали только за их происхождение. Но евреи могли уехать из Германии, и многие пользовались этим правом. Из страны бежали сотни тысяч евреев.

Уезжали и недовольные представители интеллигенции. Это были не только политические противники гитлеризма, но и люди, которые не могли смириться с превращением в официальную доктрину мифов, принятых нацистами за истину. Если вы не уверены, что германцы происходят от древних ариев, или что все евреи (и только евреи) эксплуатируют чужой труд, то жить в Германии для вас опасно, и вам нужно собирать чемоданы. Однако одновременно с эмиграцией интеллектуалов, для которых приоритетным было рациональное сознание, в Германии происходило возвышение гуманитариев, смешивавших науку и публицистику. Германская наука была открыта красивым (пусть недоказанным) гипотезам, которые помогли бы воспеть арийскую древность и грядущего сверхчеловека. Не случайно, что в нацистскую Германию переехал работать автор теории архетипов К. Юнг, который заявил: «Нельзя более закрывать глаза на реально существующие и давно уже известные благоразумным людям различия между германской и еврейской школами психологии; науке этой пойдет только на пользу. Ни в одной другой области знаний нет такого „равнения на личность“, как в психологии»²²⁰. Юнг считал, что в Германии происходит «равнение на личность». Но не на всякую личность. Можно даже сказать, что на единственную.

Все замыкалось на эту личность. Толпы на улицах рыдали при виде поднятой руки Гитлера, чиновники в коридорах власти трепетали от раскатов его истерического гнева. Немецкое законопослушие и урок «ночи длинных ножей» сделали свое дело — германская властная каста поверила в фюрера. Теперь он мог позволить себе демонстративно унижать «элиту», которую еще недавно вынужден был уговаривать и ублажать. Теперь пришло время самоутверждения: «Большинство посетителей часами ожидали в приемной. Министры и другие высокопоставленные лица часто не могли

---

²²⁰ Цит. по: Линденберг К. Указ. соч. С.60.

добиться приема в течение недель и даже месяцев, несмотря на проявляющуюся ими настойчивость»²²¹. Но государственная машина заработала слажено — система власти была сильнее, чем человеческие слабости ее фюрера.

До начала Второй мировой войны нацистская Германия вовсе не была изгоем мирового сообщества. Там проводился социально-экономический эксперимент, во многом напоминавший меры Рузвельта в США и Сталина в СССР, причем сталинская первая пятилетка, вызывавшая сочувствие западных интеллектуалов, была связана с гораздо большими разрушениями и жертвами. Конечно, и рывок в СССР был больше. Но Гитлер вывел Германию из, казалось бы, беспросветного кризиса, справился со многими бедами великой депрессии. Лидер британских либералов Ллойд Джордж посетил Гитлера и назвал его великим человеком. Конечно, он не видел концлагерей, но в середине 30-х гг. они были еще значительно скромнее, чем во время войны, напоминая каторжные заведения в европейских колониях (но у Германии не было колоний, и своих «смутьянов» приходилось держать поблизости от столицы). В лагерях содержалось 20–30 тыс. человек, что тоже не могло шокировать европейскую публику, заставить ее примерить немецкую колючую проволоку на себя.

В 1936 г. в Берлине была проведена Олимпиада. По случаю массового притока иностранцев с улиц исчезли вывески «евреи нежелательны». Но и такие надписи вряд ли возмутили бы американских болельщиков из южных штатов, которые привыкли к табличкам «только для белых». Западная цивилизация до Второй мировой войны была настолько пропитана шовинизмом, ксенофобией, расизмом, презрением к «низшим расам», что Германия на этом фоне выглядела почти прилично. Связь экономической политики нацистской тоталитарной бюрократии с приготовлением к войне была незаметна и умело прикрывалась миролюбивой демагогией фюрера. Но, как и в случае с США, экономическое чудо Гитлера было обречено на быстрое завершение, если бы не постоянная подпитка военно-промышленного комплекса. А разрастание этого комплекса имело смысл только с перспективой большой войны.

При всем социально-экономическом сходстве с рузвельтовским США, нацистская Германия принципиально отличалась от них по своей социально-политической структуре. Гитлер создал радикальный вариант фашизма, превосходивший по репрессивности даже Италию. Эта система называется тоталитаризмом.

Западная историография со времен Х. Арндт, К. Фридриха и З. Бжезинского использовала этот термин, чтобы подчеркнуть сходство фашистских и коммунистических режимов, перечисляя их общие черты: господство одной массовой партии с харизматическим лидером во главе, единая общеобязательная идеология, монополия государства на средства массовой информации и на вооружения, террористический полицейский контроль и централизованный контроль над экономикой²²². Этот классический перечень подвергался справедливой критике специалистов. Определение через перечисление всегда уязвимо — автор выпячивает признаки, на которые хотел бы обратить внимание, скрывая наличие (или отсутствие) причинно-следственных связей между ними. Не даром студенты-политологи так мучаются с определением тоталитаризма по Бжезинскому — вместо того, чтобы понять суть явления, приходится запоминать признаки. Причем нельзя добавить

---

²²¹ Дитрих О. Воспоминания о Гитлере. // Завещание Гитлера. М., 1991. С.19.

²²² Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, 1956. P. 9–10.

лишний признак нацизма — его может не быть в СССР, зато он может «найтись» в США. Такова участь всех идеологических концепций.

Однако не будем раньше времени хоронить термин тоталитаризм — он может пригодиться для познания реальности. Германский нацизм и даже итальянский фашизм — это не обычные диктаторские режимы, также как и сталинский режим в СССР. За вычетом сталинизма это обстоятельство признавала и коммунистическая историография: «разница между фашистским и авторитарным государствами в том, что фашистское реализует авторитарный принцип во всех областях общественной жизни, не только в государственном аппарате, но и в партии, в массовых организациях, в литературе, искусстве, науке и т. д. В таком государстве нет автономно существующего гражданского общества. Все граждане — солдаты государства, они обязаны подчиняться и соблюдать его принципы, выполнять его приказы»²²³, — писал Ж. Желев.

Если вернуть в поле рассмотрения сталинский режим и подобные ему коммунистические режимы, то можно сформулировать общее определение тоталитаризма: крайнее проявление авторитаризма, при котором правящая группа осуществляет полный (тотальный) контроль над легальной жизнью общества. Конечно, ни один тоталитарный режим не в состоянии создать тоталитарное общество, в котором все граждане полностью подчинились бы правящей олигархии. Но тоталитарный режим запрещает любую несанкционированную деятельность, делает ее нелегальной и в случае обнаружения уничтожает любые не разрешенные им общественные структуры. И при Гитлере, и при Сталине самоуправляемая общественная жизнь могла существовать только в глубоком подполье. Из этого принципа тотального управления обществом вытекают и все остальные признаки тоталитаризма: централизованное руководство экономикой, система общественных структур, построенных по принципу «приводных ремней», контроль и террор, идеологическая монолитность господствующего слоя. И в этом — несомненное сходство коммунистической и нацистской моделей тоталитаризма.

Впрочем, есть между ними и важные различия. Сталинизм как форма коммунистического движения исходил из классового господства, а нацизм — из расового. Тотальная целостность общества в СССР достигалась методами сплочения всего общества против «классовых врагов», потенциально угрожавших режиму. Это предполагало более радикальные, чем в фашистских системах, социальные преобразования, и направленность режима на внутренние, а не внешние цели (по крайней мере до конца 30-х гг.). Сталинская политика предполагала национальную консолидацию, но она не сопровождалась расовыми чистками (преследования по национальному признаку проявились лишь в 40-е гг.). Диктатура в СССР была вынуждена прикрываться высокими идеалами, унаследованными от социалистической мысли. Гитлеровский режим был более откровенен в изложении агрессивных целей своей политики. Правда, он тоже использовал слово «социализм» и социалистическую символику, но идеологически явно противостоял социалистическим ценностям классового равноправия.

Сходство нацистского режима с коммунистическим не должно заслонять еще большее сходство экономических моделей США и Германии, проявившееся уже в 1934 г. Игнорируя одну из этих параллелей, можно впасть в однобокую

---

²²³ Желев Ж. Указ. соч. С.283.

идеологическую оценку, подобную флюсу. Мы уже приводили подобные коммунистические оценки, теперь остановимся на типичном либеральном «флюсе»: «В противовес марксистской историографии логичней всего рассматривать эти режимы прежде всего как антикапиталистические, это их по-настоящему объединяет, ведь порожденные буржуазной эпохой либерализм и парламентаризм были главными объектами их нападков; собственно, на гребне критики капитализма тоталитарные фашистские режимы и пришли к власти... они социализировали человека, сделав его безропотным объектом собственной безответственной политики»²²⁴. Однако фашизм сохранял частную собственность, и считать его антикапиталистическим — это нонсенс. Фашисты не «социализировали» человека (то есть подчинили его обществу), а национализировали и этатизировали (подчинили нации и государству), что не одно и то же. Даже антилиберализм фашизма относителен. Вообще судить о сущности политики по «нападкам» всегда рискованно. Муссолини, придя к власти, вплоть до Великой депрессии проводил вполне либеральную экономическую политику. А после начала Великой депрессии нелиберальную экономическую политику проводил даже Рузвельт. Конечно, соблазнительно было бы записать всех противников капитализма и либерализма по разряду фашистов, но не следует при этом ссылаться на законы логики. Это больше похоже на постановления Коминтерна о «социал-фашизме». Фашистские режимы были не отрицанием капитализма, а отрицанием его неполноты, непоследовательности в развитии индустриализма, которая вызвала бедствия депрессии.

Впрочем, К. Линденберг оспаривает причинно-следственную связь между возникновением тоталитаризма в Германии и Великой депрессией: «Тем не менее, ни в США, ни в Великобритании, ни в Нидерландах эти мощные социально-экономические потрясения не вызвали к жизни феноменов, сопоставимых с национал-социализмом. Однако в таких европейских странах, как, например, Италия (1922), Венгрия (1922), Испания (1923), Польша (1926), Португалия (1926), еще до начала экономического кризиса установились фашистские или буржуазно-националистические диктатуры. Стало быть, помимо тяжелейшего кризиса, действовали другие факторы, направившие развитие страны после 1929 г. в сторону национал-социализма, хотя такое развитие и не было неизбежностью»²²⁵. Спора нет: Великая депрессия не является единственным фактором, который привел к победе нацизма и других тоталитарных режимов, и социально-экономические потрясения не вели к тоталитаризму фатально. Однако связь между двумя этими явлениями настолько глубока, что не позволяет ставить в один ряд нацизм и режимы, существовавшие до Великой депрессии. Глубочайшее различие между обычными авторитарными режимами (в обилии возникавшими и в 20-е гг., и на протяжении предыдущих столетий) и тоталитаризмом — в огосударствлении индустриальной экономики. А этот фактор был вызван Великой депрессией (даже в Италии, которая в первые годы фашистского режима была авторитарным, а не тоталитарным государством).

Великая депрессия придала импульс развитию наиболее авторитарных черт, заложенных в индустриальном обществе, создала предпосылки для распространения

---

²²⁴ Пленков О. Ю. Указ. соч. С.23.

²²⁵ Линденберг К. Указ. соч. С.44.

фабричной структуры на все общество, для создания общества-фабрики. В этом отношении тоталитарные режимы нельзя сравнивать даже с древними деспотиями, где фараоны и цари также управляли экономикой, но не индустриальной, а аграрно-традиционной, и потому сами подчинялись традиции. Тоталитаризм — детище XX века. «Модели идеальной фабрики, работающей как единый механизм, соответствовало представление о социальном организме, который действует по централизованному научному плану и управляется наиболее компетентными, то есть испытанными в острой конкурентной борьбе профессиональными технократами, бюрократами и политиками»²²⁶ — комментирует этот процесс В. Дамье. Великая депрессия перевела индустриальное общество в ее высшую этократическую стадию. Тоталитарный режим, сформированный на основе бюрократического господства в индустриальном обществе, довел индустриальный принцип управления производством до максимума, до логического конца. А индустриальное общество, приучившее большинство людей к выполнению команд менеджера, предоставило психологические и технологические средства для создания общества-фабрики во главе с единым советом директоров. В этом отношении тоталитаризм — плод индустриально-этократического общества, его крайнее проявление. Как показывает опыт США и других стран, были возможны и менее жесткие формы этой стадии развития человечества. Испанская революция показала, что возможны были и более демократические ее формы²²⁷. Человечество разными путями выходило из Великой депрессии. В каждой стране вариант выхода, развития нового общества, зависел от участников событий.

Глава IV

СССР: прыжок через пропасть

При всех различиях между советской и западными моделями, обстановка Великой депрессии вызвала социально-экономическую катастрофу и там, и тут. Но если в бедствиях Великой депрессии на Западе принято винить общественные отношения, то в трагедиях советских людей — Сталина и его окружение.

Каковы в действительности были мотивы политики Сталина во время Первой пятилетки? Можно ли было добиться быстрой индустриальной модернизации иначе? Каковы были результаты Первой пятилетки? Почему были такие большие жертвы голода. И сколько людей все-таки погибло от голодной смерти в это время?

Ставка Сталина

Разгромив правых, Сталин сделал ставку, от которой уже не мог отступить. Его напряженный план индустриализации должен был сработать, иначе — политический крах, а, учитывая нравы того времени — и гибель.

XVI партконференция 23–29 апреля 1929 г. приняла «оптимальный» план пятилетки. Все накопления НЭПа предполагалось разом «ухнуть» в Пятилетку. Так

---

²²⁶ Тоталитаризм в Европе в XX века. М., 1996. С.17.

²²⁷ Шубин А. В. Мир на краю бездны. С. 224–260.

что если что-то «не сойдется», экономическая катастрофа неминуема.

Если за время НЭПа капиталовложения составили 26,5 млрд. руб., то теперь планировалось 64,6 млрд., при этом вложения в промышленность повышались значительно быстрее — с 4,4 млрд. до 16,4 млрд. руб. 78 % вложений в промышленность направлялись на производство средств производства, а не потребительской продукции. Это означало изъятие огромных средств из хозяйства, которые могли только через несколько лет дать отдачу. Промышленная продукция должна была вырасти за пятилетку на 180 %, а производство средств производства — на 230 %. 16–18 % крестьянства должно было быть коллективизировано, а большинство крестьян, кому новая форма жизни не подходит, продолжит жить и работать по-прежнему. Производительность труда должна была вырасти на 110 %, зарплата — на 71 %, а доходы крестьян — на 67 %. Процветание виделось прямо за горизонтом — надо только поднапрячься. В результате, как обещала резолюция конференции, «по чугуну СССР с шестого места передвинется на третье место (после Германии и Соединенных Штатов), по каменному углю — с пятого места на четвертое (после Соединенных Штатов, Англии и Германии)»²²⁸. Качество продукции при этом в расчет не принималось, партийную элиту завораживали цифры валовых показателей. Сельское хозяйство должно было расти на основе подъема индивидуального крестьянского хозяйства и «создания общественного земледелия, стоящего на уровне современной техники»²²⁹, то есть, говоря иными словами: количество колхозов не может превышать количество тракторов. Зачем объединять крестьян, если не для совместной эксплуатации техники. Сталин знал, что есть принципиально другие мотивы, но пока молчал. План представлял собой компромисс позиций Сталина и Бухарина. Но реальность 1929 г. заставит отказаться от компромиссов.

Снабжение городов должно было стать строго нормированным. Ни грамма продовольствия мимо задачи индустриального рывка.

В августе 1929 г. в СССР была введена карточная система. В июне 1929 г. была узаконена принудительная продажа «излишков». Количество этих «излишков», изъятых государством, оценивается в 3,5 млн. т. в 1929 г. Началось повышение продовольственного налога, чтобы хватило на выполнение «оптимального» плана.

Государство готовилось к сложной, напряженной работе по выполнению «оптимального плана». А затем все переменялось. Наступил «великий перелом».

Великий бурелом

7 ноября 1929 г. Сталин выступил со статьей «Год великого перелома», в которой утверждал, что «оптимальный вариант пятилетки... превратился на деле в минимальный вариант пятилетки», что удалось достичь коренного перелома «в развитии земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию... в недрах самого крестьянства...», несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до

---

²²⁸ КПСС в резолюциях... Т.4. С. 449–450.

²²⁹ Там же. С.456.

филистеров и правых оппортунистов»²³⁰. Что случилось? Куда делись прежние сложные расчеты, оптимальный план, и без того до предела напряженный? Чем был вызван этот отказ от планомерного развития, проявившийся с провозглашением «великого перелома»? Что случилось в канун «переломной» сталинской речи 7 ноября 1929 г.?

Сталин, который санкционировал прежние плановые цифры, вдруг требует пересмотра их в сторону резкого увеличения. Обычно это связывают с волюнтаризмом и произволом вождя, человека недалекого и авантюристичного. Однако в другие годы Сталин не проявлял подобного авантюризма. При решении этой проблемы исследователи обычно упускают то обстоятельство, что в капиталистическом мире как раз в это время разразилась Великая депрессия. Конъюнктура мирового рынка резко ухудшилась. Ресурсы резко подешевели. Этого не могли предугадать ни Сталин, ни советские плановики. Все расчеты, на которые опирался Сталин, рухнули. Страшные пророчества Троцкого о том, что строительство социализма обусловлено состоянием мирового рынка, оказались суровой правдой. Сталинское руководство на всех парах подошло к рубежу модернизационного рывка, и тут перед ним развернулась пропасть мировой депрессии. И назад нельзя — значительные средства уже вложены в стройки, если остановиться — пропадут. А если двигаться вперед — это прыжок через пропасть в темноте, в неизвестность. Перед Сталиным встала простая альтернатива: или провал, фактическая капитуляция перед «правыми», либо продвижение ускоренными темпами через критическую экономическую полосу, форсирование экспорта и, следовательно, — еще более решительное наступление на крестьян, строительство лишь части запланированных объектов, чтобы можно было предъявить партии хоть какие-то осязаемые успехи и заложить хотя бы основу дальнейшего промышленного роста. Но и для этого следовало резко увеличить поставки хлеба государству и интенсивность строительства ключевых строек.

«Первая пятилетка» — это план. Но в 1929–1932 гг. хозяйство развивалось не по плану. Руководство страны поощряло нарушение плана в сторону увеличения, что в итоге порождало хаос.

На это обратил внимание Р. Конквест: «Целью было „перевыполнение“, и премию получал директор, который даст 120 % нормы. Но, если он добивался такого перевыполнения, то где он брал сырье? Оно, очевидно, могло быть добыто только за счет других отраслей промышленности. Такой метод, строго говоря, вряд ли может быть назван плановой экономикой».²³¹

Одни отрасли вырывались вперед, за ними не успевали другие. Директора бесчисленных строек конкурировали в борьбе за ресурсы. Они разбазаривались, торопливое строительство при постоянной нехватке квалифицированных рабочих и инженеров приводило к авариям. Эти катастрофы объяснялись «вредительством буржуазных специалистов» и тайных контрреволюционеров. Если одни руководители производства отправлялись на скамью подсудимых, то другие получали премии и повышения за способность в кратчайшие сроки построить «гиганты индустрии», даже если для них еще не были построены смежные производства.

Вроде бы берегли каждый рубль, а вдруг — такое распыление средств,

---

²³⁰ Сталин И. Соч. Т.12. С.125.

²³¹ Конквест Р. Большой террор. Т.1. Рига, 1991. С.40.

строительство предприятий, которые заведомо не удастся сразу запустить в дело.

Но теперь уже не было возможности сразу построить всю технологическую цепочку экономики, производящей оборудование. Реальной задачей Первой пятилетки стало наращивание приоритетных отраслей под видом фронтального «подъема промышленности», строительство гигантов, которые можно предъявить стране и миру, и которые станут опорой для экономики, достроенной в период Второй пятилетки. Главное внимание (финансирование, снабжение и т. д.) оказывалось 50–60 ударным стройкам. Для них же осуществлялся массивный ввоз машин из-за рубежа. Пришлось бросить «до лучших времен» часть строек, чтобы спасти важнейшие. Около 40 % капиталовложений в 1930 г. пришлось заморозить в незавершенном строительстве.

Чтобы достроить остальное, сталинское руководство должно было вести себя на мировом рынке, как биржевой игрок, ловить момент для продажи огромных объемов хлеба и другого сырья, чтобы получить необходимую для модернизации прибыль.

Сталин сам оказался в ловушке из-за мирового кризиса. Партийная элита доверила ему власть под обещание стремительного промышленного роста. Сталин рассчитывал получить за «выбитое» из крестьян продовольствие гораздо больше валюты на закупку технологий, чем получилось в условиях кризиса — цены на продовольствие резко упали. Это стало одной из причин истерически-хаотического хода индустриализации, ее плачевных результатов, роста внутривластной напряженности. Сталин отчаянно пытался поймать наиболее выгодную конъюнктуру, продать сырьевую массу чуть ли не за одну неделю, пока цены не упали еще сильнее. В августе 1930 г. Сталин пишет Молотову: «Микоян сообщает, что заготовки растут, и каждый день вывозим хлеба 1–1,5 млн. пудов. Я думаю, что этого мало. Надо поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3–4 млн. пудов. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский завод и пр.) заводов... Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба»²³². Значит — и бешено форсировать его сбор в следующие годы Пятилетки.

*

Пленум ЦК 10–17 ноября сделал новый шаг в ускорении индустриального скачка и коллективизации, темп которой превзошел «самые оптимистические проектировки»²³³. Из этого следовало, что и остальные цифры пятилетки можно пересматривать во все более оптимистическом духе. Теперь уже признавалось, что можно создавать колхозы безо всякой техники. Для обслуживания нескольких колхозов создавались машинно-тракторные станции (МТС). Благодаря этому колхозники превращались в батраков государства, технически полностью зависимых от государственной структуры. И не только технически.

В секретных письмах и директивах Сталин предлагал снимать с должности и предавать суду председателей колхозов, продающих хлеб на сторону. В этом и заключалась необходимость коллективизации для осуществления напряженных планов индустриализации — создать послушную систему управления каждым

---

²³² Письма И. В. Сталина к В. М. Молотову. С. 141–144.

²³³ КПСС в резолюциях... Т.5. С.8.

крестьянином, получить возможность брать весь хлеб, оставляя крестьянину лишь минимум. Правда, коллективизация не оправдала надежд Сталина — колхозы не могли длительное время поддерживать высокую производительность труда.

В декабре 1929 г. план коллективизации был пересмотрен и предусматривал вовлечение в колхозы 34 % хозяйств к весне 1930 г. Были намечены 300 районов сплошной коллективизации с посевной площадью 12 млн. га. Нормы ноябрьского пленума 1929 г. перекрывались вдвое. Но и эти темпы коллективизации были увеличены. Основную массу крестьян предполагалось загнать в колхозы уже за первую пятилетку. 5 января было принято постановление ЦК, по которое ставило задачу: «коллективизация... зерновых районов может быть в основном закончена осенью 1931 г. или, во всяком случае, весной 1932 г.»²³⁴ Низовое партийно-государственное руководство бросилось выполнять новые директивы. Тут или пан, или пропал. А сверху подстегивали. 10 февраля 1930 г. Сталин публично торопил «товарищей свердловцев» с коллективизацией, чтобы кулаки не успели «растратировать» свое имущество. «Против „растратирования“ кулацкого имущества есть только одно средство — усилить работу по коллективизации в районах без сплошной коллективизации»²³⁵. Даже расставаясь с самостоятельностью, крестьяне наносили создававшимся колхозам удары, «пуская по ветру» свою собственность. Особенно тяжелые, длительные последствия имел массовый убой скота. Производство мяса на душу населения еще в 1940 г. составляло 15–20 кг. в год (в 1913 г. — 29 кг.).

Естественно, что наступление на крестьянство вызывало сопротивление, выливавшееся в волнения и террористические акты. Размах движения был грандиозным. Секретарь Центрально-черноземного обкома И. Варейкис сообщал: «В отдельных местах толпы выступающих достигали двух и более тысяч человек... Масса вооружалась вилами, топорами, кольями, в отдельных случаях обрезками и охотничьими ружьями»²³⁶. Только в 1930 г. произошло более 1300 волнений, в который приняло участие более 2,5 миллионов человек. Это — огромная масса. Если бы из нее удалось сформировать армию, то власть большевиков рухнула бы. Но этого не произошло.

По мнению Н. А. Ивницкого, события января-февраля 1930 г. означали «начало гражданской войны, спровоцированной советским партийно-государственным руководством»²³⁷. Но в том-то и дело, что гражданская война не началась. Гражданская война — это раскол общества на две и более частей, каждая из которых имеет собственных лидеров, руководящих вооруженной борьбой против других частей общества. Можно говорить о расколе общества в 1930 г., но никакого общего руководства, которое продержалось бы хотя бы эти критические месяцы, восставшие не имели. Налицо были все предпосылки гражданской войны кроме одного. «Нам вождей не доставало».

Конечно, волнения быстро и жестоко подавлялись. Поэтому на тысячи волнений

---

²³⁴ КПСС в резолюциях... Т.5. С.73.

²³⁵ Сталин И. Соч. Т.12. С.188.

²³⁶ Цит по: Кооперативный план: иллюзии и действительность. М., 1995. С.46.

²³⁷ Кооперативный план: иллюзии и действительность. С.50.

приходились десятки восстаний. Но ни одно из них не продержалось долго — ничего подобного, как во времена Махно и Антонова, не случилось. В этом есть некоторая загадка — при большом размахе волнений гражданская война не разразилась. Почему десятки восстаний, которые не удавалось подавить сразу, все же не смогли разрастись?

«Нам вождя недоставало». Аппарат ОГПУ развернуло жесточайшую и длительную зачистку деревни от всех людей, которые пользовались авторитетом и не поддерживали коллективизацию и заготовки. Смысл раскулачивания как раз и состоял в массовом уничтожении крестьянского актива, всех, кто имел опыт и волевые качества для организации партизанского движения. Сталин бил на опережение, создав условия для того, чтобы деревенские маргиналы и коммунисты вырезали или выгоняли из деревни крестьянскую «верхушку».

Под раскулачивание часто попадали не только зажиточные крестьяне, но и середняки и даже бедняки, которых в этом случае называли «подкулачниками». Государство осознавало экономические издержки раскулачивания, но политический успех — разгром крестьянской «верхушки» был важнее. Экономике предполагалось помочь, используя «кулаков» в качестве рабской рабочей силы. Массы «раскулаченных» направлялись на «стройки пятилетки». За ними потянулись и «раскулаченные» бедняки и даже «раскулаченные» коммунисты, возмущавшиеся нормами заготовок.

*

В условиях высокой социальной мобильности 1917–1929 гг., когда представители правящей элиты имели многочисленных родственников и знакомых в низах общества, недовольство, вызванное коллективизацией, было особенно опасно. На это прямо указывает одна из крестьянских листовок того времени: «А тем временем эти царьки натравляют класс на класс, а сами в мутной воде грязь ловят, да насилием в коллективизацию заводят. Но не придется ярмо надеть на крестьян обратно, потому что все крестьянство в одной атмосфере задыхается, а также и наши дети в Красной армии понимают, что их ждет дома голод, холод, безработица, коллектив, т. е. панщина»²³⁸.

Чтобы избежать социального взрыва, руководство ВКП(б) решило временно отступить в борьбе с крестьянством, санкционировав знаменитую статью Сталина «Головокружение от успехов» от 2 марта 1930 г. Эта статья и последовавшее за ним постановление ЦК были использованы для укрепления авторитета верхов партии, разоблачивших «перегибы» на местах: «ЦК считает, что все эти искривления являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам»²³⁹. Крестьяне волной двинулись из колхозов, которые накануне письма Сталина охватывали 56 % крестьян СССР. Летом в колхозах осталось 23,6 % крестьян.

Через несколько месяцев все эти «злоупотребления» были возобновлены. Да и в своей статье Сталин давал понять, что в деле коллективизации наметилась лишь передышка — генсек призывал «закрепить достигнутые успехи и планомерно

---

²³⁸ Голоса истории. М., 1990. С.150.

²³⁹ КПСС в резолюциях... Т.5. С.103.

использовать их для дальнейшего продвижения вперед»²⁴⁰. Движение не заставило себя ждать. 2 сентября Сталин указал Молотову «сосредоточить все свое внимание на организации прилива в колхозы»²⁴¹.

Интересно, что и в наши дни встречаются наивные авторы, которые всерьез воспринимают критику Сталиным силовых методов коллективизации. Мол, Сталин ждал, пока крестьяне придут в колхозы добром, а злые коммунисты гнали их туда силой. Из этой сказочной схемы можно выводить миф о Сталине как враге коммунизма. Ю. Жуков утверждает, что «Сталину пришлось срочно корректировать обозначившийся курс, не только не отвечавший его взглядам, слишком левый, явно утопичный, но и не соответствовавший реальным условиям»²⁴². Вот оно как. Не углядел Сталин — несколько месяцев как обозначилась тенденция утопическая, а он только по весне спохватился. А с чего пошла тенденция-то? Оказывается, в 1929 г. «возродились прежние утопические воззрения, подогреваемые статьями Зиновьева и Ларина надежды, что результатом первой пятилетки станет создание экономической базы социализма, а второй — коммунизма»²⁴³. Вот она, беда-то откуда пришла. Зиновьев и Ларин, статьи пишут, подогревают надежды на построение социализма в ближайшее время (напомним, Сталин их как раз критиковал за то, что они отрицали возможность построить социализм в одной стране). А вот Сталина, бедного, тогда никто не читал. Ни его выступления о «годе великого перелома», где Вождь и провозгласил «слишком левую утопическую тенденцию», ни его указаний о наращивании плановых показателей. И только в марте 1930 г. Сталин «вдруг» обнаружил, что этот курс не соответствует реальным условиям (хотя правые уклонисты ему об этом уже давно сообщили). Статью написал, одернул кого надо. И... продолжил проводить «утопическую тенденцию».

Наступление на крестьянство было возобновлено уже в сентябре 1930 г. — «стройкам пятилетки» нужен был хлеб — он шел в растущие города и на экспорт, в обмен на оборудование.

Сталинская группировка чередовала репрессии и уступки, чтобы снизить накал борьбы, перегруппировать силы и нанести новый удар. В этом Сталин использовал опыт НЭПа. Каждое из таких отступлений сменялось движением к бюрократическому идеалу — абсолютно централизованному индустриальному обществу, в котором все социальные процессы планируются и управляются из единого центра.

Историк В. В. Кондрашин пишет: «Уже первый год коллективизации ясно показал те цели, ради которых она осуществлялась. В 1930 году государственные заготовки зерна, по сравнению с 1928 годом, выросли в 2 раза. Из деревень в счет хлебозаготовок было вывезено рекордное за все годы Советской власти количество зерна (221,4 млн. центнеров). В основных зерновых районах заготовки составили в среднем 35–40 %. В 1928 году они... в целом по стране равнялись 28,7 % собранного

---

²⁴⁰ Сталин И. Соч. Т.12. С.192.

²⁴¹ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936. С.212.

²⁴² Жуков Ю. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2003. С.27.

²⁴³ Там же.

урожая»²⁴⁴, — констатирует В. В. Кондрашин.

В 1931 г. ситуация усугубилась: «1931 год выдался не совсем благоприятным по погодным условиям. Хотя не такая сильная, как в 1921 году, но все же засуха поразила пять основных районов Северо-востока страны (Зауралье, Башкирию, Западную Сибирь, Поволжье, Казахстан). Это самым негативным образом сказалось на урожайности и валовых сборах зерновых хлебов. В 1931 году был получен пониженный урожай зерновых, по официальным данным, 690 млн. центнеров (в 1930 году — 772 млн. центнеров). Однако государственные заготовки хлеба не только не были сокращены, по сравнению с урожайным 1930 годом, но даже повышены. В частности, предусматривалось изъятие из деревни 227 млн. ц. по сравнению с 221,4 млн. ц. Например, для пораженных засухой Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев план хлебозаготовок составил соответственно 145 млн. пудов и 125 млн. пудов (в 1930 году они равнялись 100,8 млн. пудов и 88,6 млн. пудов)»²⁴⁵.

На пленуме ЦК ВКП(б) 30–31 октября 1931 года пленуме ЦК ВКП(б) секретари Средне-Волжского и Нижне-Волжского крайкомов взмолились сократить нормы хлебозаготовок, но что Сталин ответил иронически: «какими точными в последнее время» стали секретари, данные об урожайности приводят. Нарком снабжения А. Микоян, подводя итоги дискуссии, заявил: «Вопрос не в нормах, сколько останется на еду и пр., главное в том, чтобы сказать колхозам: „в первую очередь выполни государственный план, а потом удовлетворяй свой план“»²⁴⁶. «Таким образом, — резюмирует В. В. Кондрашин, — давление на колхозную деревню шло с самого верха. Сталин и его ближайшее окружение несли личную ответственность за все действия местных властей по реализации их решений и их трагические последствия»²⁴⁷.

«Перегибы» и жестокости, сопровождавшие коллективизацию, стали логичным результатом избранного Сталиным стратегического курса.

*

В 1930–1932 гг. партия столкнулась с крупнейшим после 1921 г. социальным кризисом, с настоящей революционной ситуацией. Система существовала на пределе социальных возможностей. Страну захлестнули не только организованные, но и стихийные социальные перемещения, вызванные «великой реконструкцией».

Миллионные массы двигались из деревни в города, из одних городов — в другие, на стройки пятилетки, в ссылку... Между переписями 1926 и 1939 гг. городское население выросло на 18,5 млн. человек (на 62,5 %), причем только за 1931–1932 гг. — на 18,5 %²⁴⁸. По образному выражению Н. Верта, «на какое-то время советское общество превратилось в гигантский „табор кочевников“, стало „обществом зыбучих песков“. В деревне общественные структуры и традиционный уклад были полностью

²⁴⁴ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С.70.

²⁴⁵ Там же. С. 80–81.

²⁴⁶ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 203, 205.

²⁴⁷ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С.84.

²⁴⁸ См. Население России в XX в. Исторические очерки. Т.1. М., 2000. С. 225–230.

уничтожены. Одновременно оформлялось новое городское население, представленное бурно растущим рабочим классом, почти полностью состоящим из уклоняющихся от коллективизации вчерашних крестьян, новой технической интеллигенцией, сформированной из рабочих и крестьян-выдвиженцев, бурно разросшейся бюрократической прослойкой, ... и, наконец, властными структурами с еще довольно хрупкой, не сложившейся иерархией чинов, привилегий и высоких должностей»²⁴⁹.

Количество «ртов» в городах увеличивалось, а рабочих рук на селе — сокращалось. Паек еле обеспечивал нужды миллионов горожан. В 1930 и 1932 гг. происходили волнения в городах: в Новороссийске, Киеве, Одессе, Борисове, Ивановской области. Сталин ответил на бунты не только силой. Была введена новая система распределения по карточкам, где наилучшее снабжение предоставлялось чиновникам и рабочим столиц, а также наиболее важных производств и «ударникам». Чтобы избежать неконтролируемого наплыва масс в города, было запрещено несанкционированное перемещение по стране. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР 17 марта 1933 г. предписывало, что колхозник мог уйти из колхоза, только зарегистрировав в правлении колхоза договор с тем хозяйственным органом, который нанимал его на работу. В случае же самовольного ухода на заработки колхозник и его семья исключались из колхоза и лишались, таким образом, средств, которые были заработаны ими в колхозе. Одновременно развернулась паспортизация, которая обеспечила права передвижения (также ограниченные пропиской) только горожанам. Милиция получила право высылать из городов крестьян и препятствовать самовольному уходу из деревни²⁵⁰. Но эти меры дадут эффект только в конце Пятилетки (в том числе и такой эффект, как и гибель людей, «запертых в голодных районах»).

Политика ускоренного создания индустриального общества и разрушения традиционного общества вела к тому, что миллионы людей меняли свою классовую принадлежность и образ жизни. На какое-то время они превращались во взрывоопасную деклассированную массу. Эти люди пытались устроиться в новой жизни, но получалось это далеко не сразу. Маргинальные массы стремились сделать карьеру в партийных и государственных органах, а для этого нужно было освободить места от «старых кадров». Болезненность «перелома» вызывала массовое недовольство, иногда — отчаяние сотен тысяч и миллионов людей. Это в любой момент могло вызвать широкомасштабный социальный взрыв, переворот и новую гражданскую войну.

Революционная ситуация и оппозиция

Страна оказалась на волосок от новой революции. Но для революции нужно не только отчаяние. Нужна надежда, уверенность масс в том, что если свергнуть ненавистную верхушку, страна не окажется в состоянии хаоса. Есть ли достаточно опытные люди, способные взять управление страной на себя, если возмущенные массы сметут коммунистический режим или если коммунисты ради самосохранения

---

²⁴⁹ Верт Н. История советского государства. 1900–1991. М., 1994. С.253.

²⁵⁰ См. также: Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 194–211.

принесут в жертву Сталина, «ответственного за все»?

В 1930 г. ОГПУ заявило о раскрытии нескольких групп, работавших в режиме «теневого кабинета»: Промышленная партия (лидеры инженер П. Пальчинский, директор теплотехнического института профессор Л. Рамзин, зампред производственного отдела Госплана, профессор И. Калинин и др.), Союзное бюро РСДРП (меньшевиков) во главе с членом коллегии Госплана В. Громаном и известным политиком и публицистом Н. Сухановым и Трудовая крестьянская партия (лидеры — ученые-аграрники Н. Кондратьев, А. Чаянов, П. Маслов, Л. Юровский), группа ученых-гуманитариев Академии наук во главе с академиками С. Платоновым и Е. Тарле, организация военных специалистов и многочисленные группы вредителей в отраслях народного хозяйства (военная промышленность, снабжение мясом и др.). Еще до суда по стране шли демонстрации с лозунгом «Расстрелять!». На суде обвиняемые занимались самобичеванием, признавая свою вину. Но не все дела были доведены до суда, не во всех обвиняемых сталинское руководство было «уверено»...

Утверждалось, что за множеством местных вредительских организаций стоит какой-то центр. Идея, которая казалась вполне логичной людям, прошедшим опыт революции и гражданской войны. Чтобы претендовать на власть, этот центр должен был иметь связи в центральных хозяйственных органах, среди интеллектуалов, вырабатывающих для современной России иную стратегическую альтернативу, и, желательно, среди военных. Такова была гипотеза потенциальной угрозы.

Не было ничего невероятного в том, что бывшие члены оппозиционных партий продолжили свою борьбу в подполье. Даже после разоблачения методов, которыми готовились процессы 1936–1938 гг., процессы 1930–1931 гг. некоторое время считались «подлинными». В 90-е гг. ситуация изменилась «вплоть до наоборот».

Решающим основанием для отрицания достоверности показаний меньшевиков, да и участников других групп, является письмо одного из обвиненных на процессе М. П. Якубовича, направленное в мае 1967 г., Генеральному прокурору СССР, в котором он рассказал о методах следствия.

Якубович утверждал, что «никакого „Союзного бюро меньшевиков“ не существовало». Показания Якубовича и ряда других меньшевиков и эсеров были получены в результате физического воздействия: избиений, удушений, отправки в карцер в холодную или жаркую погоду, лишения сна. Якубович утверждает, что дольше всех держались он и А. Гинзбург, и даже попытались покончить с собой. И только узнав, что все уже сдались, а также под воздействием пытки бессонницей, Якубович стал давать нужные показания²⁵¹. Утверждение Якубовича о том, что он сдался последним, не совсем точно: Якубович и Гинзбург «сломались» в декабре 1930 г. и сразу стали давать показания в соответствии со сценарием следствия, в то время как один из основных обвиняемых Суханов в декабре еще давал показания, расходившиеся с версией следствия.

По утверждению Якубовича наиболее активно из меньшевиков со следствием сотрудничали В. Громан и К. Петунин, которым обещали скорую реабилитацию. Громана следователи к тому же подпаивали (в 1937–1938 гг. этот метод парализации воли, возможно, применялся также к склонному выпить А. Рыкову). После процесса Громан громогласно восклицал: «Обманули! Обманули!»²⁵² А вот Рамзина, который

---

²⁵¹ Меньшевистский процесс 1931 года. Сборник документов в двух книгах. Кн.2. М., 1999. С.457.

²⁵² Там же. С.458.

нигде не кричал об обмане, не обманули. Он тихо подождал, и получил работу, реабилитацию, а потом и государственную премию. Петунин помог следствию разработать классическую схему меньшевистского заговора, в которой члены организации красиво распределялись между ведомствами. Но потом под давлением показаний меньшевиков эту схему придется изменить, сквозь нее проступит какая-то другая реальность...

Якубович утверждал, что следствие не было заинтересовано в выяснении истины. Во-первых, обвиняемый В. Иков действительно находился в связи с заграничной делегацией РСДРП, вел переписку и возглавлял «Московское бюро РСДРП». Однако о своих истинных связях ничего не сообщил. Во-вторых, получив от следователя А. Наседкина очередные показания, которые нужно было подписать, Якубович как-то воскликнул: «Но поймите, что этого никогда не было, и не могло быть». На это следователь ответил: «Я знаю, что не было, но „Москва“ требует». В-третьих, работа специалистов проходила под бдительным контролем коммунистических руководителей, таких как Дзержинский, Микоян и др. В их компрометации Сталин не был заинтересован. Тем не менее они после придирчивого анализа предложений спецов утверждали их. Опровергая свое вредительство, Якубович задает вопрос: «Что же, все были слепы, кроме меня?»²⁵³ Действительно, признания во вредительстве без конкретных актов диверсий и террора — явный признак фальсификации. В-четвертых, арестованный за взяточничество М. Тейтельбаум сам попросился у следователей в «Союзное бюро», чтобы умереть не как уголовник, а как «политический». Показания Тейтельбаума о взяточничестве были уничтожены. В-пятых, схема следствия была плохо скроена. Самым слабым местом стал «Визит Р. Абрамовича». Хотя были другие эмиссары меньшевиков, задержанные ОГПУ, известный меньшевистский лидер Абрамович должен был придать организации больший вес. Но выяснилось, что в СССР Абрамович не был (во всяком случае это он сумел доказать в Германском суде). Когда выяснилось, что ОГПУ ошиблось с Абрамовичем, схема не стала пересматриваться. В-шестых, председатель суда Н. Крыленко, хорошо знавший Якубовича, побеседовал с ним перед процессом, сказав следующее: «Я не сомневаюсь в том, что вы лично ни в чем не виноваты... Вы будете подтверждать данные на следствии показания. Это — наш с Вами партийный долг. На процессе могут возникнуть непредвиденные осложнения. Я буду рассчитывать на Вас». Этот призыв помог Якубовичу покончить с собственными колебаниями — не сорвать ли процесс и тем самым «ударить в спину» СССР. Нет, нельзя этого делать в такой тяжелой для страны ситуации. Якубович произнес на процессе пламенную речь против телеграммы заграничной делегации РСДРП, в которой организаторы процесса обвинялись в фальсификации. Якубович не без гордости пишет об этом: «Это была одна из моих лучших политических речей. Она произвела большое впечатление переполненного Колонного зала (я это чувствовал по моему ораторскому опыту) и, пожалуй, была кульминационным пунктом процесса — обеспечила его политический успех и значение»²⁵⁴.

После опубликования письма Якубовича наиболее очевидным выводом является

---

²⁵³ Там же. С.460.

²⁵⁴ Там же. С. 462–463.

принятое ныне большинством историков мнение о полной фальсификации дел 1929–1931 гг. Никаких оппозиционных организаций не существовало.

Раз так, ставится вопрос: зачем понадобилось Сталину фальсифицировать эти дела, жертвуя полезными специалистами?

Историк О. В. Хлевнюк пишет: «расправляясь с „буржуазными специалистами“, сталинское руководство не только перекладывало на них вину за многочисленные провалы в экономике и резкое снижение уровня жизни народа, вызванные политикой „великого перелома“, но и уничтожало интеллектуальных союзников „правых коммунистов“, компрометировало самих „правых“ на связях и покровительстве „вредителям“. По такой схеме была проведена и новая акция против „вредителей“ в 1930 г.»²⁵⁵ Но в 1932 г. социальные бедствия будут еще сильнее, чем в 1930 г., а «спецеество» пойдет на убыль, разоблачение политических групп будет свернуто. Более серьезна версия об интеллектуальных союзниках, своего рода «выносных мозгах» правых. Под этим углом зрения группы спецов представляют уже реальную политическую опасность.

В августе, вскоре после арестов, Сталин писал Молотову: «Не сомневаюсь, что вскрыется прямая связь (через Сокольников и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бухарин/, Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять»²⁵⁶. Но связь не вскрылась, Громана и Кондратьева не стали расстреливать. Сталинская архитектура процессов не была выдержана. Это лишний раз позволяет усомниться в том, что Сталин был архитектором процесса. Определенная доля истины следователей все-таки интересовала — были ли обвиняемые политически связаны с правыми, что планировали на самом деле. А затем уже на реальность можно было «навешивать» дополнительные обвинения, позорящие внепартийную оппозицию.

Специально выбивать показания на правых нужно было только в том случае, если Бухарина планировалось не только политически уничтожить, но и посадить. Показания на Бухарина не моргнув глазом дал Рамзин, но цену его показаниям в ОГПУ знали. Как мы увидим, Сталин серьезно относился к зарубежным контактам Рамзина, но представить себе этого правого либерала рядом с правым коммунистом без «передаточных звеньев» было невозможно. На всякий случай Сталин «прощупал» Бухарина, сообщив ему о показаниях Рамзина. Потрясенный Бухарин написал письмо Сталину: «те чудовищные обвинения, которые ты мне бросил, ясно указывают на существование какой-то дьявольской, гнусной и низкой провокации, которой ты веришь, на которой строишь свою политику и которая до добра не доведет, хотя бы ты и уничтожил меня физически... Правда то, что я терплю невиданные издевательства... Или то, что я не лижу тебе зада и не пишу тебе статей а la Пятаков — или это делает меня „проповедником террора“?»²⁵⁷ В это время Бухарин даже думал о самоубийстве. Несколько лет спустя он в частном разговоре характеризовал коллективизацию как «массовое истребление совершенно беззащитных и несопротивляющихся людей — с

---

²⁵⁵ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 34.

²⁵⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С.194.

²⁵⁷ Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С.242, 244.

женами, с малолетними детьми...»²⁵⁸

Меньшевик Суханов рассказывал о своих встречах с Бухариным, на которого возлагал надежды: «Но правые не выступили и уклонились от борьбы. Я высказал по этому поводу Бухарину свою досаду и мнение, что правые выпустили из рук собственную победу. Я сравнивал при этом правых с декабристами, которые были бы победителями, если бы действовали активно, а не стояли бы неподвижно, с войсками, готовыми в бой, на Сенатской площади. Бухарин отвечал мне, что я ничего не понимаю... События развиваются в направлении, им указанном... В будущем предстоит перевес отрицательных сторон проводимого курса над положительными, только тогда можно говорить о победе его принципов»²⁵⁹. Несмотря на то, что для Бухарина эти воспоминания Суханова были неприятны (еще одна беседа с оппозиционным деятелем «за спиной партии»), но никакого «криминала» Суханов не сообщил — речь шла о весне 1929 г., то есть о периоде до капитуляции Бухарина в ноябре.

Не было ничего удивительного, что внепартийная оппозиция симпатизировала правым коммунистам. За это правых можно было попрекнуть: «И вредители из промпартии, и чаяновско-кондратьевское крыло, и громановское крыло, все они чаяли победы правых оппортунистов»²⁶⁰, — говорил В. Куйбышев. Но симпатии к тебе «врагов» ненаказуемы.

«Выбитые» показания на правых ничего не меняли. И без них Бухарина можно было унижать сколько угодно. В декабре 1929 г. его вполне лояльная статья «Технико-экономическая революция, рабочий класс и инженерство» была подвергнута унижительной для Бухарина цензуре. Куйбышев, ознакомившись в проекте статьи, отчитывал Бухарина: «это твое первое выступление после ссоры с партией... Статья выдержана в стиле „как ни в чем не бывало“... как выступал раньше: и за что же меня разносили?»²⁶¹ Пришлось Бухарину каяться еще раз в своих «ошибках». Его статья «Великая реконструкция» подверглась нападкам в советских газетах, и только после жалобы Сталину и Куйбышеву «Правда» взяла статью Бухарина под защиту как правильную. Хотим — поправим, хотим — потравим. Сочтем нужным — поддержим. Знай, от кого зависишь.

И без показаний спецов Бухарину, Рыкову и Томскому не доверяли. Время от времени Бухарина подлавливали на «фиге в кармане», попытке провести свои взгляды намеками. Биограф Бухарина С. Коэн перечисляет основные идеологические «диверсии» идеолога правого большевизма: напоминание о том, что государство «прибегло к самым острым средствам внеэкономического принуждения» (но Бухарин официально оправдывал эти методы), рассказ о преступлениях католической церкви (с намеком на политику Сталина, который мог быть замечен только очень пытливым взором), напоминание о том, что приближение к коммунизму ведет к отмиранию государства. Бухарин отказался очередной раз каяться на XVI съезде партии. Но 10

---

²⁵⁸ Фельштинский Ю. Разговоры с Бухариным. С.83.

²⁵⁹ Меньшевистский процесс 1931 года. Кн. 2. С. 117–118.

²⁶⁰ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С. 190–191.

²⁶¹ Советское руководство. Переписка. С.105.

ноября 1930 г. Бухарин еще раз публично покаяться и актуально осудил вскрывшиеся внутрипартийные оппозиционные группировки²⁶². Он не стал превозносить Сталина, но призвал к сплочению вокруг ЦК. Это Сталин счел достаточным. В 1931 г. Бухарина снова стали пускать на заседания Политбюро.

В 1930 г. правые представляли собой лишь тень власти. Реальную хозяйственную власть сохранял Рыков, но, когда Сталин решил, что его квалификация в новых условиях не годится, премьер-министр будет легко сменен. Показания «вредителей» для этого не понадобятся. Но они сыграют свою роль, чтобы убедить одного человека в необходимости снятия Рыкова поста. Этим человеком был сам Сталин. 2 сентября 1930 г. в письме к Молотову Сталин откомментировал эту проблему так: «Насчет привлечения к ответу коммунистов, помогавших громанам-кондратьевым. Согласен, но как быть тогда с Рыковым (который бесспорно помогал им) и Калининым (которого явным образом впутал в это „дело“ подлец — Теодорович)? Надо подумать об этом».²⁶³ Такие результаты следствия расходятся с его первоначальной версией о том, что след выведет прежде всего на Бухарина. А если бы и вывел? Рыкова можно было отправить в отставку, Калинина — простить. Бухарина можно было еще понизить в должности и даже посадить. И тем вызвать новый всплеск разговоров о гонениях, жалость к опальному идеологу. Бухарина нельзя было даже выслать из страны — он не оказывал прямого сопротивления, как Троцкий. Он был лоялен системе, подчинялся произволу Сталина. Но его идеи были опасны — это была приемлемая для большевиков альтернатива на случай провала пятилетки.

А вот в деле с Рыковым близость премьера к спецам делала его негодным в качестве проводника сталинской политики. Это была последняя капля. Сталин писал Молотову: «наша центральная советская верхушка (СНК, СТО, Совещание замов) больна смертельной болезнью. СТО из делового и боевого органа превратился в пустой парламент. СНК парализован водянистыми и по сути дела антипартийными речами Рыкова... Надо прогнать, стало быть, Рыкова и его компанию... и разогнать весь их бюрократический консультантско-секретарский аппарат»²⁶⁴. Сталин мог без труда снять Рыкова с должности уже в 1929 г., но не был уверен в способности кого-то справиться с задачами координации индустриального рывка. Но с ними не справлялся и Рыков, он их саботировал, опираясь на мнение экспертов. Ворошилов предложил Сталину взять дело в свои руки, но вождь отказался. Почему? Принято считать, что Сталина отличало «особое властолюбие, стремление к обладанию не только реальной властью, но и всеми внешними ее атрибутами...»²⁶⁵ Чтобы объяснить с этой точки зрения не только разительное различие между количеством наград Сталина и, скажем, Брежнева, но и длительный отказ занимать пост предсовнаркома, приходится приписывать Сталину стремление избегать ответственности за дело. Но с 1929 г. Сталин в СССР отвечал за все, и нес личную ответственность за успех или провал пятилетки. Но он извлек урок из трагического опыта Ленина: носитель стратегии не

---

²⁶² Коэн С. Указ. соч. С. 416–420.

²⁶³ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С.211.

²⁶⁴ Там же. С.217, 220, 222.

²⁶⁵ Хлевнюк О. В. Сталин и Молотов. Единоличная диктатура и предпосылки «олигархизации». // Сталин. Сталинизм. Советское общество. М., 2000. С.277.

должен брать на себя всю хозяйственную текучку. Ничего личного — полновластный глава государства предпочитает иметь управляемого премьера, который будет вести дела, обращаясь к арбитру и гаранту стратегии только в сложных или политически важных случаях. На эту роль Сталин избрал преданного друга Молотова.

На пленуме ЦК и ЦКК 17–21 декабря 1930 г. Рыков был подвергнут дружной критике за непоследовательность и старые ошибки. Он опасался отвечать на обвинения прямо, о чем с некоторым злорадством говорил Бубнов: «человек с этакой нарочитой осторожностью ходит по скользкому льду»²⁶⁶. Контакты с «вредителями» и зависимость от их мнения играли второстепенную роль в критике Рыкова. 19 декабря Рыков был заменен на посту предсовнаркома Молотовым, а 21 декабря — выведен из Политбюро. Результатом назначения Молотова стало, по словам Сталина, «полное единство советской и партийной верхушек»²⁶⁷, что было логично в условиях тоталитаризма. Разгром «консультантского» аппарата означал торжество партийного аппарата над хозяйственниками, политической воли над экономической компетентностью.

Но для этого не нужно было фальсифицировать процессы, это и так было в воле Сталина, отстранение правых от власти приветствовали даже аппаратчики, недовольные Сталиным и близкие к правым по взглядам. Это подтвердило дело Сырцова-Ломинадзе.

Сталина не меньше, чем Троцкого, волновала проблема молодого поколения, которое сможет подкрепить «стариков», компетентно выполняя их указания. С. Сырцов и В. Ломинадзе имели репутацию молодых радикалов, и их выдвинули во второй ряд руководства. Орджоникидзе покровительствовал Ломинадзе, который к тому же вместе со своим товарищем Л. Шацкиным особенно рьяно атаковал правых. Но после победы над Бухариным Сталин «осадил» Шацкина, а Ломинадзе отправился руководить Закавказской парторганизацией. Сырцов во время гражданской войны громил казаков (руководил «расказачиванием»), в 1926–1929 гг. возглавлял Сибирскую парторганизацию. Тесня Рыкова, Сталин сделал Сырцова председателем Совнаркома РСФСР (Рыков занимал этот пост по совместительству). Сырцов поддерживал борьбу с правыми, верил Сталину. Но первые итоги «великого перелома» разочаровали Сырцова. В начале 1930 г. он выпустил большим тиражом достаточно критическую брошюру «О наших успехах, недостатках и задачах». В июле 1930 г. на XVI съезде партии он говорил не только о победах, но и о проблемах. В августе Сырцов разослал в райисполкомы текст своего доклада о контрольных цифрах, который содержал критические замечания по поводу проводимой политики. Этот шаг Сырцова был охарактеризован Политбюро как ошибка.

Сырцов был недоволен методами раскулачиваний, сомневался в правомерности действий ОГПУ против вредителей — не раздувают ли дело?

21 октября 1930 г. сотрудник «Правды» Б. Резников сообщил, что он участвовал в совещании у Сырцова, в котором принимали участие его близкие товарищи. По утверждению Резникова Сырцов сообщил своим товарищам: «значительная часть партийного актива, конечно, недовольна режимом и политикой партии, но актив, очевидно, думает, что есть цельное Политбюро, которое ведет какую-то твердую

---

²⁶⁶ Сталинское Политбюро в 30-е гг. Сборник документов. М., 1995. С.109.

²⁶⁷ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С.222.

линию, что существует, хоть и не ленинский, но все же ЦК. Надо эти иллюзии рассеять. Политбюро — это фикция. На самом деле все решается за спиной Политбюро небольшой кучкой, которая собирается в Кремле, в бывшей квартире Цеткиной, что вне этой кучки находятся такие члены Политбюро, как Куйбышев, Ворошилов, Калинин, Рудзутак и, наоборот, в „кучку“ входят не члены Политбюро, например, Яковлев, Постышев и др.»²⁶⁸ «Обвинение во „фракционности“ было самым серьезным из всех возможных обвинений, выдвинутых против Сталина»,²⁶⁹ — комментирует О. В. Хлевнюк. Участники встречи были вызваны в ЦКК к Орджоникидзе, все отрицали, после чего были арестованы. Под арестом они стали давать показания. Выяснилось, что откровенные беседы Сырцов вел также с леваками Ломинадзе и Шацкиным. Обсуждая дело Сырцова-Ломинадзе на президиуме ЦКК 4 ноября, Орджоникидзе восклицал: «Что случилось с этими людьми? Где их надорвало, где им переломило политический хребет?»²⁷⁰ Они просто увидели первые результаты индустриального рывка, после чего их взгляды стали быстро смещаться вправо. По мнению В. Роговина «сформировался блок, участники которого готовились выступить на очередном пленуме ЦК с критикой сталинской экономической политики и режима»²⁷¹.

Как видим, критика «режима» была непоследовательной, и готовности сближения с правыми тоже пока не было. Участники «право-левацкого» блока Сырцова-Ломинадзе были сняты с постов и понижены в должности. Умеренность мер против молодых выдвиженцев показывает, что Сталин хотел замять это неприятное дело. Но не только потому, что боялся обвинений во фракционности — он выслушивал их не впервой. Проблема была серьезнее — молодые выдвиженцы, пытавшиеся рассуждать о стратегическом курсе партии, под давлением обстоятельств сдвигались вправо. Стоило потерять контроль над вторым эшелоном партийного руководства, и он мог проголосовать против политики Сталина. Поскольку квалификации, достаточной для руководства страной у второго эшелона не было, привлечение к власти правых станет делом времени. Бухарин и Рыков превращались в своего рода «теневого кабинет» СССР. И это был не единственный «теневого кабинет».

Против политики Сталина могли выступить не только коммунисты, но и непартийные массы. Ситуация в стране была поистине революционной. Не хватало только «субъективного фактора», выступления организации революционеров (или «контрреволюционеров», выражаясь языком большевиков). В середине 20-х гг. ее было бы несложно подавить. Но в 1930 г. миллионы отчаявшихся людей только и ждали, чтобы «началось». Более того, все помнили, что в феврале 1917 г. началось с голодного бунта, но именно наличие в стране сети оппозиционных организаций позволило развернуть массовые волнения в революцию. Для самосохранения режима было очень важно, чтобы «теневые кабинеты» и неформальные политические сети не вышли на политическую арену. Этот мотив разгрома идейных лидеров спецов был

---

²⁶⁸ Сталинское Политбюро в 30-е гг. С.97.

²⁶⁹ Хлевнюк О. В. Политбюро. С. 47.

²⁷⁰ Сталинское Политбюро в 30-е гг. С.105.

²⁷¹ Роговин В. Власть и оппозиции. М., 1993. С.171.

куда более веским, чем компрометация правых (собственно, контакты с подследственными спецами имели не только правые, но и Куйбышев, и Микоян, и другие соратники Сталина). Сталину незачем было выдумывать оппозицию, документы свидетельствуют скорее об обратном — сталинское ядро верило в нее и видело в ней реальную угрозу. Стало как-то не принято обсуждать очевидный, казалось бы вопрос: есть ли дым без огня. Были ли процессы сфальсифицированы полностью, или подсудимые действительно представляли угрозу для режима?

*

Перечитаем под этим углом зрения письмо Якубовича Генеральному прокурору СССР 1967 г. Аргументы Якубовича доказывают лишь его персональную непричастность к вредительству и небрежность подготовки процесса. Так, обвиняемый Иков не вскрыл своих реальных связей, сознавшись лишь в контактах с заграничной делегацией РСДРП. Но ведь именно в этом он обвинялся. Якубович по существу подтвердил в этом пункте правильность обвинения в основном, а не в деталях.

Очевидно, следствие и не интересовали детали. Это объясняет все неувязки. Не было времени выяснять истину во всех нюансах. Выяснив, что группа меньшевиков представляет угрозу режиму, политическое руководство не считало необходимым подтвердить эту «истину» по всем правилам «буржуазной юриспруденции». Нужно было разгромить и скомпрометировать эту группу в короткие сроки и с максимальной убедительностью, которую вызывает у публики покаяние преступника на процессе. При таком методе борьбы с оппозицией необходимо не тщательное и скрупулезное исследование всех обстоятельств дела, а «удары по площадям», аресты периферии оппозиционной группы, выделение среди арестованных тех, кто готов сотрудничать со следствием (значительная часть арестованных не призналась в преступлениях, и была осуждена безо всякого процесса коллегией ОГПУ). Убежденность следствия в виновности лидеров оппозиции не исключала того, что Якубович не является в реальности одним из лидеров этого круга. Даже хорошо, если так: в силу своей идейной близости к режиму и незнания того, что там было у Громана и Кондратьева на самом деле, не будет отвлекаться на реальные детали, расходящиеся со схемой следствия.

По той же причине было полезно привлекать людей, обвиняемых по более «позорным» статьям и потому готовых дать политические показания. Игра с политическими лидерами гипотетической оппозиции могла вестись по подобной схеме. «Поймав» их на ведении «контрреволюционной пропаганды» и на обсуждении перспектив крушения коммунистического режима (что уже само по себе считалось тяжким преступлением и могло истолковываться как заговор), предложить полное сотрудничество в обмен на жизнь и даже последующую реабилитацию. Не случайно, классическая схема следствия представлена в показаниях лидера Промпартии Л. Рамзина.

С точки зрения юриспруденции такие методы следствия не доказывают ничего — ни виновности, ни невиновности. Якубович утверждает, что на самом деле он непричастен к организациям Громана и Кондратьева. Он ничего не знал о них. Доказывает ли это, что оппозиционных групп не было? В изоляторе из бесед с Иковым Якубович убедился в том, что как минимум Московское бюро РСДРП существовало...

Меньшевики, традиционно недолголюбивавшие эсеров, утверждают, что «разоблачения» исходили также от Кондратьева²⁷². Но эта версия не подтверждается поздними показаниями лидера Трудовой крестьянской партии — они гораздо дальше от схемы следствия, чем признания самих меньшевиков. Кстати, и само название «выдумали» не следователи ОГПУ. В фантастическом романе А. Чайнова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», опубликованном в 1920 г., эта партия приходит к власти в начале 30-х гг. Сталин опасался провала дела именно ТПК, лидеры которой были менее склонны каяться и могли вызвать сочувствие крестьянства: «Подождите с передачей в суд кондратьевского „дела“. Это не совсем безопасно»²⁷³, — писал Сталин Молотову.

В чем признавались деятели «Промпартии»? Профессор А. Федоров, много споривший на процессе с прокурором Крыленко, все же рассказал, что в 1925 г. была организована группа инженеров, «которые хотели для поддержки своего и общего инженерного авторитета и улучшения своего и общего положения инженеров и быта их семей держаться сообща, подготавливать свои выступления на совещаниях и таким образом добиваться повышения авторитета»²⁷⁴. Федоров подчеркивал безобидность объединения, однако предварительный сговор спецов, отсутствие дискуссий между ними, лишал коммунистическое руководство возможности объективно оценивать ситуацию. Можно было лоббировать любые решения. Федоров признал, что затем этот своеобразный «профсоюз» превратился в политическую организацию.

Рамзин утверждал на процессе, что «основная техническая установка центра сводилась к максимальной охране предприятий крупных промышленников, связанных с центром». Ай да вредительство! Потом решили вредить более активно. Но без диверсий. «Поэтому от прямого технического вредительства центр быстро пошел к „плановому“ вредительству»²⁷⁵, которое выражалось в планировании замедления темпов роста и созданию диспропорций. То есть люди делали то, что считали правильным, а потом согласились признать, что это — нанесения вреда. Недостатки планирования, столь очевидные в 1930 г., не могли быть виной людей, которые уже отстранены от дела планирования. Но их прежнее сопротивление оптимистическим планам — политическое действие, которое теперь признавалось подрывным. Новые планы привели к еще большим диспропорциям, косвенно подтвердив правильность старых.

Но «вина» спецов не только в этом. Они стремились к капиталистической реставрации, надеясь на интервенцию. Не столь уже невероятные взгляды для людей, которые преуспевали при капитализме. Руководители организации, которая, по версии следствия, называлась сначала Союз инженерных организаций или Инженерно-промышленная группа, а с 1928 г. — Промышленная партия (зачем бы следствию менять название «выдуманной» структуры?), встречались за границей с руководителями Торгово-промышленного комитета — объединения

---

²⁷² Меньшевистский процесс 1931 года. Кн.1. С.14, Кн.2. С.458.

²⁷³ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С.224.

²⁷⁴ Инквизитор. Сталинский прокурор Вышинский. С.115.

²⁷⁵ Процесс Промпартии (25 ноября-7 декабря 1930 г.). Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. М., 1931, С. 11–12.

предпринимателей, поддерживавших интервенционистские планы, направленные против СССР. Встреча старых знакомых (предпринимателей и их инженеров) в частной обстановке — это еще не создание контрреволюционной организации, хотя с точки зрения ГПУ — уже преступление. Если беседа шла о перспективах интервенции, нападения на СССР соседних государств при помощи Франции и белогвардейских формирований, то Рамзин был источником важной стратегической информации. Если дело фальсифицировалось полностью, и связи Рамзина с влиятельными кругами эмиграции были выдуманы ОГПУ — то не был. Как руководители ВКП(б) относились к этим показаниям? Сталин писал Менжинскому в октябре 1930 г.: «Показания Рамзина очень интересны. По-моему, самое интересное в его показаниях — это вопрос об интервенции, вообще, и особенно вопрос о сроке интервенции. Выходит, что предполагали интервенцию 1930 г... но отложили на 1931 или даже на 1932 г. Это вероятно и важно. Это тем более важно, что исходит от первоисточника, т. е. от группы Рябушинского, Гукасова, Денисова, Нобеля, представляющих самую сильную социально-экономическую группу... „Торгпром“, ТКП, „Промпартия“, „партия“ Милюкова — мальчики на побегушках у „Торгпрома“.»²⁷⁶ Далее Сталин инструктирует Менжинского, какие еще сведения необходимо получить у Рамзина и представителей других «партий». Сталин, таким образом, был уверен, что Рамзин — носитель реальной информации, и вряд ли ОГПУ решилось бы мистифицировать его по такому важному поводу.

Первоначально Сталин действительно опасался нападения на СССР в 1930 г.²⁷⁷ Поскольку важной составляющей сил вторжения могли стать белогвардейские формирования, ОГПУ предприняло действия, направленные на дезорганизацию Русского общевойсковой союза (РОВС) — 26 января был похищен его руководитель, преемник Врангеля генерал А. Кутепов. Несмотря на то, что РОВС в 1931 г. активизировал свою работу в СССР и даже заслал террориста, пытавшегося застрелить Сталина 16 ноября 1931 г., следующий руководитель РОВС генерал Миллер был похищен только в 1937 г. Опасность была не в РОВСе как таковом.

К концу 1930 г. военная тревога на западных рубежах стихает. Не сыграла ли информация Рамзина свою роль в этом наряду с другими источниками?

На процессе Промпартии Рамзин должен был представить свои контакты с заграницей как можно убедительнее. Встречи с посредниками показались Сталину недостаточно убедительными, и обвиняемые стали рассказывать о встречах лично с организатором Торгпрома Рябушинским. Получился конфуз — Рябушинский умер в 1924 г. Судебный спектакль отличался от реальности, но это не значит, что сюжет не был основан на некоторой, пусть и более скромной, реальности.

Поймав группу инженеров и экономистов право-либеральных взглядов, мечтавших о том, что их избавят наконец от большевистского ига, на контактах с белой эмиграцией, ОГПУ по заданию Сталина решало две основные задачи: во-первых, скомпрометировать сторонников реставрации путем фальсификации обвинения во вредительстве, и во-вторых, выяснить настоящие планы зарубежных центров и их более или менее организованных друзей внутри страны. Эти связи не были безобидными даже в случае бездействия группы. В случае интервенции

---

²⁷⁶ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. С. 187–188.

²⁷⁷ Там же. С.209.

противнику могут понадобиться компетентные общественные деятели, которые смогут возглавить гражданскую власть. В этих условиях было не так важно, носят беседы о политике и экономике характер официальных переговоров или частных бесед. Предъявив реальные обвинения, ОГПУ предложило провинившимся игру на выживание: признаться в преступлениях, назвать беседы организацией, отстаивание своих экономических позиций — вредительством. Рамзин согласился, и выиграл. Смертный приговор был заменен для него 10-летним заключением, которое на практике стало успешной работой по профессии, увенчанной реабилитацией и Государственной премией. Эта судьба стала «морковкой» для других участников полуфальсифицированных процессов. Не случайно, что процесс Промпартии стал первым звеном в цепи приговоров 1930–1931 гг. Он прошел 5 ноября — 7 декабря 1930 г. А в 1931 г. Рамзин выступал как свидетель на процессе меньшевиков. Его показания резко контрастируют не только с версией Кондратьева и ранними показаниями Суханова, но и классическими показаниями меньшевиков, сотрудничавших со следствием. Он ясно и четко рапортует о «консолидации контрреволюционных организаций», «общем контрреволюционном фронте», оформленном в начале 1929 г., стремлении к использованию интервенции, шпионаже (который не признают за собой даже наиболее последовательные сотрудники следствия среди меньшевиков)²⁷⁸.

Итак, есть основания подозревать, что в «делах» 1929–1931 гг. помимо была и фальсификация, но была и доля истины. Но как отделить реальность от вымысла ОГПУ? Б. В. Ананьич и В. М. Панеях, исследовавшие одновременное «академическое дело», считают, что оно представляет собой фальсификацию с вкраплениями достоверных сведений²⁷⁹. Действительно, в 20-е гг. академики по-своему сопротивлялись режиму. Так, они первоначально отказались утвердить коммунистические кандидатуры в академики в 1928 г. В 1929 г. было обнаружено, что они хранят акт об отречении Николая II и другие дореволюционные документы без санкции правительства (академики объясняли, что сообщили «наверх», но «должной» настойчивости не проявляли). Также трудно отрицать критический характер бесед ученых между собой.

Вкрапления истины — самое интересное в этих процессах. Эти вкрапления — информация о последних очагах разрушавшегося большевиками гражданского общества, которые в обстановке революционной ситуации 1930–1932 гг. несли значительную потенциальную угрозу режиму.

Н. Н. Покровский предложил использовать для анализа документов процессов 30-х гг. методику Я. С. Лурье, предложенную для анализа средневековых процессов: в тенденциозном источнике достоверно то, что противоречит тенденции, и не достоверно — что ей соответствует²⁸⁰. К этому правилу необходимо дополнение. Реальность может и соответствовать тенденции, но мы имеем право утверждать это, если имеем еще какие-то источники, подтверждающие «тенденциозный» факт.

---

²⁷⁸ Меньшевицкий процесс 1931 года. Кн. 2. С.441.

²⁷⁹ Ананьич Б. В., Панеях В. М. Принудительно «соавторство» // *In memoriam*. М., СПб., 1995. С. 87–88.

²⁸⁰ См. Ананьич Б. В., Панеях В. М. «Академическое дело» 1929–1931 гг. и средневековые политические процессы в России (сравнительная характеристика) // *Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения*. М., 1995; *Отечественная история*. 1998. № 3. С. 144–145.

Что считать «тенденцией» следствия в «делах» 30-х гг.? Инакомыслие подследственных? Их отрицательное отношение к коммунистическому режиму? Наличие антибольшевистских организаций? Готовность поддержать интервенцию? Вредительство?

Инакомыслие и отрицательное отношение к режиму подтверждает как минимум Н. Валентинов, участвовавший в дискуссиях меньшевиков в середине 20-х гг. Наличие организации — вопрос толкования. Организацией можно называть и кружок инакомыслящих, и разветвленную партию. Это просто разные организации. В своих декабрьских показаниях 1930 г. (когда уже сломались Якубович и Гинзбург), Суханов по-прежнему расходится со следствием: «в моем присутствии никто из моих знакомых никогда не высказывал какого бы то ни было сочувствия интервенционистским планам»²⁸¹. Также Суханов категорически отрицает свою осведомленность о вредительстве. Это позволяет считать признание интервенционизма и вредительства проявлением «тенденции» следствия (если нет других оснований подозревать их в интервенционизме, как в случае с Промпартией). Характер и размах организации (в широком смысле слова) инакомыслящих остается предметом исследования.

Постепенное усиление «тенденции» видно в показаниях Суханова, который постепенно отступал под давлением следствия. По мнению А. Л. Литвина, «из признаний Суханова ясно, что все тогда он делал в сговоре со следствием»²⁸². Так ли это «ясно»? Суханов предпочитал излагать следствию свои политические взгляды 1927–1930 гг. В его изложении нет ничего невероятного: «мне стали казаться неизбежными наряду с экономическими трудностями также и политические потрясения». В условиях народных волнений необходимо «для спасения системы» предложить ВКП(б) пойти на уступки, приняв ограниченную («куцую») конституцию, предоставляющую право на легальное существование небольшевистским течениям, стоящим на позициях советской власти и октябрьской революции. Только в условиях полной социальной катастрофы, «„кровавой каши“ (по излюбленному выражению одного из участников нашего кружка)» возможны более глубокие преобразования и политический блок с Крестьянской партией: «Однажды, в момент, когда „кровавая каша казалась мне неизбежной, я все это высказал в одном из разговоров: дело так плохо, что даже возможен блок с Кондратьевым“»²⁸³. То есть меньшевики стремятся к созданию социал-демократической партии, но предпочли бы сотрудничать с большевиками (вероятно — правыми). Но если народ устроит большевикам «кровавую кашу», то для защиты завоеваний 1917 г. придется создавать блок с крестьянскими социалистами.

Суханов признает, что обсуждал с Кондратьевым возможность создания Крестьянской партии, считал это «исторически законным при условии малейшей к тому легальной возможности» и полагал, что она должна иметь эсеровскую идеологию и в перспективе слиться с эсерами. Однако перспектива слияния с эсерами Кондратьеву «не улыбается»²⁸⁴. Это деталь расходится с тенденцией следствия,

---

²⁸¹ Меньшевистский процесс 1931 года. Кн.2. С.63.

²⁸² Литвин А. Л. Судебный процесс над несуществующей партией. // Меньшевистский процесс 1931 года. Кн.1. С.12.

²⁸³ Меньшевистский процесс 1931 года. Кн. 2. С. 53–55.

²⁸⁴ Там же. С.52.

которое увязывало каждую из «партий» с заграничным центром. Группу Кондратьева так и не удалось увязать с зарубежными единомышленниками, и это объяснимо — Кондратьев считал себя достаточно крупным теоретиком, чтобы не идти за В. Черновым. Это — реальность, с которой следствию пришлось смириться.

Эти показания, данные Сухановым в августе 1930 г., вскоре после ареста, внутренне логичны и совершенно расходятся со схемой следствия. Для выдвижения своего проекта «куцей конституции» Суханов считал необходимым создать авторитетную в стране группу, вождем которой прочил члена президиума Госплана и члена коллегии ЦСУ В. Громана, человека известного и уважаемого в среде социалистической интеллигенции. Но весной 1929 г. Громан отклонил проект Суханова, назвал его тезисы «сталинскими». Из этого можно сделать вывод о том, что попытка Суханова создать организацию не удалась. Но это не противоречит другому толкованию — Суханова не пустили в существовавшую организацию как «слишком левого». Впоследствии, на дне рождения Суханова 9 декабря 1929 г., между Сухановым и Громаном произойдет даже бурное объяснение по поводу подозрения, будто Суханов состоит в германской компартии. Нужен ли был меньшевикам лидер с коммунистическими воззрениями?

Из воспоминаний Валентинова известно, что обвиняемые по делу 1930–1931 гг. В. Громан, П. Малянтович, Э. Гуревич состояли в «Лиге объективных наблюдателей» (название условное, как бы «шуточное»). Валентинов утверждает, что она прекратила существование в 1927 г.²⁸⁵ Это утверждение вызывает целый ряд сомнений. Во-первых, Валентинов в 1927–1930 гг. лечился и работал за границей, и мог не знать о том, что делается в Москве. Ему могли не сообщать о деятельности Лиги и во время кратких приездов в Москву — лишнее распространение информации об этом было нежелательно. Во-вторых, Валентинов не мог не понимать, что его рассказ о Лиге доказывает факт длительного существования нелегального кружка политически влиятельных социал-демократов, и подтверждает материалы процесса. Не желая «лить воду на мельницу» коммунистической пропаганды, Валентинов должен был «умертвить» Лигу именно в 1927 г., чтобы она не могла преобразоваться в «Союзное бюро». Между тем с 1927 г. у социал-демократов было больше оснований для недовольства официальным курсом, что могло только активизировать, а не прекратить их обсуждения. 1927 г., таким образом, может рассматриваться как дата прекращения работы Лиги лишь в том случае, если Лига в этом году преобразовалась в политическую группу с другим наименованием. Подследственные называли разные даты образования «Союзного бюро» в 1926–1928 гг., в том числе 1927 г. Вероятно, это был постепенный процесс, без акта образования бюро.

Как они себя называли на самом деле? Материалы следствия не могут дать ответа на этот вопрос, потому что наименование «Союзное бюро» (СБ) полностью совпадает с тенденцией следствия. Поэтому в дальнейшем мы можем одну и ту же группу с оппозиционными социал-демократическими позициями называть как «Лига», так и СБ.

Несмотря на то, что Суханова до декабря 1929 г. не допускали в «Лигу», именно через него она и «засветилась». Социал-демократы посещали смешанный по составу «салон» на квартире Суханова, где шел обмен информации, и, благодаря радикалу

---

²⁸⁵ Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. С.363, 31.

Суханову, «в шутку» ставились острые политические вопросы. Меншевик Ф. Череванин, не посещавший эти беседы и относящийся к обвиняемым на процессе меньшевиков враждебно, так передал дошедшие до него слухи: «У Суханова был салон, где собирались люди, занятые на высокой советской службе и безусловно лояльные, но иногда фрондирующие»²⁸⁶. Очень характерный взгляд инакомыслящего из подполья на инакомыслящих из правящей элиты. Так же смотрели радикальные, но далекие от власти неформалы 80-х гг. XX в. на статусную коммунистическую интеллигенцию, тихонько обсуждавших возможность реформирования системы «реального социализма» вплоть до полной ее ликвидации. Именно этот стык властных и диссидентствующих кругов является крайне опасным для системы — в случае «сдвига власти» эти люди могут выдвинуть реальные проекты реформ и даже взять управление на себя.

Сталин отнесся к собраниям куда как серьезней, ибо понимал, что после 1928 г. в этих кругах гораздо больше фронды, чем лояльности.

Вождь писал Молотову: «Нужно пощупать жену Суханова (коммунистка!): она не могла не знать о безобразиях, творившихся у них дома»²⁸⁷. Кто-кто, а Сталин прекрасно понимал, чем могут кончиться такие «безобразия» на квартире Суханова — именно там планировался октябрьский переворот 1917 г., правда, в отсутствие самого хозяина. Тогда в стране тоже был острый социальный кризис.

В. Базаров подтвердил, что посещал воскресные вечера у Суханова, которые «сводились к свободному обмену мнений по различным политическим и экономическим вопросам. Иногда этот обмен мнений носил резкий характер»²⁸⁸. Особенно резко высказывался Громан, опасавшийся, что политика большевиков конца 1929 г. может привести к «правовому хаосу» (другие говорили о «кровавой каше»).

Эти беседы не были организацией с единой программой, скорее — местом согласования разных программ. Там бывали и народники из круга Кондратьева, и, возможно, более правые «промпартийцы». Суханов, как и Сталин, понимал, что «при наличии продуманной платформы, группа может образоваться в 48 часов»²⁸⁹. Речь шла о подготовительном этапе создания организации, которая сможет составить конкуренцию коммунистам в случае распада их диктатуры. Как бы Суханов ни доказывал, что «куцая конституция» укрепит советскую власть, было очевидно, что она стала бы лишь переходным состоянием, позволяющим оппозиции легализоваться, укрепить организационные связи и перейти в наступление²⁹⁰.

Свое сближение с группой Громана в рамках этих бесед Суханов относит к концу 1929 г. Потом следствие «передвинет» этот момент на весну 1929 г., игнорируя столь

---

²⁸⁶ Цит. по: Литвин А. Л. Указ. соч. С.14.

²⁸⁷ Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С.198.

²⁸⁸ Меншевистский процесс 1931 года. Кн. 1. С.46.

²⁸⁹ Там же. Кн. 2. С.59.

²⁹⁰ Эти планы поразительно напоминают не только ситуацию революции 1905 г., на которую намекал Суханов своей аналогией с «булыгинской думой», но и развертывание оппозиционного движения в период Перестройки 80-х гг. Суханов даже выдвигает идею двух коммунистических партий, которая была популярна на начальном этапе Перестройки.

важную деталь, как объяснение с Громаном на дне рождения Суханова 9 декабря 1929 г. Только после этого Суханова могли допустить к более интимным обсуждениям («принять в СБ»). На заседаниях СБ Суханов делал крайне критический доклад об аграрной политике, содержание которого явно расходится с тенденцией следствия: колхозы названы там «воскрешением народнической утопии», что бьет и по большевистской идеологии, и по версии о близости меньшевиков и народников из ТПК.

Лишь в январе 1931 г. Суханов под давлением следствия начинает косвенно признавать факт «вредительства», выразившийся в том, что меньшевики не поддерживали план пятилетки и поэтому не выполняли его с должным рвением. Ничего невероятного в таком саботаже не было, тем более, что многие лидеры групп уже были уволены за саботаж разработки сверхиндустриалистских планов.

В показаниях 22 января 1931 г. происходит психологический перелом. Теперь Суханов уже недвусмысленно говорит о поддержке со стороны СБ интервенции против СССР и вредительства, называет нужные следствию сроки. Казалось бы, фальсификация состоялась. Но и дальше Суханов не называет никаких фактов вредительства, а предпочитает рассуждать о политике, называя встречи «совещаниями», «заседаниями» и «пленумами». Даже сдавшийся Громан все равно пишет: «Сношения носили характер политических собеседований...»²⁹¹ Правда, ничего кроме правды...

Ранние показания Суханова в целом соответствуют поздним показаниям Кондратьева. 26 февраля он утверждал, что до 1928 г. они с Громаном были скорее политическими противниками: «я считал его тогда сверхиндустриалистом и инфляционистом. Он обвинял меня в крестьянофильстве и антииндустриализме».²⁹² В это время Кондратьев считался идейным лидером «прокрестьянского» направления общественной мысли, на него ориентировались единомышленники-специалисты по всей стране, как на Громана — специалисты социал-демократических взглядов. Левая оппозиция попрекала правящую группу тем, что они находятся под влиянием Кондратьева и Громана. Так, в 1927 г. тезисы Кондратьева к совещанию наркомземов Зиновьев назвал манифестом кулацкой партии. Он даже пытался опубликовать об этом статью, но нарком земледелия Смирнов не позволил этого сделать. Идеолог «левых» возмущался: «Калинин тоже, насчет того, что кулак в Америке богат, а у нас какой-де кулак, у нас он бедный. Это все вдохновляется Кондратьевым».²⁹³

Понятно, что после перемены курса 1928–1929 гг. лидер «крестьянофилов» оказался в опале. После увольнения Кондратьева с поста директора Конъюнктурного института Наркомфина в 1928 г. началось его личное сближение с Сухановым и Громаном. Постепенно Кондратьев понял, что за Громаном стоит какая-то организация, и Громан понял то же самое о Кондратьеве.

До этого момента в показаниях Кондратьева нет ничего невероятного. За обоими теоретиками стоял круг близких по взглядам людей. Тут бы, с точки зрения тенденции следствия, и начать свидетельствовать о Союзном бюро ЦК РСДРП, его подрывных

---

²⁹¹ Меньшевицкий процесс 1931 года. Кн. 1. С.357.

²⁹² Там же. Кн. 2. С.405.

²⁹³ РГАСПИ. Ф. 323. Оп. 2. Д.100. Л.690.

действиях, стремлении к интервенции и т. д. Но Кондратьев не желает говорить то, чего не знает: «Но я никогда ни от Громана, ни от Суханова не слышал, что во главе организации стоит оформившееся Союзное бюро ЦК меньшевиков... Я не помню, чтобы указывал Громану и Суханову, что наша организация называется ТКП». ²⁹⁴ Ничего кроме правды...

Кондратьев признает, что в центральную группу (ЦК) ТКП входили также Юровский и Макаров. ЦК дано в скобках. Хотите называть лидеров группы ЦК — ну называйте. Хотите называть консультации Кондратьева, Громана и Суханова блоком — называйте. Тем более, что в разговорах «употребляется даже самый этот термин» ²⁹⁵.

Планы ТКП Кондратьев излагает как сценарий вероятного развития событий, которыми оппозиция может воспользоваться, но которые не собирается провоцировать. Участник обеих организаций высказывались за демократическую республику и экономическую программу НЭПа. Но, вопреки интересам следствия, Кондратьев добавляет: «Должен, однако, сказать, что платформа как меньшевистской организации, так и ТКП была далеко не закончена выработкой и потому по ряду вопросов не существовало единства взглядов как в одной, так и в другой организации». Кондратьев подчеркивает: «ЦК ТКП не имел никаких непосредственных связей с интервентами... Совместных специальных организационных действий по подготовке общего восстания организации не предпринимали» ²⁹⁶. Даже Громан, согласившийся полностью «разоружиться» перед следствием, все таки подчеркивал разногласия между организациями блока: «о слиянии организаций не может быть и речи, в виду явного различия политических программ» ²⁹⁷. По утверждению Громана, в 1928 г. был создан только информационный центр (то есть люди делились друг с другом информацией). Более того, весной 1929 г. представители Промпартии не явились на встречу, контакты с ними были потеряны.

Не получается блок сплоченных вредительских организаций. А клубы оппозиционных политиков вырисовываются вполне рельефно. Но в случае социального кризиса и политической демократизации из таких клубов быстро формируются партии. Если не за 48 часов, как утверждал Суханов, то за неделю. И в случае кризиса власти массы узнают, кого поддерживать, и такие партии становятся массовыми движениями. «Теневые правительства» выйдут из подполья и начнут претендовать на власть. В феврале 1917 г. оппозиционные политики, известные интеллигенции, подхватили падавшую власть.

Громан утверждает, что обсуждался вопрос о создании временного правительства из представителей СБ и ТКП, возможно с привлечением Промпартии и правой оппозиции ВКП(б). Думали ли Громан, Суханов и Кондратьев на самом деле о создании «временного правительства»? Базаров рассказывал, что как-то в конце 1929

---

²⁹⁴ Меньшевистский процесс 1931 года. Кн. 2. С.405.

²⁹⁵ Там же. С.406.

²⁹⁶ Там же. С.407.

²⁹⁷ Там же. Кн. 1. С. 311–312.

— начале 1930 г. у Суханова кто-то из присутствующих, возможно Громан, заявил, что в стране, в ВКП(б) нет никаких организующих сил, на которые можно было бы опереться. В ответ на это Суханов, шутя, заметил: «Как нет таких сил? Даже из числа присутствующих здесь лиц можно указать таких, какие могли бы быть министрами. Вот, например, Базаров мог бы быть министром иностранных дел... Одновременно Суханов и других присутствующих характеризовал как способных занять министерские посты»²⁹⁸. Обмена мнениями после «шутки» Суханова не было, но позднее Кондратьев сообщил Громану, что его хотелось бы видеть в будущем правительстве. Тема «теневое кабинета» обсуждалась в шутку, но обдумывалась всерьез.

Были ли у людей, которых посадили на скамью подсудимых, реальная возможность взять управление страной на себя в случае крушения большевистской диктатуры? А. Л. Литвин отрицает наличие у этих людей политического опыта: «О каком политическом опыте обвиняемых в данном конкретном случае приходится говорить, если Суханов, Гринцер, Громан и другие поверили следователям, говорили под их диктовку явные несуразности, а потом удивлялись, как же их обманули»²⁹⁹. Здесь явно смешивается политический опыт и опыт подследственного, что не одно и то же. Можно ли отрицать наличие политического опыта у Зиновьева, Каменева, Рыкова и др. большевиков, которые вели себя не лучше. Как подследственные, меньшевики пытались спасти себе жизнь. В этом была своя логика — коммунистическая диктатура могла рухнуть в любой момент. Меньшевики не верили, что она могла продержаться долго. Покаяния на процессе не были непреодолимым препятствием для возвращения в политическую жизнь. Это подтвердил опыт Восточной Европы, где выжившие в коммунистических застенках люди становились партийными и государственными лидерами в 50-80-е гг. Важно было пережить этот трагический период. И здесь следователи не обманули подследственных — смертные приговоры вынесены не были.

Думаю, не побывав в тюрьме, несправедливо обвинять людей, которые не справились со следственным прессингом, в недостатке «политического опыта». Политический опыт заключается в знаниях иного рода. Напомню, что Громан занимался планированием развития народного хозяйства со времен Временного правительства. Кондратьев, видный эсер, товарищ Министра земледелия в 1917 г., не был выслан в 1922 г. из СССР по просьбе Наркомфина, остро нуждавшегося в его знаниях. Очевидно, такие люди могли справиться с управлением экономикой России не хуже большевиков. Тем более, что у каждого была своя команда и связи с коллегами в провинции. Громан показывал: «Постепенно для меня и Суханова выяснилось, что кондратьевская группировка представляет собой весьма разветвленную организацию, с базой в органах Наркомзема, а частью и Наркомфина, как в центре, так и на местах, с охватом всех видов кооперации...»³⁰⁰ «Разветвленная» сеть могла быть основана не на формальных связях, а на личном авторитете лидеров. Нужно ли формально считать себя членом подпольной

---

²⁹⁸ Там же. С.47.

²⁹⁹ Литвин А. Л. Указ. соч. С.17.

³⁰⁰ Меньшевистский процесс 1931 года. Кн. 2. С.357.

организации, чтобы в случае революционного развития событий агитировать за того, кого уважаешь, и выполнять его указания.

Однако куда делись документы меньшевиков? По признаниям обвиняемых их было совсем немного. Тиражи листовок ограничивались десятками. Внутренние документы также были немногочисленны. И. Рубин признался, что отдал чемодан со своими бумагами директору Института Маркса и Энгельса Д. Рязанову. Рязанов, конечно, категорически отрицал это, что не спасло его от наказания. «Красный диссидент» Рязанов видел в своем Институте хранилище социалистической мысли — не только «правильной». Чемодан с меньшевистскими бумагами представлял для него большую ценность, а после начала арестов — еще большую опасность. У Рязанова было достаточно времени, чтобы перепрятать или уничтожить архив.

Отсутствие письменных источников, созданных организацией, еще не свидетельствует о том, что организации не было. Так, описанная Н. Валентиновым «Лига» создала программный документ «Судьба основных идей Октябрьской революции», который тоже до нас не дошел. Но это еще не является основанием для того, чтобы считать воспоминания Валентинова выдумкой.

Гинзбург утверждает, что листовки СБ печатались тиражом ок. 40 экземпляров. Что мешало следствию фальсифицировать эти листовки? Не ставили такую задачу. Фальсифицировать нужно было обвинение во вредительстве, а не в пропаганде. Пропагандистские действия меньшевиков не вызывали сомнения. Главные обвинения не предполагали документальных доказательств.

Сохранились письма к Икову из-за границы. В них ничего не говорится о вредительстве и приверженности интервенции, но факт переписки, связи с РСДРП, налицо.

«Сознательный» обвиняемый А. Гинзбург воспроизвел резолюцию СБ, написанную им в феврале 1930 г. Казалось бы, документ должен был быть написан под диктовку следствия, повторять основные его версии. Но текст не подтверждает это предположение. Политика режима характеризуется в выражениях, которые вряд ли могли возникнуть в головах следователей: «авантюра большевизма, чувствующего свое банкротство», которая ведет «к вооруженному столкновению со всем капиталистическим миром». Это столкновение рассматривается не как благо, а как бедствие, что тоже противоречит версии следствия. Вставкой выглядит призыв к противодействию пятилетке, «не останавливаясь перед дезорганизацией работы советских хозяйственных органов»³⁰¹. В остальном документ явно является плодом оппозиционной социал-демократической мысли, развивающейся вне тюремных стен.

Для торжества сталинской версии не хватало главного — фактов вредительства. Под давлением следствия обвиняемые согласились признать вредительством проведение умеренного курса в своих ведомствах и возможный саботаж радикальных партийно-государственных решений. Нельзя исключать и обсуждения темы вредительства в оппозиционных кружках, хотя нет признаков, что дело пошло дальше разговоров.

Главное направление «вредительства» представляло собой воздействие на коммунистических руководителей, «манипулирование» ими с помощью превосходства в знаниях. Сталин писал Молотову: «Теперь ясно даже для слепых, что мероприятиями НКФ руководил Юровский (а не Брюханов), а „политикой“ Госбанка

---

³⁰¹ Там же. Кн. 1. С. 226–227.

— вредительские элементы из аппарата Госбанка (а не Пятаков), вдохновляемые „правительством“ Кондратьева-Громана... Что касается Пятакова, он по всем данным остался таким, каким он был всегда, т. е. плохим комиссаром при не менее плохом спеце (или спецах). Он в плену у своего аппарата»³⁰². Такой вывод Сталин сделал после того, как Пятаков «поправел», ознакомившись с первыми результатами первой пятилетки.

С этой же опасностью манипуляции слабыми руководителями со стороны сильных специалистов Сталин столкнулся и привлекая к работе бывших лидеров «бывшей» партийной оппозиции. Он писал Молотову: «Как бы не вышло на деле, что руководит „Правдой“ не Ярославский, а кто-нибудь другой, вроде Зиновьева...»³⁰³, который начал сотрудничать в главной большевистской газете. Власть экспертов, власть знания разлагала власть партийно-государственного руководства. Но главная опасность была не в этом, а в существовании «теневого правительства» спецов, которое могло предложить политическую альтернативу и стать центром консолидации массового народного движения.

Если социалисты рассчитывали на новый «Февраль», то «промпартийцы» могли рассчитывать на интервенцию. В показаниях упоминался также военный переворот. «Тенденция следствия»? Эта версия повторяется и в показаниях арестованных по «академическому делу», идейно близких «промпартийцам».

После ареста в 1929–1930 гг. академиков и участников их научных кружков следствие выясняло, каких политических взглядов придерживаются подследственные, с кем они обсуждали эти взгляды. Было трудно отрицать, что на гуманитарных семинарах господствовал дух реставрации, ностальгия по монархии и либерализму. Выяснилось, что в научных кругах было немало военных или бывших военных. Этот след показался особенно опасным для диктатуры. В 1931 г. именно военные участники академического кружка, обсуждавшие вопросы истории России с монархических позиций, будут расстреляны. По признанию академика Е. Тарле один из участников их бесед говорил, что «диктатором мог быть Брусилов, популярный человек и вместе с тем не какой-нибудь эмигрант, не знающий происходящих изменений в психологии военных масс»³⁰⁴. Самого Тарле по версии обвиняемых по делу Промпартии прочили на место министра иностранных дел. Но он, как и академик-монархист С. Платонов, отделался ссылкой. Странно: и Громан, и Рамзин, и Тарле сотрудничали со следствием, а какие разные судьбы. Но это объяснимо: Громан представлял опасность для режима сам по себе — как носитель знаний и идей. Идеи Рамзина и Тарле не могли быть приняты послереволюционными массами или новой правящей элитой, и поэтому они были безопасны. При условии, если старая правящая элита не имеет вооруженной поддержки в армии.

Из показаний интеллектуалов следовало, что такая поддержка есть. В августе 1930 г. были произведены массовые аресты военных специалистов, бывших царских офицеров. Операция по ликвидации старого офицерства была названа «Весна», так как в кругах внепартийной, в том числе военной, интеллигенции ходили слухи о том, что

---

³⁰² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С.193, 203.

³⁰³ Там же, С.161.

³⁰⁴ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып.2. Ч.1. СПб., 1998. С.80.

весной 1930 или 1931 г. будет интервенция, и происходили обсуждения, что делать в этом случае. Репрессировали более 10000 человек. Это был своего рода «удар по площадям». Подозревая, что в офицерской среде зреет заговор, ОГПУ и руководство страны снова не стали разбираться в деталях, а вырезали целый социальный слой. Были арестованы бывшие генералы М. Бонч-Бруевич (в 1931 г. отпущен с миром), А. Свечин, А. Снесарев, А. Секретарев и др.

«Дутый» характер некоторых дел был очевиден даже следователям. Но в ряде случаев удалось найти вещественные доказательства и получить правдоподобные показания. Так, офицеры продолжали собираться на вечера, посвященные их боевому братству в дореволюционные годы, хранили дореволюционную и белогвардейскую форму и символику (включая даже полковые знамена). До 1926 г. вечера георгиевских кавалеров возглавлял сам генерал Брусилов. Это явно — не тенденция следствия.

Память покойного героя Первой мировой было решено не тревожить публично. На встречах георгиевских кавалеров Брусилов говорил о своей радости, «что, несмотря на то, что волею судеб сейчас служим в Красной Армии, мы все же не забываем старых традиций русского офицерства». Ему отвечал Снесарев, который говорил, что собравшиеся и дальше не будут «терять друг друга из виду»³⁰⁵.

Снесарев был близок к научной интеллигенции, что увязывало военное дело с академическим через «Русский национальный союз» профессора И. Озерова. Упоминалась ли возможность создания такого союза в беседах генерала и профессора? Сам Снесарев признал, что георгиевские кавалеры считали его одним из преемников Брусилова. Старика Снесарева выпустили уже в 1932 г., без массы старого офицерства он был не опасен. Свечин говорил: «Мы только беспечные ландскнехты»³⁰⁶. Сталин не доверял ландскнехтам, тем более, если они ведут ностальгические разговоры о старой России. Он опасался, что в момент интервенции тысячи офицеров, носители советских военных тайн, отправятся на занятую интервентами и белогвардейцами территорию (как в свое время на Дон), придадут массовость русским контрреволюционным формированиям и дезорганизуют тыл Красной Армии. При первых сигналах о заговоре в «белогвардейской среде» было решено уничтожить саму почву этой «пятой колонны» (используя крылатое выражение, возникшее в Испании через шесть лет).

Но при расследовании заговорщических настроений среди военспецов Сталина ждала неприятность. Оказалось, что недовольство наблюдается не только в среде старого офицерства. Бывший полковник Н. Какурин (с 1920 г. сражавшийся в Красной Армии) показал: «В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая, временами у цыганки (имеется в виду любовница Какурина — А. Ш.). Лидером всех этих собраний являлся Тухачевский». Во время XVI съезда решено было выжидать, «организуясь в кадрах», чтобы потом вмешаться в борьбу сталинцев и правых. Целью считалась «военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон»³⁰⁷. Тухачевский обсуждал и возможность покушения на Сталина фанатика из оппозиции. По мнению Какурина, участники бесед рассматривали Тухачевского как военного

---

³⁰⁵ Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М., 2000. С.132.

³⁰⁶ Там же, С.73.

³⁰⁷ Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С.104.

вождя на случай «борьбы с анархией и агрессией».

Показания Какурина были особенно ценны, так как во-первых, он был почитателем и товарищем Тухачевского (как и признававшийся по этому же делу И. Троицкий), и во-вторых, были получены не под давлением — первоначально он поделился своими откровениями с осведомительницей ОГПУ, своей родственницей.

10 сентября 1930 г. Менжинский писал Сталину: «...Арестовывать участников группировки поодиночке — рискованно. Выходов может быть два: или немедленно арестовать наиболее активных участников группировки, или дождаться вашего приезда, принимая пока агентурные меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Считаю нужным отметить, что сейчас все повстанческие группировки созревают очень быстро и последнее решение представляет известный риск».³⁰⁸ 24 сентября Сталин предлагает Орджоникидзе подумать о мерах «ликвидации этого неприятного дела»: «Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых. Так выходит по материалам. Возможно ли это? Конечно, возможно, раз оно не исключено. Видимо, правые готовы идти даже на военную диктатуру, лишь бы избавиться от ЦК, от колхозов и совхозов, от большевистских темпов развития индустрии... Эти господа хотели, очевидно, поставить военных людей Кондратьевым-Громанам-Сухановым. Кондратьевско-сухановско-бухаринская партия, — таков баланс. Ну и дела...»³⁰⁹ «Письмо Сталина показывает, что он хорошо понимал, что дело о „военном заговоре“ сфабриковано в ОГПУ. Чем иначе объяснить благодушную готовность „отложить решение вопроса“ еще на несколько недель, оставить „заговорщиков“ на свободе, несмотря на „предупреждение“ Менжинского об опасности?»³¹⁰ — комментирует О. В. Хлевнюк. Перечитаем письмо еще раз. Оно написано Орджоникидзе, а не в газету «Правда». Сталин не убеждает своего товарища в необходимости расправы с Тухачевским или правыми (по поводу Бухарина у них уже нет разногласий). Он не мистифицирует Орджоникидзе и не сетует на излишнее усердие ОГПУ. Нет, пожалуй, письмо Сталина «не показывает». Тогда почему заговорщиков не арестовали? Менжинский фактически объяснил это. Слишком рискованно. Не ясно, кто еще вовлечен, нет уверенности в вине Тухачевского и его товарища комдива Г. Гая (слишком уж они отличаются от арестованных военспецов). И потом у Сталина было свое объяснение «фронды» Тухачевского, которое требовало не хирургических, а терапевтических методов лечения: в это время между ними возникли временные разногласия по поводу темпов развития советского ВПК³¹¹.

Перечитаем письмо еще раз. Перед мысленным взором Сталина встала страшная картина. Страна на грани социального взрыва. Интеллигенция настроена враждебно, и при первой возможности начнет формировать альтернативную большевикам политическую систему, привлекая враждебные Сталину элементы партии. И в этих условиях, даже без всякой интервенции, армия может нанести по партийным лидерам

---

³⁰⁸ Там же. С. 103.

³⁰⁹ Там же. С.104.

³¹⁰ Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 37.

³¹¹ См. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921–1941. М., 2001; Шубин А. В. Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20-30-е гг. М., 2004.

решающий удар, если спровоцировать красных «генералов». Неограниченная власть самодержца ограничена только переворотом.

Но по трезвом размышлении Сталин понял, что не все так страшно. Интервенции пока не будет. «Теневые правительства» арестованы, их политическая сеть обезглавлена. Между правыми коммунистами, эсерами из крестьянской партии, меньшевиками и тем более правыми либералами из инженерных и академических кругов — множество разногласий, и единого штаба у сопротивления по-прежнему нет. То же можно сказать и о военной «фронде». Причастность Тухачевского к заговору старого офицерства была маловероятной: будущий маршал был известен как сторонник скорейшей индустриализации, критик «правого уклона» в военном строительстве и оппонент Свечина, арест которого вызвал одобрение Тухачевского. «Фронда» Тухачевского была вызвана не его политическими взглядами, а недавней обидой, нанесенной самолюбию Тухачевского Сталиным, который оказался «правее» своего полководца. Ситуация осени 1930 г. заставила Сталина по-новому взглянуть на сам конфликт. Взгляды Тухачевского противостояли взглядам Шапошникова, старого офицера с консервативными военными взглядами. Осенью 1930 г. Шапошников торопливо вступает в ВКП(б). Прежде — не считал нужным, а теперь это — жест лояльности, необходимый для спасения, для того, чтобы отмежеваться от «брусиловцев». Сталину нужно было выбирать между Шапошниковым и Тухачевским.

Были проведены очные ставки между Тухачевским и Какуриным. Тухачевский твердо опровергал обвинения (возможно, толковал смысл говорившегося на встречах в свою пользу). Были проведены беседы с другими «генералами»: Гамарником, Якиром и Дубовым. Это помогло Сталину определиться и решить «зачеркнуть» это дело.

«Что касается дела Тухачевского, то последний оказался чистым на все 100 %. Это очень хорошо»³¹², — писал Сталин Молотову в октябре 1930 г. Сталин выбрал «своих». Шапошников был отправлен командовать Приволжским военным округом (без опоры на разгромленное военное офицерство он был не опасен). На его место был назначен А. Егоров, старый товарищ Сталина по гражданской войне. Он не был столь опытен в штабной работе как Шапошников и Тухачевский. Сталин «двигает» Тухачевского в сторону от непосредственного руководства войсками, на разработку военно-технической политики.

«Разрулив» своих военных, Сталин завершил и разгром спецов. Офицеров, арестованных по делу «Весна» примерно наказали. 31 участник «заговора» был расстрелян, остальные отправлены в тюрьмы. Некоторых потом выпустили и позволили продолжать работу. Опасная среда консервативного офицерства была разрушена.

Были «закрыты» и другие дела: участников ТПК и большинство меньшевиков посадили решением ОГПУ без суда, расстреляли 48 подозреваемых в участии во вредительской организации в области снабжения во главе с профессором А. Рязанцевым и бывшим редактором «Торгово-промышленной газеты» Е. Каратыгиным. 1–9 марта 1931 г. успешно прошел процесс меньшевиков, их присудили к различным срокам тюремного заключения. Одновременно с постов были сняты и большевистские командиры, скомпрометированные связями со своими спецами-«белогвардейцами». Высшее руководство РККА за десятилетие сменилось на 80 %. Во главе армии встали

---

³¹² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С.231.

две категории командиров — военные чиновники, безусловно лояльные политическому руководству, и инициаторы технической модернизации армии. «Не аристократ-кавалерист, „благородный рыцарь“ или интеллектуал-генштабист „мозг армии“ теперь были объектом уподобления в качестве элитарного образца, а „механик“, грубоватый, но сноровистый „мастерской“»³¹³. Индустриализация и здесь определяла направление человеческих судеб.

В июне 1931 г. Сталин решил снизить масштабы «проверочно-мордобойной работы» в отношении интеллигенции и заявил на совещании хозяйственников: «Тот факт, что не только этот слой старой интеллигенции, но даже определенные вчерашние вредители, значительная часть вчерашних вредителей начинает работать на ряде заводов и фабрик заодно с рабочим классом, — этот факт с несомненностью говорит о том, что поворот среди старой технической интеллигенции уже начался... „Спецеедство“ всегда считалось и остается у нас вредным и позорным явлением»³¹⁴. Сталин понимал, что борьба с оппозиционными настроениями интеллигенции обостряет проблему квалификации кадров. В середине 30-х гг. среднее и высшее образование имели менее трети секретарей обкомов. На нижестоящих уровнях партийной бюрократии с образованием было еще хуже. Люди с образованием перестали оказывать серьезное влияние на принятие текущих решений. Беседуя с английским писателем Г. Уэллсом в 1934 г., Сталин признался: «пролетариату, социализму нужны высокообразованные люди, очень нужны». Но слова «очень нужны» Сталин при подготовке текста к публикации все же вычеркнул³¹⁵. Монолитность власти важнее.

Централизовав партийно-государственную систему, урегулировав отношения со «своими» военными и направив их энергию в «полезное русло», разгромив «теневые правительства» спецов, лишив их возможной военной опоры, почистив и запугав интеллигенцию, еще раз унизив внутривластную оппозицию, Сталин надеялся, что теперь можно спокойно «дожать» страну, успешно завершить пятилетку. Но бедствия 1932–1933 гг. были столь велики, что недовольство стало все заметнее проявляться в партии.

Трещины в монолите

В условиях твердой однопартийности ВКП(б) стала единственным каналом «обратной связи» в государственном организме и потому испытывала на себе сильное давление со стороны внепартийных социальных слоев, которые отстаивали свои интересы по партийным каналам. Разные партийцы неизбежно становились проводниками разных интересов — партия теряла монолитность. «Большой скачок» индустриализации и коллективизации вызвали массовое недовольство (в том числе и недовольство партийных кадров, обвиненных в перегибах за выполнение центральных

---

³¹³ Минаков С. Т. Советская военная элита 20-х гг. Орел, 2000. С.542.

³¹⁴ Сталин И. Соч. Т.13. С. 72–73.

³¹⁵ Лельчук В. С. Беседа И. В. Сталина с английским писателем Г. Уэллсом (документы, интерпретация, размышления). // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С.349.

указаний). Это не могло не сказаться на настроениях партийцев. Но оппозиция не могла сложиться в легальную группировку, и в этом, как это ни парадоксально, заключалась особая опасность для правящей олигархии — Сталин и его сторонники не знали, кто в действительности находится на их стороне, а кто готов внезапно выступить против. После 1929 г. резко меняется характер переписки между партийными вождями. Из писем всех, кроме Сталина, почти исчезают обсуждение идейных вопросов и личностей коллег. Большевики сообщают друг другу о любви к корреспонденту и своих трудах на благо страны и партии, о ненависти к уже осужденным выше врагам и противникам, о трудностях, которые все же будут преодолены. При этом количество тайных оппозиционеров под влиянием трудностей 1930–1933 гг. могло только увеличиваться, и происходило это в структуре, идеально приспособленной, подобно всякой сверхцентрализованной структуре, для дворцовых переворотов. Для смены курса было необходимо лишь сменить узкую правящую группу.

Сталкиваясь с провалами и бедствиями пятилетки, партийцы быстро правели. О. В. Хлевнюк комментирует: «Несомненно, „правые“ настроения были распространены и среди рядовых членов партии. Это было одной из причин очередной чистки партии. В 1929–1931 гг. из ВКП(б) было исключено около 250 тыс. человек, значительная часть которых поплатилась партбилетом за принадлежность к „правому уклону“». ³¹⁶ Всего за причастность к оппозициям и нарушение партийной дисциплины было вычищено 10 % исключенных (за бытовые проступки — 21,9 %) ³¹⁷. Вычищались «классово-чуждые», уличенные в обмане «двурушники», нарушители дисциплины, сомневающиеся в партийных решениях (вот они, правые), «перерожденцы, сросшиеся с буржуазными элементами», «карьеристы», «шкурники», «морально разложившиеся». Вслед за этой чисткой почти сразу началась новая — сталинский аппарат снова перебирал партийные кадры. Многие партийцы, вычищенные в 1933–1936 гг. как «карьеристы», «шкурники» и т. п., вернутся на руководящие посты в 1937–1938 гг. А кому не повезет, тех расстреляют. Они «озлоблены», а значит опасны.

Самое опасное теперь было — принадлежность в прошлом к оппозиции. Какую бы позицию человек ни занимал в прошлом, его причастность к фракциям означала — склонен размышлять «своей головой». А что, если получив приказ, он снова начнет размышлять, когда нужно срочное и четкое выполнение команды.

Но и вне партии такие люди себя не видели. Они были убежденными коммунистами, многие привыкли командовать (а такую возможность давал партбилет).

Так, например подписавший заявление 83-х В. Лавров исключался из партии трижды, последний раз за примиренчество к троцкизму в 1933 г, снова вступал, в 1936 г. прошел очередную проверку партийных документов и работал в Восточно-Сибирском крайкоме. Бывшие оппозиционеры работали даже в НКВД. Большинство проверенных сами не указывали о принадлежности к оппозиции. ³¹⁸ В 1932 г. в московских центральных учреждениях работало около 600 бывших

---

³¹⁶ Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 21.

³¹⁷ Ярославский Е. За большевистскую проверку и чистку рядов партии. М., 1933. С.28.

³¹⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп.71. Д.20. Л.1.

оппозиционеров³¹⁹. При этом в новых условиях левые часто становились правыми. Для бывших троцкистов появились даже новые «правые» квалификации. Так, К. Долгашев в январе 1928 г. был исключен как троцкист, восстановлен в партии в том же году, был директором совхоза, несвоевременно сдал зерно в 1932 г. и был привлечен к ответственности как «правый оппортунист на практике». Бывший троцкист, старший консультант Центрального планового сектора Наркомтяжпрома П. Зумский в 1931 г. получил выговор за праволевацкие настроения³²⁰.

В 1930 г. выяснилось, что продолжается активность «рабочей оппозиции», была разоблачена ее группа в Омске. А в январе 1933 г. «бывший» лидер «рабочей оппозиции», а ныне член президиума Госплана А. Г. Шляпников публично заявил, что Октябрьская революция крестьянству ничего не дала.³²¹

Но настоящим шоком для правящих кругов стало дело «Союза марксистов-ленинцев». Организатором союза стал бывший первый секретарь Краснопресненского райкома М. Рютин, снятый с поста за правый уклон и исключенный из партии в 1930 г. Он предложил вниманию своих товарищей два документа: «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» и воззвание «Ко всем членам ВКП(б)». 21 августа несколько сторонников Рютина, руководителей низшего звена, собрались на квартире в Головино под Москвой и приняли эти документы как платформу Союза марксистов-ленинцев. Новая организация приступила к пропаганде, распространяя свои документы. По отлаженным каналам неформальных внутрипартийных связей этот самиздат дошел до Зиновьева, Каменева, Угланова, Слепкова, Марецкого, то есть как до правых, так и до левых. Они не сообщили об этом в ЦК и ЦКК. Документы Союза «просочились» в Харьков, а возможно и в другие города. Они производили на рядового партийца впечатление откровения. Многочисленные беды, обрушившиеся на страну, систематизировались с марксистско-ленинских позиций. Рютин прежде не проявлял себя как теоретик, и обнаружение платформы «Союза» одновременно в левых и правых кругах наводило Сталина и его инквизиторов на мысль, что документ является плодом коллективного творчества или по крайней мере редактирования. У праволевацкого блока появилась платформа, принятая «за основу» для обсуждения?

Анализируя ситуацию в стране, платформа «Союза» умеренно критикует Бухарина (возможно, чтобы в случае провала — вывести его из-под огня) и признает частичную правоту Троцкого. Старые вожди оппозиций не годятся для борьбы, нужно движение в низах партии. Опора Сталина в партийной массе неустойчива: «История и тут шутит со Сталиным злую шутку: он... создает лишь самый худший вид мелкобуржуазного политиканства наверху и задавленных, забитых манекенов... внизу»³²². Вывод: «Пролетарская диктатура Сталиным и его кликой наверняка будет погублена окончательно, устранением же Сталина мы имеем много шансов ее спасти»³²³.

---

³¹⁹ Подсчет по: Там же. Д.31.

³²⁰ Там же. Л.15, 59.

³²¹ Там же. Л.34.

³²² Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. С.428.

³²³ Там же. С.436.

Обращение в сжатой форме суммировало содержание брошюры: «Сталин за последние пять лет отсекал и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола и поставил Советский Союз на край пропасти... Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики...»³²⁴

По словам Бухарина меньшевику-эмигранту Б. Николаевскому «Сталин объявил, что эта программа была призывом к его убийству и требовал казни Рютина»³²⁵. Бухарин не был свидетелем обсуждения вопроса о Рютине в Политбюро, но, опираясь на его слова и другие слухи, Николаевский утверждал, что между «умеренными» членами Политбюро (включая Кирова) и Сталиным разгорелась настоящая борьба. Проанализировав имеющиеся источники, О. В. Хлевнюк делает убедительный вывод: «В общем доступные документы заставляют признать рассказ Николаевского о столкновении между Сталиным и Кировым по поводу судьбы Рютина не более чем легендой, каких немало в советской истории»³²⁶.

2 октября было принято решение исключить из партии всех, знавших о документе и не сообщивших о нем. К партийной и уголовной ответственности было привлечено 30 человек. Немного. Удалось ли пресечь «болезнь» в зародыше. А если где-то действуют в подполье другие «союзы» — более осторожные, менее оформленные, но обсуждающие то же самое? Вскоре Сталин получил подтверждение этого.

В 1932 г. Сталин столкнулся с фактом обсуждения прежде лояльными партийными работниками необходимости его смещения. 19–22 ноября 1932 г. кандидат в члены ЦК М. Савельев сообщил Сталину о беседах своего знакомого Н. Никольского с наркомом снабжения РСФСР Н. Эйсмонт. Среди прочего Эйсмонт сказал (в интерпретации Савельева): «Вот мы завтра поедем с Толмачевым к А. П. Смирнову, и я знаю, что первая фраза, которой он нас встретит, будет: „и как это во всей стране не найдется человека, который мог бы „его“ убрать“»³²⁷.

Еще в 1930 г. Эйсмонт в письме Сталину, Рыкову и Орджоникидзе высказал сомнения по поводу методов следствия ОГПУ: возможно „применяются пытки с целью сознаться во взятках“³²⁸. Возможно, это было начало его сомнений. Потом они усиливались во время откровенных разговоров правительственных чиновников, иногда за „рюмкой чая“. Сталин раздраженно писал: „Дело Эйсмонта-Смирнова аналогично делу Рютина, но менее определенное и насквозь пропитано серией выпивок. Получается оппозиционная группа вокруг водки Эйсмонта-Рыкова...

---

³²⁴ Там же. С. 94–95.

³²⁵ Фельштинский Ю. Разговоры с Бухариным. С.67.

³²⁶ Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 77.

³²⁷ Неизвестная Россия. XX век. Т.1. М., 1992. С.75.

³²⁸ Советское руководство. Переписка. С.114.

рычание и клочотание Смирнова и всяких московских сплетен как десерта³²⁹.

У Сталина были основания лично ненавидеть распространителей „московских сплетен“. Его жена Надежда Аллилуева, вопреки стараниям Сталина, была прекрасно осведомлена о происходящих в стране бедствиях. 9 ноября 1932 г. Надежда застрелилась.

Между тем, „разматывая“ сеть неформальных связей, по которым распространялись „слухи“ и самиздат, ОГПУ вышло еще на две структуры. В октябре 1932 г. — апреле 1933 г. были арестованы 38 человек, в основном — бывших правых коммунистов, многие — выпускники Института красной профессуры. Это была „школа Бухарина“. Главой этой организации считался радикальный ученик Бухарина А. Слепков, исключенный из партии в 1930 г. за упорствование в правых взглядах. В ссылке Слепков все же покаяться в ошибках и был в 1931 г. восстановлен в партии. Но в октябре Слепков попался на распространении документа Рютина и был снова исключен из партии и сослан на три года в Сибирь. Однако, прослеживая связи Слепкова, ОГПУ установило, что в августе-сентябре 1932 г. на квартирах Д. Марецкого и А. Астрова прошли „нелегальные конференции правых“. Слепков иронизировал по поводу этих обвинений: „Теперь такое время, если соберутся три товарища и поговорят искренне, то нужно каяться, что была организация, а если пять — то нужно каяться, что была конференция“³³⁰.

Сталин так не считал. Из откровенных бесед о тяжелом положении в стране вытекал вывод о необходимости смещения генсека. Астров уже в наше время утверждал, что на встрече правых обсуждалось, как „убрать силой“ Сталина³³¹. И к тому же в конференциях принимали участие не пять человек, а десятки людей³³². В искренних беседах принимал участие Угланов, а возможно — и Бухарин (он это категорически отрицал, а подследственные предпочли не подтверждать). В апреле 1933 г. 38 участников откровенных разговоров были присуждены к различным срокам заключения и ссылки. Угланов был освобожден от наказания. Бухарин сумел отмежеваться от своей школы: „возобновление фракционной работы... — возмутительно и преступно“. Теперь Бухарину было важно убедить Сталина в том, в чем еще недавно тот сам убеждал Бухарина: „Ты оказался прав, когда недавно несколько раз говорил мне, что они „вырвались из рук“ и действуют на свой страх и риск...“³³³

В 1932 г. были произведены аресты среди троцкистов, заявивших о разрыве с оппозицией, но сохранявших конспиративные связи. Было арестовано 89 человек (всего в сети могло быть до 200 чел.), во главе с И. Смирновым и Л. Преображенским. „Почти все арестованные держались на следствии мужественно, отказываясь признать

---

³²⁹ Там же. С.196.

³³⁰ «Известия ЦК КПСС». 1990, № 2. С.46.

³³¹ Роговин В. 1937. М., 1996. С.176.

³³² В 1987–1989 гг. на частных квартирах происходили встречи знакомых (в том числе коммунистов), которые вскоре стали называть себя конференциями неформальных организаций. Так формировалась структура оппозиционных организаций, которая, возглавив массовое движение, в итоге добилась падения власти КПСС.

³³³ Советское руководство. Переписка. С.201.

свои взгляды контрреволюционными и существование конспиративных связей³³⁴. Но отрицать связи было трудно — ОГПУ обнаружило листовки и письма Троцкого.

Участники группы троцкистов были отправлены в тюрьмы и ссылки. Правда, уже в августе 1933 г. их стали освобождать, а Преображенского даже приняли в партию и дали выступить на ее съезде.

Следствию не удалось установить, что И. Смирнов в 1931 г., во время заграничной командировки встречался с сыном Троцкого Л. Седовым и обсуждал взаимодействие его группы с Троцким. Контакты продолжились в 1932 г., во время поездки за границу Э. Гольцмана, который передал Седову письмо Смирнова о переговорах между группами троцкистов, зиновьевцев и Ломинадзе-Стэна о создании блока. Седов утверждал, что он получил сообщение о переговорах между блоком левых (троцкистами и зиновьевцами) и правыми: слепковцами и рютинцами³³⁵. Это позволило исследователю В. Роговину сделать вывод: „В 1932 году стал складываться блок между участниками всех старых оппозиционных течений и новыми антисталинскими внутрипартийными группировками“³³⁶. Говорить о складывании блока рано — связи носили информационный характер, как, скажем, связи Промпартии и меньшевиков. При случае троцкисты были готовы доказать властям свою лояльность за счет коллег по нелегальной оппозиционной деятельности. Так, после разоблачения рютинцев Л. Преображенский направил в ЦКК сообщение о том, что получил анонимное письмо, которое нужно рассматривать в связи с делом „Союза марксистов-ленинцев“. Вряд ли Преображенский стал бы способствовать раскрытию организации, с которой находился в связи. Возможно, с рютинцами контактировал Смирнов. Преображенский же был возмущен письмом к нему правых коммунистов-рабочих (возможно, принадлежавших не к рютинской, а к еще одной группе), да и авторы письма Преображенского не жаловали: „Московские рабочие считают наше положение катастрофическим и безвыходным. Страна по существу уже голодает, и массы не в состоянии работать. Поэтому Ваша хваленая индустриализация, на которую вы с Троцким толкнули Сталина, обречена на полное фиаско... Все спекулируют, таково завоевание социалистической пятилетки... Но подумайте только, с каким омерзением и негодованием отшатнулся бы от вас любой революционер до 17-го года, если бы вы сказали ему, что после революции у нас будут такие порядки... Самодержавие Сталина неизбежно должно привести к тому же концу, что и Николая“³³⁷.

Это письмо отражало массовые настроения, проникавшие в партию. Троцкисты и зиновьевцы не симпатизировали этим настроениям, но они тоже считали Сталина ответственным за провалы, за компрометацию левого курса, который проведен некомпетентно. А уж если Сталина действительно постигнет судьба Николая, то восстановленный в 1932 г. блок левых был готов действовать самостоятельно. На каком-то этапе даже вместе с правыми коммунистами.

---

³³⁴ Роговин В. Указ. соч. С.308.

³³⁵ Там же. С. 311–313.

³³⁶ Там же. С.261.

³³⁷ РГАСПИ. Ф.17. Оп.71. Д.112. Л.11–12.

Насколько эти противоречия отражались в высшем партийном руководстве? В 1936 г. меньшевик Б. Николаевский выпустил в „социалистическом вестнике“ статью „Как готовился московский процесс. (Из письма старого большевика)“, составленное им по мотивам бесед с Бухариным и другими информированными коммунистами³³⁸. Из письма следовало, что в руководстве ВКП(б) идет борьба сталинистов и „умеренных“, к которым относился и Киров. Схема борьбы между сталинистами и „умеренными“ в руководстве, ограниченности политической власти Сталина, господствовала в советологии вплоть до открытия советских архивов. Проанализировав архивные материалы, О. В. Хлевнюк делает вывод: „известные пока архивные документы не подтверждают, что в Политбюро в 30-е годы происходило противоборство „умеренных“ и „радикалов“. Один и тот же член Политбюро в разные периоды (или в разных ситуациях в одно и то же время) занимал разные позиции — как „умеренные“, так и „радикальные“. Это определялось многими обстоятельствами, но главным образом, зависело от того, какой линии придерживался Сталин, за которым, судя по документам, оставалось последнее определяющее слово.

Это не означает, конечно, что в Политбюро не было столкновения различных интересов. Напротив, архивных свидетельств о конфликтах удалось выявить достаточно много. Как правило, все они предопределялись различиями в ведомственных позициях членов Политбюро“³³⁹.

В партии существовало множество бюрократических кланов, роль которых особенно возросла как раз после того, когда сталинская группировка победила всевозможные оппозиции. Теперь партийцы делились не по взглядам, а по принципу „кто чей выдвиженец“, „кто с кем служил“ и „кто под чьим началом работает“. Верхушка каждого клана упиралась в человека, который мог говорить со Сталиным почти на равных, который вместе с ним „революцию делал“, занимая важные посты еще при Ленине. При этом и сами оппозиционеры не теряли старых связей. Сталинский партийный монолит опять трескался.

Наиболее мощными были территориальные группировки (ленинградская, киевская, ростовская и др.). Одновременно формировались и отраслевые кланы хозяйственной бюрократии, пользовавшейся известной автономией. „В 30-е гг. он (Наркомат тяжелой промышленности — А. Ш.) превратился в одно из самых мощных и влиятельных ведомств, способных заявлять и отстаивать свои интересы. Значительное место среди этих интересов занимали претензии работников наркомата на относительную самостоятельность, их стремление обезопасить себя от натиска партийно-государственных контролеров и карательных органов“³⁴⁰, — пишет О. Хлевнюк. Так же он характеризует и главу Наркомтяжпрома: „Историки, изучавшие деятельность одного из ведущих членов сталинского Политбюро, Орджоникидзе, отмечали ее ярко выраженный ведомственный характер. Переведенный на очередной пост, он существенно менял свои позиции, подчиняясь новым ведомственным интересам“³⁴¹.

---

³³⁸ Текст письма см. Фельштинский Ю. Указ. соч. С. 111–145.

³³⁹ Хлевнюк О. В. Указ. соч. С.8.

³⁴⁰ Хлевнюк О. В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е гг. М., 1993. С.141.

³⁴¹ Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. С. 79.

Но стремление к ведомственной автономии — это тоже позиция. Именно из нее вытекало поведение, которое, схематизируя, можно представить как „умеренность“. В действительности соратники не заставляли Сталина принимать нужные им решения, а уговаривали его. Сталин мог отправить любого из них „на другую работу“, но не мог не советоваться. Ведомственно-клановые интересы способствовали при прочих равных покровительственному отношению к подчиненным, среди которых было немало бывших оппозиционеров, внимательное отношение к аргументам спецов. Сталин же, как гарант целостности системы и неумолимого продвижения по пути коммунистических преобразований, должен был „выкорчевывать“ эти человеческие отношения между „винтиками“ государственной машины. Тем более, что „винтики“ были „заражены“ жизнелюбием, которому способствовало укрепление позиций бюрократии. „Термидорианское перерождение“ партии, о котором в 20-е гг. говорил Троцкий, в 30-е гг. стало и проблемой для Сталина, особенно теперь, когда он сам перестал быть покровителем партийной бюрократии, и стал отвечать за государство в целом, за государственный центр, которому противостоит жизнелюбивая, эгоистичная бюрократия. После разгрома общества именно она стала источником сопротивления человеческого начала государственной идее и марксистской схеме социально-экономического централизма.

Ведомственная переменчивость, о которой пишет О. В. Хлевнюк, носила социально-экономический характер, но сама защита людей от центра была непосредственно связана с отношением к репрессиям, с устойчивой „умеренностью“ части партбоссов по этому вопросу. Так, заместитель Генпрокурора СССР А. Вышинский, выступая на очередном процессе „вредителей“ (новая волна таких репрессий прокатилась в 1933 г., по итогам пятилетки), призвал к развертыванию дальнейших репрессий в Наркоматах тяжелой промышленности и земледелия, которыми руководили С. Орджоникидзе и Я. Яковлев. Наркомы воспротивились этому, показав, что „вредители“ на самом деле не так уж и виноваты, а может быть вовсе не виноваты. Они руководствовались деловыми соображениями. В сентябре 1933 г. Сталин писал: „Поведение Серго (и Яковлева) в истории о „комплектности продукции“ нельзя назвать иначе, как антипартийным... Я написал Кагановичу, что против моего ожидания он оказался в этом деле в лагере реакционных элементов партии“³⁴². Теперь признаком антипартийности и реакционности стало противостояние репрессиям, проводимым даже в агитационных целях.

Партийцев рангом ниже за антипартийное и тем более реакционное поведение немедленно арестовали бы и исключили из партии. Но кем заменить старого сталинского друга Орджоникидзе и верного, хотя и способного ошибаться Кагановича? А они опять подпадают под влияние ведомственных и местнических интересов, неблагонадежных экспертов. В том же письме Молотову Сталин жалуется, что нельзя долго оставлять на хозяйстве Куйбышева — он может запить. Нужно срочно готовить смену — послушных, исполнительных руководителей, способных вести дела по разработанной Сталиным стратегической линии.

На волне „большого скачка“ мощь ведомственных и территориальных кланов росла. О. В. Хлевнюк пишет об этом: „Могущественные советские ведомства, возглавляемые влиятельными руководителями, были не просто проводниками

---

³⁴² Письма И. В. Сталина В. М. Молотову 1925–1936 гг. С. 248–249.

„генеральной линии“. Приобретая немалую самостоятельность и вес в решении государственных проблем, они во многих случаях диктовали свои условия, усугубляя и без того разрушительную политику „скачка“: постоянно требовали увеличения капитальных вложений, противодействовали любому контролю над использованием выделенных средств и ресурсов и т. д. Огромный партийно-государственный аппарат в полной мере демонстрировал все прелести бюрократизма, косности, неповоротливости и, как обычно, настойчиво отстаивали свои корпоративные права“³⁴³.

Сталин стремился к монолитности правящего класса — без фракций, территориальных и ведомственных кланов. Но с неуклонностью социального закона из партийных кадров снова складывались кланы и группы, что вело к распаду сверхцентрализованной системы. Но чем дальше удавалось продвинуть страну по пути превращения в единую фабрику, тем больше росла масса бюрократии и ее власть, ее чисто человеческое стремление к самостоятельности.

Эта проблема лишь обострилась по мере разочарования партийцев в итогах „большого скачка“. При всех славословиях об успехах пятилетки каждый из лидеров знал о провалах в своей и сопредельных областях и сферах. Это заставляло бояться ответственности и подозревать Сталина в обмане. Настроения недовольства в партии подогревалось старыми товарищами и сотрудниками из оппозиционных кругов, среди которых Рютин и Смирнов были краями широкого спектра. В шепотках за спиной Сталина звучали призывы к его смещению. Группа надежных сторонников в ЦК сужалась. Борьба с трещинами в системе, за превращение людей в детали механизма была борьбой не на жизнь, а на смерть. Без этого нельзя понять трагедию Большого террора — еще одного последствия Великой депрессии и сталинского Большого скачка³⁴⁴.

Выступление оппозиции могло вызвать новую революцию и гражданскую войну. Это была бы трагедия. Но альтернативой свержению Сталина была другая трагедия — голод 1932–1933 гг.

Царь-голод

Голод 1932–1933 гг. является одной из величайших трагедий отечественной истории. Спорить о нем будут всегда. Является ли голод необходимой ценой за индустриальную модернизацию или следствием коммунистической диктатуры, результатом Великой депрессии или произвола Сталина? Доля правды есть в каждом из этих суждений, и задача науки — выстроить различные факторы в системную картину, которая поможет ответить на главный вопрос — а возможно ли повторение этой трагедии и что нужно сделать, чтобы в условиях новых кризисов предотвратить подобные катастрофы. Ибо голод в СССР — не уникален. В колониальных странах происходили и более грандиозные трагедии такого рода³⁴⁵.

В. В. Кондрашин перечисляет известные причины голода: „В 1932–1933 годах

---

³⁴³ Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 95.

³⁴⁴ О дальнейшем развитии событий в СССР см. 1937. Анти Террор Сталина.

³⁴⁵ См. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С.338.

голод поразил... все основные зерновые районы СССР, зоны сплошной коллективизации. Внимательное изучение источников указывает на единый в своей основе механизм создания голодной ситуации в зерновых районах страны. Повсюду это насильственная коллективизация, принудительные хлебозаготовки и госпоставки других сельскохозяйственных продуктов, раскулачивание, подавление крестьянского сопротивления, разрушение традиционной системы выживания крестьян в условиях голода (ликвидация кулака, борьба с нищенством, стихийной миграцией и т. д.)³⁴⁶.

Из перечисленных причин ключевой являются госпоставки, изъятие хлеба государством. Коллективизация и ликвидация остатков кулачества сами по себе не вызвали бы голода. Голодали и колхозники, и единоличники. Колхозы сами по себе не сделали крестьян голодными, они сделали крестьянство „прозрачным“ для власти и позволили более эффективно провести главную операцию, ради которой все затевалось — изъятие хлеба. То, что не удалось Ленину в 1919–1921 гг. (а неудача продразверстки заставила перейти к НЭПу), то получилось у Сталина. Теперь крестьяне не могли оказать такого же сопротивления, как в 1921 г. Вожаки, деревенский актив был обескровлен массовыми репрессиями и раскулачиванием. Деревня была пронизана коммунистическими структурами, просвечена ОГПУ. Колхозы, хоть и охватившие только часть крестьянства (в СССР — 61–62 %), сделали деревню более „прозрачной“ для контроля сверху. Теперь хлеб было гораздо труднее спрятать от всевидящей власти. После коллективизации и единоличники уже не могли укрывать продовольствие — вокруг было слишком много голодных глаз, да и внимание репрессивных органов было обращено в первую очередь на единоличников как потенциальных „кулаков“. ВКП(б) Сталина смогла выстроить социальный насос, способный при необходимости высосать из деревни все до крошки. В январе 1933 г. в некоторых районах СССР этот насос действительно достиг самого дна. Выполняя завышенные планы поставок продовольствия на стройки пятилетки, исполнители высочайшей воли изымали у голодных людей уже не только хлеб, годный на экспорт, но и грибы и сушеные овощи, которые можно было бросить в котел рабочих столовых Днепрогэса и Сталинградского тракторного. Несмотря на голод, наращивался экспорт — нужно было докупить последнее оборудование, чтобы „доделать“ задачи Пятилетки.

В 1928–1932 гг. урожайность упала с 8 до 7 ц. с га (валовой сбор зерна упал с 733 млн ц. до 699 млн. ц.). А заготовки в 1928–1935 гг. выросли с 11,5 млн. тонн зерна до 26 млн. тонн. У крестьян не оставалось запасов „на черный день“. 1931–1932 гг. были неурожайными. Запасы зерна у крестьян упали с 50 млн. т. до 33 млн. т. в 1931 г. и 37 млн. т. в 1932 г.³⁴⁷ В 1932 г. заготовки были снижены в сравнении с 1931 г. всего на 13 % и составили 1181,8 млн. пудов. Зато в 1933 г. заготовки резко выросли до 1444,5 млн. пудов. Планы экспорта и снабжения растущих городов не подлежали пересмотру. Именно этот нажим на крестьян — и на колхозников, и на единоличников — в 1932–1933 гг. вызвал голод в ряде регионов страны.

Чудовищный голод — результат выбора сталинской группы, который мы должны правильно оценить. Либо — сколько-нибудь успешное завершение индустриального

---

³⁴⁶ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. № 2. С.85.

³⁴⁷ Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998. С.115, 118.

рывка, либо нехватка ресурсов и полный экономический распад, гигантская незавершенка, памятник бессмысленному распылению труда. И, конечно, крах Сталина. Для того, чтобы закончить рывок, достроить хоть что-то, Сталину нужны были еще ресурсы, и он безжалостно забрал их у крестьян. Вопреки распространенному мифу, не найдено доказательств, что Сталин „устроил“ голод, чтобы замучить побольше народу. Думаю, и не будет найдено.

*

Решившись на прыжок через экономическую пропасть, сталинское руководство уже не могло отступать. До завершения пятилетки оно должно было давить на крестьянство всей мощью человеческой машины государства. Когда стало ясно, что нажим ведет к социальной катастрофе, возникла новая задача — локализовать бедствие, не дать толпам голодных крестьян захлестнуть города и те регионы, где голод еще не так силен. В. В. Кондрашин реконструирует эволюцию позиции Сталина по поводу начинающегося голода на Украине: „На наш взгляд, именно массовое бегство украинских крестьян из колхозов весной-летом 1932 года, в немалой степени, обусловило ужесточение политики сталинского руководства в деревне в целом, во всех регионах, в том числе в Украине.

Как свидетельствует опубликованная переписка И. В. Сталина и Л. М. Кагановича, в начале 1932 года Сталин полагал, что главная вина за возникшие в Украине трудности лежала на местном руководстве, которое не уделило должного внимания сельскому хозяйству, поскольку увлеклось „гигантами промышленности“ и уравнил план хлебозаготовок по районам и колхозам. Именно поэтому весной 1932 года была предоставлена помощь Центра: семенная и продовольственная ссуды.

Однако после того, как Сталину сообщили, что руководители Украины (Г. И. Петровский) пытаются свалить вину за возникшие трудности на ЦК ВКП(б), а украинские колхозники, вместо благодарности за оказанную помощь, бросают колхозы, разъезжают по Европейской части СССР и разлагают чужие колхозы „своими жалобами и нытьем“, его позиция стала изменяться. От практики предоставления продовольственных ссуд Сталин переходит к политике установления жесткого контроля над сельским населением. Причем эта тенденция усиливалась по мере роста крестьянского противодействия хлебозаготовкам в форме прежде всего массового расхищения урожая и во всех без исключения зерновых районах СССР³⁴⁸. 22 января 1933 г. Сталин и Молотов направили ЦК КП(б)У Украины и Северо-Кавказскому крайкому ВКП(б) директиву о необходимости принять меры к прекращению бегства колхозников из колхозов. Само бегство голодных людей расценивалось как новая форма „кулацкого саботажа“³⁴⁹.

От голодных людей нужно было защитить и собранное продовольствие. Отсюда — принятый 7 августа 1932 г. закон о жестоких наказаниях за кражу государственного и колхозного имущества — вплоть до расстрела. Характерно, что ворованным

---

³⁴⁸ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни. С. 93–94. См. также: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 145, 164, 169, 179.

³⁴⁹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 634–635.

считался и хлеб, который крестьяне укрыли от поставок государству. Сталин предложил ЦК КП(б)У оповестить крестьян, что к укрывателям будет применяться этот закон³⁵⁰.

Сегодня сталинисты оправдывают вождя: крестьяне плохо трудились, нужно было научить их производственной дисциплине. Но чтобы требовать от человека дисциплины, нужно обеспечить ему достойные условия труда. В 1932 г. трудовая армия СССР была вымотана длительным напряжением сил, хаосом колхозной перестройки, отсутствием стимулов к труду — все равно все заберут. В. В. Кондрашин пишет: „К началу весенней посевной 1932 г. деревни и станицы Дона, Кубани, Поволжья подошли с подорванным животноводством и тяжелым продовольственным положением колхозников и единоличников. Поэтому посевная кампания по объективным причинам не могла быть проведена качественно и в срок. В частности, сокращение тягловой силы привело к серьезным затяжкам всех основных полевых работ, снижению их качества, а, следовательно, снижению урожайности и увеличению потерь“³⁵¹. Изъятие хлеба проводилось варварски и вело к огромным потерям: „С помощью „конвейерного метода“ уборки, встречных планов и других мер устанавливался жесткий контроль над выращенным урожаем. Недовольных крестьян и активистов безжалостно репрессировали: раскулачивали, высылали, отдавали под суд. При этом инициатива в „хлебозаготовительном беспределе“ исходила от сталинского руководства и лично Сталина“³⁵². „В 1932 году, согласно отчета комиссии ВЦИК, весенняя посевная кампания на Северном Кавказе растянулась на 30–45 дней, вместо обычной недели или чуть больше. В Украине к 15 мая 1932 года было засеяно только 8 млн. гектаров (для сравнения: 15,9 млн. в 1930 году и 12,3 в 1931 году). Упорные усилия власти по расширению посевных площадей зерновых культур для роста их товарности, без введения прогрессивных севооборотов, внесения достаточного количества навоза и удобрений, неизбежно вели к истощению земли, падению урожайности, росту заболеваемости растений. Огромное сокращение тягловой силы при одновременном увеличении посевных площадей не могло не иметь своим результатом ухудшения качества вспашки, засева и уборки, а, следовательно, снижения урожайности и увеличения потерь. Широко известны факты высокого засилья сорняков на полях, засеянных хлебами в 1932 году в Украине, на Северном Кавказе и в других районах, низкое качество прополочных работ.

Закономерным следствием подобных объективных обстоятельств стали огромные потери зерна при уборке урожая, размеры которых не имели аналогов в прошлом. Если в 1931 году, по данным НК РКИ, при уборке было потеряно более 150 млн. центнеров (около 20 % валового сбора зерновых), то в 1932 году потери урожая оказались еще большими. Например, в Украине они колебались от 100 до 200 млн. пудов, На Нижней и Средней Волге достигли 72 млн. пудов (35,6 % от всего валового сбора зерновых). В целом по стране в 1932 году не менее половины выращенного урожая осталось в поле. Если бы эти потери были сокращены хотя бы на половину, то никакой массовой голодной смертности в советской деревне не было бы.

---

³⁵⁰ Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документації. К., 1990. С.284.

³⁵¹ Там же. С.371.

³⁵² Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни. С.87.

Тем не менее, по оценкам источников и свидетельствам очевидцев, в 1932 году урожай был выращен средний по сравнению с предыдущими годами и вполне достаточный, чтобы не допустить массового голода. Но убрать его своевременно и без потерь не удалось. Поэтому, в конечном итоге, он оказался хуже, чем в 1931 году...³⁵³ Таким образом, „огромный дефицит зерна в стране после окончания уборки и хлебозаготовительной кампании 1932 года возник в силу объективных и субъективных обстоятельств.

К объективным причинам можно отнести вышеназванные последствия двух лет коллективизации, сказавшиеся на уровне агротехники в 1932 году. Субъективными причинами стали, во-первых, крестьянское сопротивление хлебозаготовкам и коллективизации и, во-вторых, сталинская политика хлебозаготовок и репрессий в деревне³⁵⁴, — суммирует В. В. Кондрашин.

Впрочем, на поверку обе субъективные причины имеют фундаментальные объективные основания. В сложившихся условиях крестьянское сопротивление (в отличие от 1930 г. скорее пассивное, чем активное, связанное с саботажем, а не восстаниями) было неизбежно и предсказуемо. Крестьянин — тоже человек, и не мог испытать прилив трудового энтузиазма от скотских условий, в которые его загоняли. Но и действия Сталина вытекали не из его субъективных пожеланий мучить людей. Если была поставлена задача провести техническую модернизацию, ее можно было проводить только за счет крестьянского продовольствия. Пока стране и миру нельзя было предъявить первые гиганты индустрии, продолжение политики индустриализации требовало масштабных изъятий хлеба (с неизбежными потерями и падением производительности труда на селе). Коммунистическому режиму было жизненно важно дотянуть до завершения Первой пятилетки, а там можно было бы и передохнуть. А пока Пятилетка не завершилась, крестьяне могли хоть передохнуть, но дать продовольствие.

*

Чтобы лучше понять структуру катастрофы (а значит, и условия, при которой она может повториться), нужно хладнокровно оценить ее масштаб.

Но кого интересует поиск объективных данных, когда между телевизионными бойцами идеологического фронта идет азартный аукцион на костях, призванный еще сильнее рассорить народы и оправдать преступления капитализма „еще большими“ преступлениями коммунизма. Разгул мракобесия в СМИ двух стран преследует цели политической выгоды, а не выяснения истины. В телепередачах, посвященных голоду, голос ученых почти не слышен, зато политики охотно позируют на фоне фотографий голодных крестьян и документов о массовой гибели людей. Как приятно, отметившись на модной теме, рассказать о своей изящной пикировке с послом Украины при НАТО или очередных депутатских инициативах. Пиар на могилах. И это в то время, когда нарастающий глобальный экономический кризис вновь делает тему голода актуальной.

В СССР погибло от голода 10 миллионов человек! — провозглашает с телеэкрана

---

³⁵³ Там же. С. 89–90.

³⁵⁴ Там же. С.90.

манипулятор Максим Шевченко. Почему 10? А что, цифра красивая, круглая. Кто больше!? Нет проблем — с Украины слышна та же „круглая“ цифра, но теперь как число жертв только в этой республике, уничтоженных ради мести за прежние деяния украинцев.

„Если бы не было массового повстанческого движения 20-х гг., Москва не организовала бы уничтожения в 1932–1933 гг. 10 миллионов крестьян...“³⁵⁵ — говорит о трагедии украинского селянства глава ассоциации наследников голодомора Л. Г. Лукьяненко. Наследники жертв вовлечены в пропагандистскую кампанию, организаторы которой не заинтересованы в поиске реальных причин и масштабов трагедии. На Украине почти официальной стала точка зрения, в соответствии с которой Сталин специально устроил голод, чтобы „отмстить“ украинцам за повстанчество прошлых лет и покарать за повстанческие настроения. Правда, к 1932 г. активное сопротивление крестьян коллективизации уже было сломлено. Пропагандистское построение о том, что „Москва“ стремилась покарать украинцев за повстанчество начала 20-х гг. опровергается просто — от голода пострадали и те районы, где повстанчество в 20-е гг. было скромным (Казахстан), а вот Тамбовщина, прославившаяся Антоновщиной, пострадала куда меньше, чем Казахстан. У голода 1932–1933 гг. и повстанчества общая причина. Государство стремилось получить максимум хлеба в производящих регионах. В 20-е гг. это вызывало вооруженное сопротивление, а в 30-е гг. сопротивление было сломлено, государство вырвало хлеб у обессиленного населения для своих нужд, и разразился голод.

Нет доказательств того, что какие-то действия власти были направлены специально против украинцев. Среди пострадавших регионов — и российские Воронежская, Курская, Свердловская, Челябинская, Обско-Иртышская области, Азово-черноморский и Северный края, Поволжье, Северный Кавказ и Казахстан.

Разумеется, на Украине была своя специфика изъятия хлеба, свои жестокости власти против крестьян. Иногда не только публицисты и политики, но и серьезные украинские историки представляют эти жестокости качественно большими, чем в России, направленными на то, чтобы сломить свободолюбивый дух именно украинского народа. Ведущий украинский исследователь голода (голодомора) на Украине 1932–1933 гг. С. В. Кульчицкий считает: „Когда у крестьян, не имевших хлеба, забирали горох и сухофрукты, оставляя их в январе 1933 г. без продовольственных запасов до предстоящего урожая, это могло означать только одно: государство не хлеб заготовляло, а наносило по сельской местности превентивный удар, стремясь при помощи репрессий избежать ситуации, возникшей в январе-феврале 1930 г. Опыт 1921 г. показывал, что голодающее село не способно к возмущению“³⁵⁶. Одно из другого не следует. Необходимо выяснить, чем мотивировалось изъятие гороха и сухофруктов. Это было и наказание — но за недоимки, а не за повстанческие настроения. Чтобы пресечь их, было достаточно обычных репрессий, которые никто не отменял. Как раз опыт 1921 г. показал, что именно крестьянин перестает бунтовать, когда у него появляется перспектива сытости. В 1921 году Украина пылала огнем восстаний, а введение НЭПа вскоре изолировало повстанческих вожаков. Но в 1933 г. изъятие продовольствия могло быть и не только

---

³⁵⁵ Голодомор в Україні. 1932–1933 рр. Библиографічний показник. Одеса-Львів. 2001. С.11.

³⁵⁶ История Украины. Научно-популярные очерки. М., 2008. С.648.

репрессией, а конвульсивной попыткой местных руководителей отчитаться по валовым показателям, компенсировать недостачу. Это продовольствие тоже было нужно для прокорма рабочих строек, например.

Была специфика и в России: „Следует не забывать, что в российских регионах было и то, чего не было в Украине. Это порки крестьян в колхозах Нижне-Волжского края в период сельскохозяйственной кампании 1931 года, а также поголовное выселение казачьих станиц на Кубани за „саботаж хлебазаготовок““³⁵⁷. Ключевые факты при сравнении трагедий в двух республиках — все же цифры гибели людей. А они-то как раз остаются спорными.

Гибель одного человека — это трагедия. Гибель сотен тысяч — сколько бы их ни было — трагедия со множеством нулей. Этически нет различия между гибелью одного миллиона или десяти миллионов людей. И то, и другое — катастрофа, которую нельзя оправдать высокими целями промышленного развития (и не только советского, но и, скажем, британского, построенного на костях ирландцев, индусов и других подданных империи). Почему же тогда так горячи споры о числе погибших, откуда эта гонка цифр с аукционным кличем: „Кто больше!?“

Если злодеяния коммунистов были беспрецедентны, то как они смеют теперь осуждать нынешних политиков за их „крошечные“ злодеяния! К тому же очень хочется, чтобы тебе, живущему в XXI веке, кто-то был обязан за жертвы, принесенные твоими предками (или даже не твоими, а просто жившими на этой земле). Чтобы мир жалел тебя, потому что когда-то был холокост украинского народа (или казахского, или русского, или еврейского). Только индийцев, погибших от наводнения, и поныне считают тысячами, сообщая об этом в конце выпуска новостей после приоритетных репортажей о западном школьнике, убившем несколько одноклассников...

Оценочные данные умерших от голода разнообразны — от 2 до 12 миллионов³⁵⁸. Первые оценки масштабов голода, сделанные в СССР еще в 70-е гг., исходили из демографических потерь³⁵⁹. Но „исчезнувшее“ население — это не только умершие, но и уехавшие из пострадавших районов, и не родившиеся, потому что в тяжелую годину родители решили подождать. Оценить количество людей, покинувших голодающие регионы сложно, так как они часто скрывались от властей. Сталин понимал, что масса беженцев из голодающих районов может вызвать непредсказуемые последствия для его политики, и зона бедствия была, насколько возможно, блокирована. Но люди все равно нелегально просачивались. К началу марта 1933 г. было задержано 219,5 тысяч человек пробравшихся из голодающих районов, из которых были возвращено 186,6 тысяч³⁶⁰.

В 1927–1931 гг. средняя смертность в СССР составляла 2,7 млн. человек, а в 1932–1933 гг. — 4 млн., что составляет прибавку 2,8 млн. за два года. К ним В. В. Цаплин предлагает прибавить и 1 млн. незарегистрированных смертей³⁶¹. Но это

---

³⁵⁷ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни. С.92.

³⁵⁸ Население России в XX в. Т.1. С. 270–276.

³⁵⁹ См. Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974. С.310.

³⁶⁰ Население России в XX в. Т.1. С.266.

³⁶¹ См. Цаплин В. В. Статистика жертв сталинизма. // Вопросы истории. № 4. 1989.

предложение трудно признать обоснованным по двум причинам. Во-первых, почему именно миллион, а во-вторых, какая-то часть смертей не регистрировалась и в прежние годы.

В литературе высказывалась критика достоверности статистики смертности, но она может относиться и к оценке смертности в предыдущие годы.

Не любое повышение смертности происходит за счет именно смерти от голодного истощения. Значительная часть повышения смертности пришлось на болезни, которые могли быть связаны с плохим питанием, а не на голодную смерть непосредственно. Так, например, в 1992–1994 гг. смертность выросла с 12,2 до 15,7 человек на 1000 населения. Но это не значит, что такой сдвиг произошел в результате голода.

Для понимания проблемы также важно сравнить уровень смертности в СССР в 30-е гг. и в России в середине XIX века, в той Российской империи, которая является идеалом для значительной части нынешних критиков сталинизма. В 1933 г. на 1000 человек умерло по разным данным 40,6–42,6 человек. Это примерно столько же, как в начале правления Александра II (53 человека в городе и 39 — в деревне). Советские статистические данные оспариваются. Впрочем, статистика смертности в русской и украинской деревне середины XIX в. тоже может быть неполной. Средняя Азия и Кавказ по понятным причинам в российскую статистику не попали. В 1932 г. смертность составила 20,2–27,7 чел. на тысячу, а в 1934 г. — 18,1–23,7. Для сравнения — в лучшие годы Российской империи смертность составила 27 чел. на тысячу в городе и 32 чел. на тысячу в деревне³⁶². Это хуже, чем даже в отнюдь не благополучные 1932 и 1934 гг. Таким образом голод 1932–1933 гг. — это катастрофический провал в вялотекущую голодовку времен Российской империи. Уже в 1934 г. ситуация со смертностью в СССР стала лучше, чем в Российской империи.

*

Самый надежный источник для определения числа умерших (а не уехавших, откочевавших, перешедших из крестьян в рабочие, не родившихся или родившихся, но не там, где жили родители и т. п.) — это учреждения записи актов гражданского состояния (ЗАГС).

Данные ЗАГС позволяют нам ближе всего подойти к объективной оценке потерь от голода. Даже по мнению украинского исследователя С. В. Кульчицкого, „нельзя не видеть, что статистические органы должным образом выполняли свой профессиональный долг, фиксируя из месяца в месяц потрясающие показатели смертности“³⁶³.

Органы ЗАГС объективно фиксировали смертность весь период голода. Поскольку информация ЗАГС была секретной, власть не стремилась к ее искажению. Иногда (но далеко не всегда) запрещалось прямо указывать голод в качестве причины смерти, но и в этих случаях исследователь без труда поймет, о чем идет речь, прочитав: „голодовка“, „истощение“, „по неизвестным причинам“. Если считать смертность 1931 г. „фоновой“, то превышение количества умерших в 1932–1933 гг.

---

³⁶² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX вв.). М., 2003. Т.1. С. 190–191; Население России в XX в. С. 267–268.

³⁶³ Голод 1932–1933 років в Україні. Київ, 2003. С. 500–501.

составляет 1489,1 тысяч. В 1931 г., до начала голода на Украине умерло 514,7 тысяч человек, в 1932 г., когда голод только начинался — 668,2 тысяч (максимальные месячные показатели смертности в мае-июле — более 50 тысяч). В 1933 г. официально зарегистрированная смертность составила 1850,3 тысяч. Уже в феврале смертность достигла 60,6 тысяч, в марте — 135,8 тысяч, в июне — 361,1 тысяч, после чего стала падать. В октябре 1933 г. она вернулась к „фоновому“ уровню 42,8 тысяч³⁶⁴. Есть данные, что органы ЗАГС в разгар голода фиксировали не всех умерших. Но каково количество неучтенных смертей? Ведь в целом органы ЗАГС зафиксировали беспрецедентный всплеск смертности. Это уже само по себе свидетельствует о том, что у руководства страны не было установки „спрятать“ трагедию даже от самого себя. Занижение уровня смертности могло быть вызвано понятной местной инициативой — немного приукрасить ситуацию перед центром. В некоторых случаях работники ЗАГС просто не успевали фиксировать всех умерших. Это позволяет предположить, что количество жертв больше полутора миллионов. Но оно может быть и меньше.

Ведь неясно, какое количество умерших скончались именно от голода, а не по другим причинам, связанным с ухудшением социальной ситуации.

Количество жертв может быть несколько меньше (не все умерли именно голодной смертью), несколько больше (возможен некоторый недоучет в ЗАГСах). Объективная оценка жертв, привязанная к данным ЗАГСов (превышение над „фоновыми показателями“ 1489 тысяч человек), таким образом, находится в коридоре 1–2 миллионов, а не 3–5 миллионов, как считают даже серьезные украинские историки³⁶⁵.

В. В. Кондрашин, исследовав архивы ЗАГСов Поволжья и данные центральных органов ЦУНХУ СССР, оценивает численность крестьян, умерших непосредственно от голода и вызванных им болезней, определилась в 200–300 тыс. человек, а жертвы Северо-Кавказского края в 350 тыс. человек³⁶⁶. При этом „как минимум четыре региона тогдашней РСФСР — Саратовская область, АССР Немцев Поволжья, Азово-Черноморский край, Челябинская область — пострадали больше, чем Украина. Что же касается Украины, то ее сельское население уменьшилось на 20,4 процента, это очень много, но общее население уменьшилось не так уж сильно — всего на 1,9 процента. Данный факт позволяет подтвердить нашу гипотезу о необходимости учета фактора стихийной миграции учеными Украины при расчетах общего числа жертв голода 1932–1933 годов... Миграцию украинского сельского населения поглощала в основном украинская же индустрия“³⁶⁷. Сокращение сельского населения в районах СССР, пораженных голодом 1932–1933 гг., таково: в Казахстане — на 30,9 %, в Поволжье — на 23, на Украине — на 20,5, на Северном Кавказе — на 20,4 %³⁶⁸.

---

³⁶⁴ Там же. С. 499–500.

³⁶⁵ С. В. Кульчицкий, противореча себе, также склонен значительно превышать количество жертв. Он считает, что верхняя граница оценки количества жертв — 4,5 миллионов (Указ. соч. С.503), что в разы превосходит данные ЗАГСов, которые сам Кульчицкий признал объективными. Так что цифра в 4 млн. жертв столь же идеологическая, как и 10 млн. С другой стороны, сторонник политики Сталина С. Г. Кара-Мурза называет цифру 640 тысяч, но не объясняет, из какой «статистики» ее взял.

³⁶⁶ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни. С. 98–99.

³⁶⁷ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 247–248.

³⁶⁸ Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 120.

Таким образом, налицо примерно одинаковая картина развития демографической и общей ситуации в России и на Украине в рассматриваемый период»³⁶⁹.

В Казахстане демографические потери составляют около 2 млн. человек³⁷⁰. Более детальный анализ показывает, что численность погибших от голода и безвозвратно мигрировавших казахов в 1931–1933 годах определена в пределах 1750–1798 тыс. человек, или 49 % его первоначальной численности³⁷¹. Казахстанские авторы подчеркивают, что большинство демографических потерь — это именно погибшие, а не откочевавшие³⁷². Так ли это? В 1932–1933 гг. из Казахстана откочевало около 400 тыс. семей (это как раз примерно 2 млн. человек)³⁷³. Но откочевки начались уже в 1928 г. Зимой 1929–1930 г. только из Зайсанского района ушло в Синцзян 2460 семей³⁷⁴. Сколько людей погибло при таких перекочевках, установить уже нельзя. Кто-то погиб во время тяжелых зимних переходов, кто-то — в сражениях раздиравшего Синцзян «Дунганского мятежа», кто-то — нашел новую родину или вернулся в СССР, когда минула суровая пора голода.

В любом случае, только часть откочевавших выжила, а часть — погибла в пути, так что речь может идти о сотнях тысяч погибших.

Таким образом, на Украине непосредственно от голода погибло 1–2 миллиона человек, а в других регионах (Поволжье, Северный Кавказ, Сибирь, Казахстан) потери могут исчисляться сотнями тысяч людей в каждом. Таким образом, количество жертв находится в «коридоре» 2–3 миллиона человек.

*

В условиях новой разрухи Сталин решил объявить об окончании рывка в светлое будущее. Выступая на пленуме ЦК и ЦКК 7 января 1933 г., он заявил, что пятилетка выполнена досрочно за четыре года и четыре месяца, и что «в результате успешного проведения пятилетки мы уже выполнили в основном ее главную задачу — подведение базы новой современной техники под промышленность, транспорт, сельское хозяйство. Стоит ли после этого подхлестывать и подгонять страну? Ясно, что нет в этом теперь необходимости»³⁷⁵.

Как пишет С. В. Кульчицкий, «Сталин совсем не имел намерения уничтожить все

---

³⁶⁹ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни. С.102.

³⁷⁰ См., например, Кузембайулы А., Эбил Е. История республики Казахстан. Астана, 1999. С.275.

³⁷¹ Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 67; Алексеенко А. Н. Голод начала 30-х гг. в Казахстане (Методика определения числа пострадавших // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г. М., 1992. С. 76–78; Отечественная история. 1994. № 6. С. 259.

³⁷² См., например, Кузембайулы А., Эбил Е. Указ. соч. С.326.

³⁷³ Население России в XX в. С.267.

³⁷⁴ Петров В. И. Мятежное сердце Азии. М., 2003. С.330.

³⁷⁵ Сталин И. Соч. Т.13. С.185.

сельское население Украины. Наоборот, он создавал ситуацию, когда государство становилось спасителем от голодной смерти»³⁷⁶. Правда, нет никаких доказательств, что голод был устроен ради создания такой ситуации. Но действительно, когда главная причина хлебазаготовительной гонки — индустриальный рывок Первой пятилетки — отпала, компартия занялась исправлением положения. 27 июня 1933 г. 23 час. 10 мин. секретарь ЦК КП(б)У М. М. Хатаевич направил Сталину шифrogramму следующего содержания: «Продолжающиеся последние 10 дней непрерывные дожди сильно оттянули вызревание хлебов и уборку урожая. В колхозах ряда районов полностью съеден, доедается весь отпущенный нами хлеб, сильно обострилось продовольственное положение, что в последние дни перед уборкой особенно опасно. Очень прошу, если возможно, дать нам еще 50 тысяч пудов продссуды». На документе имеется резолюция И. Сталина: «Надо дать». В то же время, на просьбу начальника политотдела Новоузенской МТС Нижне-Волжского края Зеленова, поступившую в ЦК 3 июля 1933 года, о продовольственной помощи колхозам зоны МТС был дан отказ³⁷⁷.

Согласно постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 июня 1933 года «О распределении тракторов производства июня-июля и половины августа 1933 года», из 12100 тракторов, запланированных к поставке в регионы СССР, Украина должна была получить 5500 тракторов, Северный Кавказ — 2500, Нижняя Волга — 1800, ЦЧО — 1250, Средняя Азия — 550, ЗСФСР — 150, Крым — 200, Южный Казахстан — 150. Таким образом, российские регионы, вместе взятые, получали 5700 тракторов (47 %), а одна Украина — 5500 (45,4 %)³⁷⁸.

«И, наконец, „проукраински“ выглядят даже решения Политбюро ЦК от 23 декабря 1933 года и от 20 января 1934 года о развертывании индивидуального огородничества, крайне необходимого в условиях начавшегося в СССР в 1930-е годы перманентного голода. „Идя навстречу желаниям рабочих — обзавестись небольшими огородами для работы на них собственным трудом в свободное время от работы на производстве“, ЦК ВКП(б) постановило разрешить в 1934 году 1,5 млн. рабочих заняться собственными индивидуальными огородами. Были намечены следующие размеры развертывания по областям индивидуальных рабочих огородов на 1934 год: Украина — 500 тыс. человек (в том числе по Донбассу — 250 тыс. чел.); Московская область — 250 тыс. чел.; Ивановская область — 150 тыс. чел.; Западная Сибирь — 100 тыс. чел.; Восточная Сибирь — 60 тыс. чел.; Горьковский край — 50 тыс. чел.; ДВК — 50 тыс. чел.; Казахстан — 50 тыс. чел.; Ленинградская — 50 тыс. чел.; Северный край — 40 тыс. человек. Таким образом, „украинская доля“ рабочих — огородников в общей массе рабочих СССР, допущенных к занятию огородничеством, составила 500 тыс. человек, или 33,3 %!»³⁷⁹ — считает В. В. Кондрашин.

При этом на Украине, как было признано на январском пленуме ЦК ВКП(б) и

---

³⁷⁶ История Украины. Научно-популярные очерки. М., 2008. С.649.

³⁷⁷ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни. С.107.

³⁷⁸ Там же.

³⁷⁹ Там же. С. 107–108.

февральском пленуме ЦК КП(б)У, план хлебозаготовок был «провален»³⁸⁰. Несмотря на это, после завершения Пятилетки государство стало направлять помощь на Украину. В 1933 г. Украина получила 501 тыс. т. зерна помощи (формально — ссуды) против 60 тыс. т. в 1932 г.³⁸¹ Это значит, что именно штурм Пятилетки был критическим для советского (в том числе украинского) крестьянства. Пока шел этот штурм, местное руководство делало все, чтобы выполнить показатели или хотя бы приблизиться к ним — не останавливаясь перед тем, чтобы выгрести последнее. До января 1933 г. карьера украинских чиновников (как и других чиновников СССР) зависела от выполнения показателей Пятилетки. Потом можно было перевести дух и начать исправлять то, что «наломали».

*

Фактические итоги «досрочно выполненной» пятилетки были гораздо скромнее сталинских замыслов 1930 г. Оптимальный план 1929 г. был выполнен по производству нефти и газа, торфа, паровозов, сельхозмашин. По производству электроэнергии, чугуна, стали, проката, добычи угля, железной руды не был выполнен даже отправной план 1929 г.³⁸² Производство тракторов только-только дотянуло до него. К планам 1930 г. не удалось даже приблизиться. «Спецы» оказались правы в оценках реальных возможностей роста. Но только, вопреки оптимизму правых коммунистов, выяснилось, что для достижения этих результатов в реальных условиях 1929–1933 гг. были необходимы гораздо большие ресурсы, а значит — и гораздо большие жертвы.

То, что заложила Первая пятилетка, доделывали во время Второй. Но без первой Вторая была бы невозможна. В результате Первой пятилетки была создана основа для перехода к экономике, способной самостоятельно производить оборудование, к новому этапу индустриального общества, технологической «подложкой» которого являются электричество, конвейер и двигатель внутреннего сгорания. Недострой начала 30-х гг. был пущен в дело уже во время второй пятилетки. Во время двух первых пятилеток (1929–1938 гг.) модернизация радикально продвинулась вперед в области энергетики, металлургии, машиностроения, автомобиле- и авиастроения, электротехники. Большое значение в условиях 30-х гг. имело создание современного военно-промышленного комплекса.

Развитие советской социально-экономической модели было обеспечено — но ценой не только жертв, но и социальной напряженности, которая вскоре выльется в Большой террор³⁸³.

Можно ли было добиться создания новой индустриальной базы без таких жертв? Задним числом можно все подсчитать, оценить. Только при этом нужно заранее учесть Великую депрессию, начавшуюся в самом начале реализации сталинского плана.

---

³⁸⁰ Там же. С. 102–104. См. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С.163.

³⁸¹ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С.243.

³⁸² Индустриализация Советского Союза. Ч.2. С. 128–129.

³⁸³ Подробнее см.: Шубин А. В. Вожди и заговорщики.

Вина Сталина не в том, что он сознательно стремился уничтожить как можно больше крестьян, а в холодном равнодушии к жизни нынешних людей, если ставка — будущий экономических успех. Сталин в этом отношении был подобен капиталистическим менеджерам в США и Западной Европе, которые в это же время безжалостно увольняли миллионы людей, обрекая их на голод.

Какое общество построили при Сталине?

Представители разных историософских школ не могут договориться о том, что же было построено в СССР. Для одних СССР — «реальный социализм», для других — тоталитаризм, для третьих — этап развития российской цивилизации, для четвертых — государственный капитализм, для пятых — этократическое (бюрократическое) индустриальное общество. Думаю, спорщиков вполне можно усадить за стол переговоров. Все эти точки зрения совместимы, поскольку разногласия в значительной степени носят терминологический и эмоциональный характер.

Идея «реального социализма» исходит из того, что в СССР марксистская концепция социалистического (коммунистического) общества была реализована настолько, насколько это вообще было возможно. То есть «реальный социализм» — это не капитализм, так как капитализм не может существовать без господства частной собственности. Сторонники концепции «реального социализма» доказывают, что в СССР не было также эксплуатации и эксплуататорских классов, с чем представители других идейных течений (в том числе и левые по взглядам) никак не соглашались, указывая на бюрократический класс. Этот интересный спор будет длиться еще долго, и здесь мы остановимся на очевидном факте — в СССР существовал господствующий социальный слой (класс, «элита»), но его господство обеспечивалось не частной собственностью, а государственной, что определило качественные отличия советского общества от классических капиталистических обществ.

Часть социалистов (в том числе марксистов) считает, что суть капитализма — не в частной собственности буржуазии, что бюрократия в целом тоже может быть частным собственником, и поэтому в СССР был особенный государственный тип капитализма. Но если это и капитализм, то уж очень особенный. Место биржи занимает Госплан, место акций — приказ о назначении на должность, место безработицы и перепроизводства — дефицит ресурсов и рабочей силы. Уж очень много различий как с «реальным капитализмом», так и с заявленным проектом социализма, то есть с теми критериями социализма, о которых писали социалистические теоретики, включая К. Маркса и В. Ленина. Ни тебе безденежного товарообмена, ни отмирания государства, ни бесклассового общества³⁸⁴.

Итак, «реальный социализм» (или «государственный капитализм СССР») — это такое общество, которое имеет некоторые черты сходства как с идеей социализма, так и с реальностью капитализма, точнее — индустриального общества. От социализма «реальный социализм» унаследовал запрет частной собственности, плановое хозяйство, социальную «программу-минимум» — бесплатное образование, медицинскую помощь, поддержку слабых групп населения (стариков, инвалидов и др.). Кроме отказа от частной собственности (или ограничения ее распространения,

---

³⁸⁴ О марксистской концепции социализма см.: Шубин А. В. Социализм: «Золотой век» теории.

как в некоторых «братских» странах) такое «социальное государство» существует и на Западе. «Реальный социализм» обеспечил решение ряда задач, которые в соответствии с марксистской теорией должен был решить капитализм. Прежде всего, речь идет о переходе от аграрного общества к индустриальному.

Когда советское общество стало индустриальным и таким образом приобрело частичное сходство с капиталистическими индустриальными обществами?

Индустриальное общество отличается от предыдущего (аграрного, традиционного) множеством показателей — и более высокой производительностью труда, и урбанизацией (переселением жителей из деревни в город), но все эти показатели вытекают из самого характера деятельности, который преобладает при индустриализме. Эта деятельность основана на тесной взаимосвязи специализации и стандартизации. В отличие от традиционного общества, индустриальные стандарты определяются не традицией, а управленческой элитой, которая определяет задания для работника, предназначенного для выполнения узкой функции. Работник становится инструментом реализации чужого плана. Именно так организована работа фабрики, именно это обеспечивает высокую производительность труда, концентрацию производства в городах и, следовательно, урбанизацию.

В СССР были все социальные ниши, необходимые для функционирования индустриальной системы. Но у нас и на Западе эти ниши иногда занимали разные структуры (частный собственник — чиновник, биржа — Госплан и т. д.), а иногда — общие (наемный рабочий, менеджер, школьный учитель, инженер). В этом отношении советское общество можно описать формулой «индустриальное общество без преобладания частной собственности плюс социальное государство и государственное управление хозяйством».

Таким образом, «развитый социализм» и «государственный капитализм» — это общество, которое основано на трех китах: индустриализм, государственное управление экономикой, социальное государство.

Роль государства в СССР была более велика, чем в других моделях индустриального общества. Ближе других к СССР подошла в этом отношении нацистская Германия, что дало почву для развития теории тоталитаризма. Эта теория создавалась в 50-е гг. Х. Арендт и З. Бжезинским как идеологическое оружие против СССР, она подчеркивала общность государственных систем Советского Союза и нацистской Германии. Советские авторы не оставались в долгу, доказывая, что нацизм имеет много общего с государственно-монополистическим капитализмом США. Обе стороны оказались правы, потому что всегда можно найти что-то общее и различное³⁸⁵. Но этот спор показал, что «тоталитаризм», то есть тотальное, полное управление обществом из единого центра — это характеристика, которую можно встретить в любом индустриальном обществе — ведь на фабрике администрация стремится к тотальному управлению своим персоналом. Когда советские люди, привыкшие к перекурам и разгильдяйству в «тоталитарном» СССР, в 90-е гг. нанимались на западную или японскую фирму, нередко их поражали тоталитарные порядки, царившие там: визит в туалет с разрешения начальника, запрет на частные разговоры в рабочее время, постоянное наблюдение менеджера за тем, что делает работник и т. д.

---

³⁸⁵ Подробнее см. Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С.86; Шубин А. В. Мир на краю бездны. С. 146–156.

Итак, элементы тоталитаризма при желании можно найти в любом обществе. Тоталитарный режим — нечто иное. Это — открытое стремление власти контролировать все стороны жизни общества (неофициальный контроль за частной жизнью граждан существует и на Западе). Правда, при всем стремлении сталинской системы к контролю над умами населения, эта власть никогда не была тотальной. Даже при Сталине сохранялись и расхолодившееся с официальной идеологией религиозное мировоззрение, и незамеченные НКВД критические разговоры, и так и не подавленная полностью «аполитичная» культурная жизнь.

Следовательно, термин тоталитаризм правомерно употреблять только в конкретно-историческом значении — как стремление власти к тотальному управлению общественной жизнью. При Сталине такой тоталитаризм был. Все замеченные неподконтрольные общественные группы уничтожались. При Хрущеве, когда допускались различные общественные течения и существенные оттенки политических взглядов — уже нет. Общество перешло от тоталитарного к более мягкому — авторитарному состоянию³⁸⁶.

Таким образом, на некоторых этапах жизни советского общества ему были присущи черты тоталитаризма, но не они определяют логику развития советского общества на протяжении всей его истории.

Тоталитаризм является вполне органичной «надстройкой» над индустриальной системой, когда все общество превращается в единую фабрику под руководством одной администрации. Но западные элиты предпочли более мягкую систему согласования интересов между тоталитарно организованными фирмами, бизнес-группами и бюрократическими кланами, которая и известна как капитализм. Столкнувшись с кровавыми издержками тоталитаризма, коммунистическая бюрократия также предпочла перейти к более гибким формам господства. И этот отход от тоталитаризма позволил советскому обществу завершить переход к индустриальному обществу.

Индустриальная модернизация началась еще в Российской империи, завершилась к началу 60-х гг. XX века, когда большинство населения РСФСР стало жить в городах³⁸⁷. Но решающий этап пришелся на правление Сталина, точнее — на 30-е гг. Тогда именно сталинская система с жестокостью, не уступавшей рыцарям первоначального накопления, сконцентрировала ресурсы, необходимые для построения промышленной базы, на которой дальше достраивалась индустриальная система советского общества.

Экстренный, форсированный характер модернизации вызвал огромные жертвы. Стремительность модернизации привела к растраниванию ресурсов, разрушениям в сфере сельского хозяйства. Образовавшаяся в результате система оказалась недостаточно гибкой, страдавшей множеством социальных болезней, которые сказывались на развитии советского общества всю его историю. Эти «минусы» очевидны.

Но нельзя не замечать и другого — эволюционный путь модернизации в XX веке привел большинство стран мира (особенно за пределами Европы) к модели зависимого капитализма, к искусственному закреплению отставания «Третьего мира» от

---

³⁸⁶ Тоталитаризм в Европе XX века. С. 479–488.

³⁸⁷ Население России в XX веке. Т.2. С.198.

«Первого». Так что проблема «издержек прогресса» неоднозначна.

Одно несомненно — в 30-е годы страна перешла качественную грань своего развития, прошла гораздо больший путь, чем Франция во времена якобинцев и термидорианцев. Если «термидор» — это откат к прошлому, то СССР уходил от прошлого необратимо. Если «термидор» — вытеснение революционного наследия признаками «нормального», общемирового развития, то его элементы были неизбежны. Хотя и своей дорогой, СССР шел по общему пути индустриальной модернизации. СССР не стал ни воплощением идеалов социализма, ни «империей зла». Он стал своеобразным вариантом индустриального общества. И своеобразие это вытекало из трех источников — культурного наследия народов России, социалистического проекта и того направления, которое придали ему Ленин и Сталин.

Итоги и уроки

Великая депрессия изменила лицо мира. Отчаявшиеся массы требовали перемен, способных улучшить их социальное положение, и они их получили. В Западной Европе в моду входили идеологи «дирижизма», управленчества. Государство должно управлять экономикой. Даже там, где целенаправленная политика государственного регулирования не проводилась, правительства оказывали помощь компаниям и банкам, оказавшимся в трудном положении. «Спасать приходилось многочисленные компании и банки в Бельгии, Германии и особенно во Франции, где „Банк Адам“, „Банк Эльзаса и Лотарингии“, Национальный кредитный банк, Генеральная трансатлантическая компания и „Аэросталь“ выжили только благодаря помощи государства»³⁸⁸, — комментирует П. Тибо эту политику оплаты капиталистам издержек кризиса капитализма. На это были нужны деньги. Правительства прибегали к двум основным средствам: во-первых, повышали налоги, спасая избранных за счет всех, во-вторых, шли на снижение курса валюты (обесценивая свои обязательства).

Пока правительство вкачивало средства в частные капиталы и обесценивало как долги, так и накопления, оздоровление не могло начаться. Для выхода из кризиса в Европе требовалась принципиально новая экономическая политика. А она требовала новой экономической идеологии. Джон Кейнс бросил вызов культуре накопительства, которая со времен Кальвина способствовала созданию капиталов и развитию капитализма. Необходимо стимулировать не накопительство а, напротив, потребление, которое вытянет за собой производство. Если наибольшее количество людей будет тратить наибольшее количество денег, а не прятать их в кубышку в надежде открыть свое дело, то рынок будет расширяться.

Джон Мейнард Кейнс в 1926 г. опубликовал работу «Конец свободного предпринимательства», где учитывал опыт российского НЭПа, а в 1936 г. свой главный труд — «Общая теория занятости, процента и денег». В этих книгах Кейнс доказывал необходимость активного регулирования капиталистической экономики государством.

Взгляды Кейнса (кейнсианство) получили поддержку со стороны Лейбористской партии Великобритании. По мнению Кейнса, государство должно обеспечивать целенаправленное стимулирование спроса на товары, перераспределяя средства в пользу бедных. Одновременно следует направлять общественные ресурсы в

---

³⁸⁸ Тибо П. Эпоха диктатур. 1918–1947. С.103.

определенные отрасли и тем способствовать успеху всей экономики в целом.

Эти идеи были близки взглядам социал-демократов. Опирающиеся на профсоюзы «рабочие» партии социал-демократов время от времени приходили к власти в Германии, Швеции, Дании, Великобритании, Австралии и других странах, конструктивно сотрудничая с господствующими классами. Политики, представлявшие рабочее движение, были еще неопытны, им не удавалось удерживаться у власти в какой-либо стране в течение длительного времени. Они проводили политику социального партнерства, добиваясь компромисса между профсоюзами и предпринимателями. Формально социал-демократы выступали за создание в будущем социализма — общества, в котором нет господства капитала, социального неравенства и угнетения. Однако, приходя к власти в 20-е гг., социал-демократы не решались пойти на существенные реформы, их попытки регулировать экономику были очень осторожными и ограничивались прежде всего перераспределением прибылей капиталистического производства в пользу рабочих. В результате социал-демократы оказались настолько же неподготовлены к Великой депрессии, как и либералы.

Социал-демократы восприняли кейнсианские идеи и начали применять их в реальной политике. В Швеции на выборах 1932 г. победила коалиция социал-демократов и аграриев. В условиях бедствий депрессии социал-демократы были настроены на более решительные реформы, чем обычно. В 1933 г., то есть одновременно с началом экономических реформ Рузвельта, Гитлера и Муссолини, социал-демократы представили в рикстаг (парламент) свою программу реформ, которая включала улучшение системы пособий по безработице, проведение общественных работ, повышение пособий по старости и оказание государственной помощи крестьянам. Как видим, этот набор напоминал часть мероприятий Рузвельта. Основываясь на идеях Д. Кейнса, шведский экономист Г. Мюрдаль разработал дефицитный бюджет, который должен был «вытянуть» экономику, что со временем должно было позволить погасить дефицит. Полученные государством как бы в долг у экономики средства были направлены на организацию общественных работ и помощь пострадавшим от кризиса. В 1934 г. социал-демократы стали сворачивать общественные работы, так как они составили конкуренцию строительному бизнесу. Применение кейнсианства сначала не дало большого эффекта, так как для успеха новой стратегии нужно было выстроить новые институты. «Позднейшие исследования показали, что воздействие предпринятых финансовых мер на экономику Швеции было ограниченным»³⁸⁹. Значительно большее значение имел низкий курс кроны, что ухудшило социальное положение шведов, но позволило расширить экспорт и смягчило последствия кризиса. Несмотря на ограниченный характер социал-демократических реформ этого периода, они заложили основы «шведской модели» — сохранение частного бизнеса, но перераспределение его прибылей в пользу рабочих, безработных и других «слабых» слоев с помощью инфляции и налогов. Таким образом, в стране постоянно поддерживается массовый спрос на продукцию, что помогает смягчать последствия кризиса, опираясь на возможности внутреннего рынка.

Государственное регулирование все шире применялось не только в относительно развитых странах Европы и Северной Америки, но и в Латинской Америке. Здесь государственно-монополистическая система создавалась преимущественно авторитарными режимами, которые, однако, могли себе позволить не уничтожить

---

³⁸⁹ Создавая социальную демократию. Сто лет Социал-демократической рабочей партии Швеции. М., 2001. С.199.

легальную оппозицию, так как опирались на широкую и достаточно стабильную поддержку социальных низов. Президент Мексики Ласаро Карденас (1934–1940) национализировал нефтяную промышленность и железные дороги. Нефтяная компания «Пемекс», электроэнергетическая компания «Комисьон федераль де электрисидад» и железные дороги позволили создать мощный даже по европейским меркам государственный сектор. Продолжая аграрную реформу, начатую еще во время революции в начале века, Карденас передал 18 млн. га помещичьих земель крестьянским общинам. Карденас был не прочь продемонстрировать всему миру свою симпатию лево-радикальным идеям. Именно в Мексике нашел последнее пристанище Лев Троцкий. Правящая в Мексике с 1929 г. Национально-революционная партия (Партия мексиканской революции) опиралась на профсоюзы и организованное в общины крестьянство. Таким образом мексиканская модель этатизма сочетала традиционный для Латинской Америки авторитаризм с социальной демократией.

В Бразилии пришедший к власти в результате революции 1930 г. президент Ж. Варгас стал бороться с кризисом, создавая государственные учреждения (Институт сахара и алкоголя и др.), стимулировавшие производство и экспорт сельскохозяйственной продукции. Затем был создан сильный государственный сектор в промышленности, и Варгас приступил к созданию собственной промышленной базы Бразилии, которая могла бы ослабить зависимость страны от импорта промышленной продукции. Государственный сектор добился больших успехов в создании металлургии и электроэнергетики, модернизации транспорта. Было предпринято строительство первого в Латинской Америке крупного металлургического комплекса «Волта Редонда».

Варгасу приходилось то и дело отбиваться от вооруженных выступлений консерваторов, фашистов и коммунистов. Президент стремился опереться на профсоюзы и в то же время обеспечить напряжение всех сил рабочего класса ради решения задач импортозамещающей индустриализации. Диктатор решил заимствовать корпоративные идеи Муссолини, которые обеспечили ему авторитарный контроль над рабочими массами и в то же время позволили осуществлять социальные программы, способствовавшие стабильности в стране после установления режима «нового государства», близкого по структуре к итальянскому фашизму. Варгасу удалось добиться вывода страны из тяжелого кризиса. В условиях распада мирового рынка реформы Карденаса и Варгаса давали их странам шанс оказаться со временем в числе индустриальных обществ. Однако низкая конкурентоспособность латиноамериканской индустрии дала о себе знать после Второй мировой войны, по мере возрождения мирового рынка.

Этатизм, ставший приметой времени, без труда расцвел в сохранивших независимость странах Азии, политическая традиция которых основана на примате государства над обществом. Президент только что объединившегося Китая Чан Кайши пытался сочетать индустриальную модернизацию (насколько позволяли возможности разоренной страны) и бюрократический контроль над капиталом. Бюрократия получала свою долю с оборота капитала, прежде всего торгового, но не спешила направлять полученные средства на строительство промышленных предприятий. Более актуальны были затраты на армию. Режиму Чан Кайши угрожали японцы с одной стороны, и коммунисты, за спиной которых стоял СССР — с другой.

Положение народа в Китае оставалось тяжелым, беднейшие слои горожан и крестьян сочувствовали коммунистам. Уже в 1928–1930 гг. они смогли создать в горах

центрального Китая несколько «советских районов». Политическим руководителем самого крупного из них стал Мао Цзэдун. Чан Кайши предпринял несколько наступлений на «советские районы», но пока безуспешно. В 1934 г. гоминьдановцы выбили коммунистическую Красную армию из занятых ею районов. Казалось, что коммунистические отряды вот-вот будут разгромлены. Так и произошло с некоторыми из них. Но крупная колонна Красной армии во главе с Мао Цзэдуном сумела пробиться в пустынный северный район на стыке провинций Шэньси и Ганьсу, и в 1935 г. там был создан советский район, где готовился еще один вариант модернизации, потрясавший Китай уже во второй половине XX века.

На некоторое время Чан Кайши оставил Мао Цзэдуна в покое. Давление со стороны Японии становилось все сильнее. И причиной была все та же депрессия, когда «естественным выходом представлялось создание замкнутой хозяйственной сферы, что предполагало установление японского политического контроля в сырьевых районах, а также в районах сбыта японской продукции»³⁹⁰. В условиях кризиса Китай оставался главным рынком сбыта японского экспорта. В Японии рассматривалось два пути вовлечения Китая в свою экономическую орбиту. Первый: формально равноправный союз с Китаем против империализма стран Запада, борьба под лозунгом «Азия для азиатов!» за разрушение колониальной системы. В новой «Восточноазиатской сфере совместного процветания» Япония может занять место экономического гегемона, доминирующего на рынке. Но это — дело будущего. А депрессия резко сократила возможности для японского экспорта, и даже в Китае западные товары теснили японские. Поэтому более соблазнительным был второй вариант: отгородить для себя в Китае зону наибольшего благоприятствования.

18 сентября 1931 г. японские военные организовали диверсию в районе южно-китайской железной дороги, что было использовано как предлог для агрессии. Японская армия аннексировала Манчжурию, где 1 марта 1932 г. было создано марионеточное государство Манчжоу Го. Наиболее настойчиво против захвата японцами китайских провинций протестовали США. Нежелание Америки идти на умиротворение агрессора имело экономические причины. «В экономическом и финансовом отношении Китай с четырехсотмиллионным населением предоставлял беспредельные возможности для американских капиталовложений и торговли; американские промышленники и банкиры начали понимать это»³⁹¹, — с тревогой писал японский дипломат К. Иссии. Конфликт из-за китайского рынка вел к нарастающему конфликту между США и Японией, который в конечном итоге завершится войной. 7 января 1932 г. США опубликовали «доктрину непризнания» территориальных изменений на Дальнем Востоке. Слово издеваясь над американцами, 23 января 1932 г. японцы атаковали Шанхай, но на этот раз китайцам удалось отбиться. Этому способствовало и единодушное осуждение действий Японии другими империалистами, которые предпочитали эксплуатировать Китай совместно. Лига наций протестовала, но Япония как ни в чем не бывало вышла из этой международной организации 27 марта 1933 г. В этом же году Япония аннексировала еще несколько районов Китая, приблизившись к Пекину. Стремление Японии получить «свой Китай» в Манчжурии, Шанхае и других регионах страны закрывало

---

³⁹⁰ История Японии. Т.2. М., 1998. С.325.

³⁹¹ Иссии К. Дипломатические комментарии. М., 1942. С.89.

для японских товаров остальную территорию Китая. Чан Кайши начал кампанию борьбы с товарами агрессора, ориентируясь на западный импорт, что к радости американцев подрывало надежды «страны восходящего солнца» превратить Китай в свой экономический придаток. Япония, проводившая индустриализацию, все более остро нуждалась в китайском сырье. Теперь для Японии путь в Китай лежал только через большую войну.

Так, шаг за шагом, распад глобального рынка и поиски выхода из Великой депрессии ставили народы перед выбором — социальные преобразования в пользу массового потребителя, или война за внешние рынки.

По всему свету эпоха мирового господства капиталистической элиты сменилась временем гегемонии бюрократии, которая властно вмешивалась в руководство хозяйством даже там, где капиталистическая экономика сохранялась. Подъем либерализма, наступивший после победы Антанты в мировой войне, закончился. Наступало преддверие Второй мировой войны.

Процесс распада мирового рынка привел к наложению друг на друга нескольких исторических процессов. Произошел кризис индустриального сектора общества, оторвавшегося в своем стремительном развитии от аграрной периферии. Периферия не могла потребить все, что производила индустрия, жители мировой деревни были слишком бедны для этого. Мир вступил в период «нового средневековья», частичной натурализации хозяйства, «феодализации» экономических отношений. Но такая «феодализация» не могла быть глубокой, так как не распространялась на социально-экономические отношения внутри стран. Здесь распад глобального рынка вел к усилению национальной замкнутости, национального сплочения, характерного для начальной стадии развития индустриальных отношений. «Новое средневековье» как бы отбросило мир в XVI–XIX вв., в эпоху абсолютизма. Но такой «откат» не мог быть долгосрочным. «Новый абсолютизм» опирался на куда более развитый индустриальный сектор, чем в «Новое время», и торопливо ковал принципиально новые индустриально-этократические отношения. Слишком далеко по всему миру зашел процесс разложения традиционного аграрного общества. Обнищание миллиардов людей в результате Великой депрессии лишь усиливало это разложение.

Характерно, что наиболее мощное движение, направленное на восстановление ремесленного труда (гандизм в Индии), и то выступало не за возрождение традиционного общества, а за создание новой демократической и социалистической Индии. Ганди стремился поставить индустриальное развитие в гуманистические рамки, найти противовесы разрушительным последствиям индустриальной модернизации. Но вне Индии он был почти одинок.

Даже те лидеры общественных течений, которые уже осознали необходимость создания социально сбалансированной экономики, надеялись сдержать такие последствия экономического развития, как усиление бедности, за счет наращивания государственного богатства. А это, в свою очередь, требовало ускорения все того же экономического роста. Теперь за продолжение прогресса следовало платить разбуханием государственной мощи, нового абсолютизма.

Индустриальные структуры не могли остановиться в своем развитии, для этого индустриализм слишком динамичен. Миллионы технократов мира искали выход, чтобы двинуть вперед, снова запустить давший сбой механизм экономического роста. Главная проблема, связанная с этим — паралич прежней системы руководства индустриальной экономикой, финансового капитала. Как восстановить разорванные

связи? Более сложный путь, который предлагали идейные течения демократического социализма и синдикализма, означал налаживание прямых связей между предприятиями, не опосредованные мировым рынком и финансовым капиталом. Когда в 1936 г. эта модель станет воплощаться в жизнь в Испании, предприятия будут координировать свою работу с помощью и профсоюзных структур, и прямых связей между смежниками, и локальных рынков, и региональных государственных структур. Слабостью и достоинством этого пути был его плюрализм, множественность форм, преобладание равноправных, горизонтальных связей.

Более простой путь — полностью или частично заменить финансовую олигархию бюрократической. Этот выход больше соответствовал логике индустриального общества. Ведь развитие капитала вело к его укрупнению, концентрации, к преобладанию вертикальных управленческих связей над горизонтальными равноправными связями. Оставалось только увенчать корпорации структурой государственного управления и регулирования, ею же заместив образовавшиеся в результате кризиса «бреши». Этот путь синтеза капиталистической («монополистической») и этократической («государственно-социалистической», как в СССР) систем стал преобладающим ответом на вызов Великой депрессии. У него было только два недостатка. Он мог привести к тоталитаризму и мировой войне.

Связь бюрократизации экономики с тоталитаризмом, и тоталитаризма с войной достаточно очевидна. Но возросла бы угроза войны, если бы в мире возобладали многопартийные режимы, осуществляющие политику, подобную рузвельтовской?

Конечно, в этом случае шанс избежать Вторую мировую войну был бы выше, чем после прихода к власти в Германии нацизма. Но все равно тяга к войне после начала Великой депрессии была объективной повсеместно. Дело в том, что возвышение бюрократии над капиталом продолжает (а при тоталитаризме — венчает) тенденцию внутренней бюрократизации капитала, известную в марксистской литературе как «монополизация». Финансовые империи — частные государства в государстве, теперь входят в состав системы государственного управления экономикой. «Монополизация» была одним из факторов, которые вели к кризису. Усиление этого начала само по себе не могло преодолеть причины депрессии и предотвратить ее повторение.

Государство взяло на себя заботу о стимулировании спроса, перераспределяя часть ресурсов в пользу недопотребляющих слоев общества. Более равномерное распределение ресурсов в обществе, элемент социализма, способствует смягчению последствий кризиса капиталистической экономики. Но тоже не решает проблему. Нельзя вытянуть себя за волосы. Чтобы перераспределить ресурсы, нужно сначала где-то их получить. Американская экономика кануна депрессии была рассчитана на рост мирового спроса, а мир после Великой депрессии был перегорожен множеством барьеров, большинство государств Старого света стремилось к автаркии. Необходимо было расчистить мир (или хотя бы значительную часть мира) от этих барьеров, вовлечь в международные рыночные отношения новые массы людей в «третьем мире». Не беда, если при этом возникнут крупные разрушения. Восстановление разрушенного — огромный источник заказов, который может «запустить» новый экономический подъем. Также как и производство оружия. Спрос на войну становился главным «мотором» экономического возрождения. Это предопределяло скатывание мира в сторону военного варварства, которое стало допингом капиталистической

*

После начала мирового экономического кризиса 2008 г. мне часто приходится участвовать в дискуссиях на экономические темы. И вывод, который сохраняется, несмотря на различные трактовки деталей и нюансов — механизм кризиса принципиально повторился. Следовательно, уроки Великой депрессии не только позволяли нам прогнозировать будущий кризис, но и позволяют теперь предвидеть перспективы происходящего.

Депрессия вызвана исчерпанием возможностей роста поздне-индустриальной цивилизации, которое в 90-е гг. было основано на экономико-политическом глобализме, компьютерно-коммуникационных информационных технологиях, нефтегазовом сырьевом источнике и виртуализации потребительских продуктов. Теперь на этой основе восстановить хозяйство не удастся. Особенно печальна участь сырьевых приращков, даже «великих энергетических держав». А значит, грядут социальные перемены, которые обеспечат новый социальный заказ на новую социально-технологическую основу экономики. В начавшемся кризисе будут свои острые фазы и частичные «просветления», но мы вступаем в новую длительную эпоху потрясений, которая требует и от народов, и от каждого человека активных действий и сложного выбора. Из кризиса можно выйти разными путями. Или за счет мобилизации внутренних ресурсов в пользу технологического сверх-проекта («по-сталински»), что чревато голодом, тоталитаризацией и массовым кровопусканием. Или за счет конфронтации с соседями, развития ВПК, колониальной сверхприбыли («по-гитлеровски» и отчасти по-американски). Но и это чревато колоссальными жертвами, объединением против страны агрессора широкой коалиции и новым Нюрнбергом для «зачинателей». Или за счет социальных преобразований в пользу массового потребителя, за счет изменения стиля жизни населения, развития ее качественных, а не количественных показателей, привлечения людей к решению касающихся их вопросов с помощью самоуправления и самоорганизации. Поиски в этом направлении вели и Америка времен Рузвельта (хотя иногда и вопреки президенту), и Швеция, и Индия, и титовская Югославия, и левые силы Испании времен Народного фронта. В XXI в. для этого пути открываются новые социально-культурные и технологические возможности. Но не меньшие возможности открываются для информационного манипулятивного тоталитаризма и межэтнической конфронтации в глобальных масштабах. Человечество снова, как и в период Великой депрессии стоит перед выбором — путь к новым, более солидарным формам социальной организации, или сползание в варварство и казарму нового типа. Исход выбора в каждой стране зависит от ее жителей. И не говорите потом, что вас не предупреждали.

Приложение **Предупреждение и преодоление**

Святослав Забелин, Александр Шубин

---

³⁹² О развитии предвоенной ситуации и начальном этапе Второй мировой войны см: Шубин А. В. Мир на краю бездны.

Глобальный кризис начала XXI века

Западная цивилизация идет по стопам СССР

Прошло почти десять лет с тех пор, как был провозглашен «конец истории», но уже вполне очевидно, что история следующего столетия будет не менее бурной, чем история нынешнего. Модели и прогнозы известных футурологов Олвина Тоффлера, Пола Кеннеди и экспертов Римского клуба Донеллы и Денниса Медоузов и Йоргена Ренгерса, равно как здравый смысл, говорят об этом. Процессы бурного роста народонаселения планеты и промышленного производства, с одной стороны, и загрязнения окружающей среды, бедности и преступности — с другой, характерные для XX века, приближаются к критической грани.

Более того, события последних двух десятилетий показывают, что опубликованные предсказания нуждаются в существенной корректировке. С учетом наблюдаемого ускорения всех социально-экономических и политических процессов, в первую очередь процессов глобализации экономики и перетока реального влияния из структур государственной власти в руки руководства транснациональных корпораций, можно было предполагать, что в кризисную эпоху вошло бы децентрализованное и в значительной степени разгосударственное человечество.

ЗИЯЮЩАЯ ВЫСОТА

Однако множится информация, которая подтверждает догадки, что предсказанные тенденции реализуются значительно быстрее, что меняет их характер и последствия. Все более очевидно, что показатели экономического развития в мире отражают не столько физический рост производства, сколько рост цены акций ведущих компаний. Другими словами, на вершине кривой экономического роста мы не окажемся (будущее время) в 2010–2020 гг., как предсказывала модель World3 Римского клуба, а уже оказались (настоящее время) в годах 1995-2000-м, и глобальный системный, в том числе социально-экономический, кризис, подобный системному кризису СССР, может разразиться буквально в любой день. Если лидеры ведущих стран мира проявят виртуозное искусство принятия максимально эффективных решений, возможных в сложившихся условиях, то вползание мировой экономики в системный кризис растянется на первое десятилетие века. Но удержать этот процесс уже нельзя. Политический, технологический, психологический, экологический фон кризиса в 2008 г. существенно отличается от фона, предвидимого после 2020 г., множеством параметров, в том числе:

- меньшей численностью населения планеты;
- меньшей степенью замены власти государств на власть транснациональных корпораций;
- меньшей разоруженностью государств;
- меньшей поврежденностью природных экосистем;
- меньшей развитостью электронной информационной инфраструктуры;
- меньшей нарушенностью национальных культур;
- меньшей организованностью альтернативных общественных движений.

Поэтому и последствия кризиса будут существенно другими, в том числе в еще большей степени подобными последствиям кризиса в СССР, который являлся первой

развитой индустриальной страной, пережившей полномасштабный кризис пределов роста.

РАСПАД СССР — МОДЕЛЬ БУДУЩЕГО СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Судя по всему, человечеству повезло, поскольку Российская империя в лице СССР явила миру мягкий вариант того, что в начале XXI века и в гораздо более суровом виде неизбежно будет переживать все человечество. У мира есть шанс на зримом и конкретном примере изучить российские уроки. События, которые привели к крушению социально-политической и социально-экономической структур СССР, можно рассматривать как сложение нескольких кризисов пределов роста в относительно изолированной от мировой экономики системе, которой и была наша страна.

Во-первых, это был кризис пределов роста цены, которую общество может заплатить за изъятие природных ресурсов, описанный еще в 1972 г. моделью World3 коллектива авторов, готовивших доклад «Пределы роста» для Римского клуба. Моделирование показало, что, когда месторождения начинают истощаться, «становится необходимым использование все возрастающих объемов капитала в ресурсных отраслях. Наконец, инвестирование становится настолько малым, что уже не может покрывать даже амортизацию капитала, и наступает кризис промышленной производственной базы», что и было характерно для советской экономики 80-х. На фоне роста стоимости добычи правительство СССР и средства, полученные от эксплуатации ресурсов, расходовало отнюдь не на модернизацию экономики, а иллюзия неисчерпаемости ресурсов обусловила невостребованность технических решений, способных повысить эффективность их добычи. Это привело к технологической хрупкости системы: пока ресурсы были в изобилии, обновление технологий шло медленно, преобладало экстенсивное развитие. Когда усилились трудности в получении ресурсов, средств на необходимое технологическое обновление уже не оказалось. Советский Союз в соответствии с моделью действительно пришел к перестройке с устаревшими технологиями и изношенными (в некоторых отраслях на 70-8%) основными производственными фондами. Несмотря на большую эффективность капиталистической экономики, чем экономика СССР, в настоящее время и мировое хозяйство приблизилось к кризису инвестиций. Спрос на сырьевые ресурсы, а вслед за ним и цены падают, реальные издержки на добычу тех же ресурсов растут, а следовательно, средств на дальнейшее развитие индустриальной экономики становится все меньше. Возможности экстенсивного развития западной цивилизации подходят к пределам исчерпания, а энергоэффективное обновление технологии не было осуществлено. Результат может быть тот же, что и в СССР.

Во-вторых, советскую экономику погубил кризис пределов роста денежной массы, кризис пределов роста скрытой инфляции в замкнутой финансовой системе. В 1992 г., когда денежный пузырь лопнул, страна оказалась в долгах, а каждый ее гражданин — без накопленных сбережений. Как показывает разразившийся в конце 1997 г. финансовый кризис в Тихоокеанском регионе, объем финансовых обязательств в мире значительно превышает реальные объемы производства. Это значит, что мировой финансовый рынок может лопнуть в любое время, равно как и наиболее устойчивые валютные системы.

В-третьих, это был кризис пределов роста загрязнения окружающей природной среды по отношению к возможностям человеческой популяции его переносить, выразившийся в катастрофическом снижении иммунного статуса популяции, усилении болезненности новорожденных, снижении продолжительности жизни, росте смертности и сокращении населения. Несмотря на локальные экологические успехи, связанные с вытеснением части вредных и опасных производств из развитых стран, мировая индустрия также усиливает свое разрушительное воздействие на человека и его среду обитания.

В-четвертых, это был кризис пределов роста сложности управляемой системы по отношению к управляющей системе, кризис бюрократического и менеджерского принципов управления, противостоящих самоуправлению и самоорганизации. Мировая социалистическая система давления представляла собой крайнее в XX веке выражение строго иерархической системы управления обществом в целом, системы управления, где окончательное решение в конце концов зависит от способности одного человека выбрать оптимальный вариант из имеющегося или предложенного на выбор множества. Когда речь идет об учете интересов или об управлении поведением ста или тысячи субъектов (людей, предприятий, батальонов), это еще возможно при условии, что принимающий решение умен и опытен, а его помощники, предлагая варианты, как минимум не ищут личной выгоды. Когда субъекты исчисляются миллионами и миллиардами, никакой мозг не способен принять объективно взвешенное решение. Он может его угадать, но чем сложнее ситуация, тем реже происходит угадывание.

Результат — все более полное отчуждение управленческой иерархии от объекта управления: живых людей и их среды обитания. Теряется обратная связь с низами, расширяются возможности для злоупотреблений. Монополизация и бюрократизация затрудняют реагирование системы на внешние вызовы. В итоге в поисках стабильности или во имя выживания слагающих ее элементов система управления начинает дробиться на более простые самоуправляемые подсистемы. Каждое неэффективное решение руководства создает угрозу катастрофического обострения внутренних противоречий системы и ее распада. Одним из результатов кризиса системы управления стал распад СССР на составлявшие его части: на бывшие республики, превратившиеся в суверенные страны, а также на ведомства, на базе которых стали формироваться промышленные корпорации, такие, как «Газпром», РАО «ЕС России» и т. п. Уже в начале перестройки объективно они были почти самостоятельными субъектами управления со своими интересами, которые и отстаивали в борьбе с другими аналогичными субъектами.

Важно отметить, что политико-управленческий распад сопровождается усилением роли средств массовой информации и информационных технологий в управлении децентрализующимся социальным пространством. В современном мире управляющие центры транснациональных корпораций при несколько большей гибкости, чем коммунистическое руководство, значительно сильнее отчуждены от объектов управления, разбросанных по всему миру, и их среды существования. Доминирующие в мире управленческие системы чужды самоуправлению, сильно бюрократизированы и чрезвычайно монополизированы, что определяет крайнюю хрупкость мировой экономики.

Одним из результатов кризиса системы управления в СССР и России стало резкое сокращение числа функций, осуществляемых государственной властью, в виде ее

самоосвобождения от большинства дотоле обычных функций социального обеспечения населения (образование, здравоохранение и др.), а также от функций обеспечения законности и правопорядка. Тенденции в направлении отказа от социального государства налицо и в нынешнем «первом мире».

Различные составляющие многостороннего кризиса, вызвавшего бурные социальные потрясения в СССР, спровоцировали острый социально-психологический кризис ожиданий. Население ждало улучшения положения, дальнейших успехов в развитии своей социальной системы и могущественной страны, преодоления «отдельных временных недостатков». Социально-экономический кризис вызвал острое недовольство и всплеск массового гражданского протеста, а развал сверхдержавы — всеобщий шок и рост экстремизма. Страна была на пороге гражданской войны, а на периферии империи и на короткий момент даже в Москве гражданская война стала фактом. Сбой в социально-экономическом развитии индустриально-развитых стран Запада и их внешнеполитические неудачи неизбежно вызовут подобный кризис. Учитывая, что американцы или итальянцы не обладают традиционным для россиян долготерпением, этот кризис может вызвать настоящую революцию на Западе.

Все причины этих кризисов, приведших к катастрофе системы СССР, действовали и продолжают действовать в глобальной системе; органической частью которой стали осколки социалистического лагеря. И скорее рано, чем поздно, эти кризисы обрушатся на мировое сообщество столь же «неожиданно», как на СССР.

Предлагая рассматривать СССР как модель кризиса пределов роста, мы не забываем об особенностях и отличиях функционирования западной модели индустриальной системы. Несмотря на хрупкость этой системы, ее отчуждение как от природы, так и от человека как личности, она могла динамично развиваться (обеспечивать экономический рост) либо за счет постоянного притока ресурсов, либо за счет роста эффективности их использования. Рост эффективности, как правило, запаздывает по отношению к потребностям системы, тем более что материальная эффективность часто обеспечивается за счет большей эксплуатации человеческих ресурсов, что снижает совокупную эффективность.

Однако, обладая значительной гибкостью, западные модели индустриального общества могли преодолевать пределы в одних сферах за счет других и, столкнувшись с локальными пределами роста, продуцировать возникновение альтернативных индустриализму отношений. Так, в 60-е гг. XX века Запад столкнулся с серьезным кризисом индустриального общества, детонатором которого было как раз сопротивление человеческого материала. Западная элита пошла на некоторые уступки обществу, немного снизив масштабы авторитаризма и отчуждения между людьми в социуме. Снижение отчуждения привело к тому, что в обществе более заметную роль стали играть альтернативные индустриализму отношения, основанные на самоуправлении, на самоорганизации творчества и труда. Это повысило порог прочности индустриальной системы и позволило эффективно преодолеть сырьевой кризис 1973–1975 гг., также прибегнув к нехарактерным для индустриализма (постиндустриальным) возможностям роста эффективности, например, децентрализации энергоснабжения для перехода к «даровым» видам энергетики. Можно сказать, что Запад преодолел системный кризис индустриального общества по частям. В то же время относительно безболезненное преодоление кризиса индустриального общества на Западе привело к тому, что эта форма индустриализма

(государственно-монополистический капитализм), интегрировав постиндустриальные формы и отношения, не претерпела качественных изменений. В результате логика индустриального общества продолжает доминировать, что после установления гегемонии Запада в мире может привести на этот раз к глобальному кризису.

Советский Союз, в силу того, что он представлял собой крайнюю форму индустриального общества, где перечисленные выше черты были максимизированы, а сама система отличалась негибкостью, первым в истории столкнулся с синхронизированным пределом эксплуатации как человеческих, так и природных ресурсов и пережил всеобъемлющий кризис индустриального общества.

ВСЕОБЩАЯ КАТАСТРОФА

Исходя из сказанного, можно прогнозировать несколько наиболее очевидных проявлений глобального кризиса.

При любом варианте развития событий представляется неизбежной глубокая демобилизация индустриальной экономики. Если кризис случится в ближайшее время, следует ожидать стремительного восстановления и укрепления всех межгосударственных границ и барьеров, усиления контроля властных структур над подотчетными территориями, т. е. обратного распада мира на множество замкнутых государственных экономических систем с разной степенью самообеспечения и политического плюрализма. По мере дополнения директивного управления информационным сформируются влиятельные региональные общности и надгосударственные элиты, символизирующие новые общности, например, Евросоюз, Североамериканский, Латиноамериканский, Евразийский (на территории части бывшего СССР) союзы, позднее — Индийский, Арабский и Китайский союзы. Это может привести к кардинальному изменению политической карты мира за счет «самосборки» сообществ снизу.

При любом варианте развития кризиса на примере СССР нетрудно предсказать исчезновение мирового рынка и экономическую катастрофу большинства производств (а значит, и государств), ориентированных на экспорт, а также производств, образованных предприятиями, разбросанными по разным странам.

Если кризис произойдет в ближайшее время, достаточно очевидным представляется резкое падение влияния всех международных органов, начиная с ООН и кончая Всемирным банком, а также снижение роли международного права, валютно-финансовых институтов и др. Напротив, отдаленный во времени кризис мог бы вызвать к жизни идею мирового правительства и/или парламента как спасительную для уже единого человечества. В этих условиях важно не допустить распада информационной инфраструктуры мира.

Оправдываясь кризисной ситуацией, государственная власть большинства стран ускорит начавшееся уже освобождение от всех обязательств по социальной защите граждан, содержанию образования, науки и здравоохранения, которые были ей приданы в последние сто лет, сосредоточившись на усилении и совершенствовании силовых и полицейских структур, в том числе структур насилия над собственным населением. В случае поражения сил социального сопротивления этому процессу это приведет не только к установлению в большинстве государств авторитарных режимов, но и к фактической потере достижений науки последних столетий, а скорее всего к

отрицанию самой науки как основы организации жизни и управления обществом и замене ее в массовом сознании системой постмодернистских мифов. Однако существует шанс оказать эффективное сопротивление этим процессам на локальном уровне, опираясь на возможности общественных структур взять на себя часть государственных функций.

Неравенство возможностей быстрой организации самодостаточной экономики должно вызвать всплеск вооруженных международных конфликтов за новый передел мира, способных спровоцировать масштабные экологические катастрофы.

Маловероятное мирное развитие событий сулит отравление биосферы не радиоактивными и химическими веществами, а простым углекислым газом, поскольку технологический откат не изменит тенденций использования углеводородного топлива, запасы которого еще далеки от исчерпания, что будет означать эскалацию процессов антропогенного изменения климата, которое может быть предотвращено упадком глобального производства бумаги и связанной с ним торговли лесом.

Хотелось бы, конечно, чтобы развитые страны, от поведения которых в значительной степени зависят сроки и масштаб кризисов, примерили этот сценарий на себя. И, если они такого себе не желают, сделали бы выводы. Но это маловероятно.

В случае кризиса целостность всей социально-экономической конструкции может быть нарушена, индустриальные и постиндустриальные формы общества будут выходить из кризиса совершенно по-разному (это подтверждает и опыт СССР). Если страны Запада в некоторых отношениях (но не в отношении кризиса пределов роста) обгоняют СССР, то мир в целом отстает от него, так как большинство населения планеты еще только переходит к индустриальному обществу. Это неизбежно приведет к серьезным диспропорциям и конфликтам, в которых вырвавшиеся вперед страны реально занимают гораздо более слабые позиции, чем в СССР. Это создает угрозу эффекта Римской империи, когда ослабленная метрополия мира может и не устоять под напором извне. Россия в этом случае может сыграть роль крепкого тыла Европы, только если успеет оправиться от нынешних болезней.

Таким образом, человечество стоит перед лицом многопланового кризиса, включающего:

— кризис роста позднеиндустриального общества, отчасти повторяющий кризис индустриального общества СССР;

— социально-демографический кризис «третьего мира», чреватый конфронтацией между цивилизациями;

— коллапс глобальной экономики, связанный с усилением глобального экологического кризиса.

При этом доминирующие ныне государства обладают меньшим запасом прочности, чем постсоветские страны, поскольку дальше ушли по пути общества потребления, оторванного от ресурсной базы. В то же время современный мировой порядок также обладает меньшей прочностью, так как доля населения, живущего в развитом индустриальном обществе, в этой системе значительно ниже, чем была в СССР. Поэтому разрушительные военно-политические катаклизмы могут не ограничиться периферией системы.

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ — К ЗВЕЗДАМ

Цивилизация будущего, отрицающая современное индустриальное общество, должна нести в себе нечто, качественно отличающее ее как от индустриального общества, так и от традиционного при возможном частичном сходстве с обоими. Иначе кризис человечества станет перманентным и сможет завершиться только после физического вымирания духовной и интеллектуальной элиты. Чтобы обнаружить это новое качество, для начала необходимо обратиться к теории постиндустриального информационного общества. Теоретик информационного общества Олвин Тоффлер справедливо писал, что ближайший исторический рубеж «так же глубок, как и первая волна изменений, запущенная десять тысяч лет назад изобретением сельского хозяйства... Вторая волна изменений была вызвана индустриальной революцией. Мы — дети следующей трансформации, третьей волны», Тоффлер перечисляет такие черты новой формации, как демассивизация и деиерархизация цивилизации, деконцентрация производства и населения, резкий рост информационного обмена, сближение производства и потребления, полицентричные, самоуправленческие политические системы, экологическая реконструкция экономики и вынос опасных производств за пределы Земли, индивидуализация личности при сохранении солидарных отношений между людьми, которым в информационную эпоху почти «нечего делить», космополитизация и др.

Эта концепция, во многом базирующаяся на антиавторитарной социалистической традиции от анархизма до новой левой идеологии, не вполне соответствует тем тенденциям общественного развития, которые можно наблюдать в мире конца XX века, например росту этнического самосознания как частного случая корпоративности, отмирающей, по мнению Тоффлера, вместе с нациями. Картина, нарисованная Тоффлером, не столько утопия (поскольку за каждым положением его работ — примеры реальных ростков сегодняшней жизни), сколько модель зрелого информационного общества, идеала, соответствующего мечте о коммунизме, анархии, а может быть, и царстве Божием на Земле в современной интерпретации.

По мнению Тоффлера, переход непосредственно к этому обществу («третья волна») начался и бурно протекает. Это верно, но только отчасти. Развитие общества нелинейно, и мир движется к пику новой формации через эпоху, которая может так же отличаться от развитой формы, как Европа XVI века от Европы XX века. Характерной чертой концепций постиндустриального общества является миф о том, что новые информационные технологии сами решат стоящие перед человечеством проблемы. Основа этой надежды — вера в детерминированность социальных форм технологией и экономикой. Увы, мировая история плохо соответствует такой доктрине. Общественное устройство может не только тормозить развитие технологий, но и приспособлять принципиально новые технологии для нужд самосохранения системы, подавления ростков новых отношений, военного господства и т. д. Это происходит и сегодня.

Новые информационные технологии создают предпосылки для качественного изменения общества и выхода из тяжелого кризиса, в котором оказалось человечество. Но предпосылки, потенция — еще не реальность. Хотя современный уровень развития науки и техники позволяет добиться приемлемого уровня жизни при значительном снижении затрат ресурсов, внедрение таких технологий идет крайне медленно, поскольку социальная и экономическая система не стимулирует их. Она равнодушна, если не враждебна к таким технологиям, поскольку ориентирована на потребление дешевых ресурсов, концентрацию населения и производства. Как показывает модель

СССР (с указанными поправками), когда экономические условия изменятся, внедрение новых энергоэффективных технологий будет гораздо более хлопотным делом, чем сейчас. Более того, развитие информационного сектора в позднеиндустриальном обществе показывает, что существующие социальные институты пытаются как можно прочнее привязать информационные сектора к структуре современного общества, в результате чего возникает монстр информационной индустрии — машина виртуального манипулирования массовым сознанием, управляемая из единого центра, хотя в соответствии с предсказаниями Тоффлера информационные технологии уже сами по себе ведут к децентрализации власти.

Все это позволяет сделать вывод: информационные технологии нового поколения сами по себе не гарантируют выход из кризиса современной цивилизации. Они создают лишь поле, в котором может произойти преодоление кризиса. Золотые плоды информационного общества вызрели на уродливом дереве индустриальной цивилизации и могут быть сорваны человечеством, а могут и сгнить вместе с деревом. Суть конструктивной трансформации общества — в преодолении качественных характеристик как традиционной, так и индустриальной систем. Традиционное общество ориентировано на воспроизводство существующих форм жизни. Индустриальное общество делает качественный шаг от этого — оно основано на массовом копировании результатов творчества элиты. Создавая небывалые прежде возможности для творчества элиты, индустриализм превращает остальное человечество и природу в инструмент проведения замыслов немногих «творцов», которые поглощены инерцией машины, основанной на копировании, штамповке созданных ранее шаблонов. Мир идет по пути их совершенствования и навязывания новых видов старых шаблонов населению. Инерция этой машины слишком велика, чтобы ее можно было остановить. Но она вот-вот разрушится под собственной тяжестью. Выход может быть найден в отказе от принципа массового воспроизводства по шаблону. «Золотые плоды» индустриального общества — информационные технологии, культура гражданского общества и самоуправления, опыт ненасильственного разрешения конфликтов и т. д. — могут быть использованы теми, кто готов переступить через главный принцип индустриализма — управление со стороны элиты узкоспециализированными тружениками. Крушение индустриальной цивилизации легче всего переживут те, кто меньше в ней нуждается, кто готов в сообществе с себе подобными стать собственной элитой, взять на себя роль творца, творить свой малый мир в сообществе с другими мирами. Этого нельзя делать в одиночестве — творческий человек не может обойтись без общения, да и наследие специализации не позволит «выплыть в одиночку». «Ноевы ковчег» новой цивилизации — альтернативные сообщества — должны взять на борт современного человечества «каждой твари по паре». Им необходимо держать тесную связь между собой, предупреждая о социальных бурях, поддерживая тонущих и тем самым повышая свой шанс достичь Арарата. Строительство сообществ, альтернативных современной «глобальной цивилизации», уже идет, хотя и недостаточно быстро. Необходимо объединение усилий тех, кто готов быть социальным творцом, изменяя свой образ жизни. На этом пути важно удержаться от экстремистской страсти к разрушению. Не нужно ломать символы старого — они уйдут сами. Отказываясь от сковывающих формальных связей, следует дорожить человеческими отношениями, основанными на любви и дружбе. Здесь необходимо руководствоваться принципом «не навреди». Больше человеческого тепла и равноправных связей (пусть и

электронных), больше размышлений в общении с друзьями, больше самостоятельности в обеспечении, больше внимания детям и природе. И тогда человечество выйдет из кризиса не одичавшим до уровня средневековья, а способным к дальнейшему развитию духа.

КОНФЛИКТ XXI ВЕКА

Кроме ковчегов, в бурном море будущего века будет плавать немало обломков, плотов с несчастными, пиратских бригав и роскошных яхт. По нашему опыту, существует немало сил, для которых предсказываемое развитие событий по кризисному сценарию объективно приемлемо и даже благоприятно. Это почти все структуры организованной преступности. Это производители низкотехнологичного оружия поля боя, спрос на которое будет расти. Это любые организованные структуры и группировки, ориентированные на установление авторитарного контроля над населением. Это экстремистские организации и движения, мечтающие о дестабилизации нынешнего мирового порядка ради силового установления нового, основанного на какой-либо ясно очерченной тотальной идее: религиозной, социальной, расово-национальной. Это информационные магнаты, использующие мощные СМИ для управления распадающимся социальным пространством. Им может противостоять гражданское общество, опирающееся на ту часть среднего класса, которая готова выйти из подчинения крупного капитала и мафиозных систем. Это слой людей, которые готовы руководить собой, чье главное достояние не капитал и рабочая сила, а знания и квалификация. Они компетентнее управленцев, сами творят полезный продукт, в значительной степени информационный: новые технологии, услуги, впечатления, идеи. Уже сегодня эта сфера производства опережает по стоимости промышленное производство. Такой средний слой заинтересован в самоуправлении и сильном гражданском обществе. Ядром этого гражданского общества может стать сеть поселений и объединений социальных творцов. Сегодня гражданские организации слабы, зависимы и пронизаны иллюзиями. Но кризис, разрушающий современный мир, будет действовать на них благотворно: лишнее в системе «третьего сектора» без грантов и государственной помощи просто отомрет, иллюзии будут опровергнуты суровой реальностью, общественная потребность в гражданских организациях вырастет. У них есть путевка в будущее, потому что им не хватает денег на билет на «Титаник». И если мы сегодня будем активны и творчески деятельны, то, может быть, после первых трагических десятилетий века его продолжение будет вписано в историю как благодатный период возрождения.

Этот период, который будет характеризоваться бурной деиндустриализацией, сопровождающейся стремительным развитием технологий, массовым освоением электроники и новых типов коммуникаций, ростом информационного сектора, укреплением социальных гарантий со стороны общественных, а не государственных институтов, преодолением экологического кризиса в результате подстраивания под среду, исходом населения из городов в поселения, состоящие из коттеджей, насыщенных аппаратурой, позволяющие вести не менее яркую, но более осмысленную, чем сейчас, жизнь. Информационная глобализация, которая может прийти на смену нынешней хозяйственной, позволит наконец согласовывать интересы различных регионов и культур, сближать лучшее в них, преодолевая агрессию и

деспотизм. Власть партийных и государственных бюрократий будет вытеснена самоуправлением и реальной демократией, благо технологии позволят без особых проблем и отчужденного представительства выявлять мнение различных групп населения и их удельный вес. Человечество, не потеряв своей полифоничности, сможет перейти к решению проблем, стоящих перед землянами как целым.

Эта картина кажется утопией. Но, во-первых, это лишь оптимум, который возможен культурно и технологически только при условии успешного исхода драматических событий начала века. Во-вторых, современное западное общество казалось бы утопическим раем жителям средневековой Европы, вечно голодной и скованной железным обручем инквизиции, а бедствия середины XX века — непостижимым адом. Общество человека творческого имеет шанс решить проблемы современного человечества, но это значит и приобрести свои проблемы, нам еще плохо понятные. Модель зрелого творческого (информационного) общества, вероятно, будет основана на свободных ассоциациях производителей информации; регулируемых неким подобием центра, авторитет которого будет опираться прежде всего на превосходство знания. Вероятно, стратификация этого общества будет определяться уже не столько социальными признаками, сколько психологическими. Соответственно и динамика сил будет далека от привычной нам социальной логики. Это будет динамичная борьба сил добра и зла в информационном пространстве, так же смутно осознаваемая нами, как и автором Апокалипсиса. Страшно делать шаг навстречу этому миру. Но необходимо решиться на это ради того, чтобы мы, наши дети и внуки решали свои проблемы, а не проблемы наших дедов.

Худшее, что можно сделать, это продолжать то же, что и вчера-позавчера, в святой надежде, что пронесет или образуется само собой. Не пронесет и не образуется. В следующий кризис мы имеем все возможности войти подготовленными, вооруженными необходимым знанием и пониманием. И если мы не подготовимся, то даже переложить вину за следующий виток страданий будет уже не на кого. Самое большее — это начать вести себя разумно, то есть пытаться объединять тех, кто понял или способен понять и действовать хотя бы на уровне взаимной известности, информированности и доверия. **Организация сотрудничества единомышленников — это единственный шанс разумного выхода из цивилизационного кризиса.** Оглядываясь на полтора-два десятка прошедших лет, мы имеем основание сказать, что следующий виток кризиса преодолим, если подготовка к нему станет осознанной задачей хотя бы части населения, если социально активные граждане поймут, что с учетом прожитого можно прийти к кризису во всеоружии новых связей, новых отношений, таких, которые помогут пройти сквозь катаклизмы, сохранив лучшее, что создано нашей цивилизацией. Чтобы сделать это, не нужно творить чудеса. Детали конструктора, из которого строится новая цивилизация, рассыпаны по Земле: надо только наклониться, чтобы поднять их, надо только объединиться, протянуть друг другу руки, чтобы вовремя сложить их вместе. Если нагнется каждый, то мы можем и не заметить, как волны истории унесут в пучину ошибки и заблуждения, грязь и гордыню нашего мира, как однажды утром мы обнаружим себя на другом берегу.

Независимая газета

Октябрь, 14. (№ 191).

НГ-Сценарии № 10. 1998. С.7.

Кризис глобализма

Беспредельный рост глобальной экономики при ограниченности ресурсной базы невозможен. Современная экономика либо должна кардинальным образом перестроиться (а это в любом случае связано с большими потрясениями и хотя бы временным упадком), либо достигнуть пределов роста своего развития и войти в полосу кризиса и распада глобальных экономических связей (но не глобальных коммуникаций, которые будущее унаследует от нынешней глобализации). Предыдущая глобализация уже привела к Великой депрессии в конце 20-х — первой половине 30-х гг. XX века.

(...)

Глобальные кризисы человечества тесно связаны между собой. Быстро растущие потребности людей, вовлеченных в общество потребления или проинформированных о его достижениях, слишком сильно опережают возможности человечества и его ресурсную базу. «Мировые правительства» транснациональных корпораций, сосредоточенные в развитых странах, не справляются с управлением слишком сложным мировым хозяйством. Появление новых индустриальных стран увеличивает нагрузку на ресурсную базу. Уже сегодня в основном исчерпаны резервы глобального роста, связанные с освоением пространства бывшего СССР.

(...)

В случае наступления глобального экономического кризиса, подобного Великой депрессии, произойдет разрушение экспортно-ориентированных производств, и наибольшие перспективы получат те страны, которые смогут восстановить технологическую цепочку на своей территории. Долгосрочные возможности глобального роста может обеспечить лишь начало новой НТР.

(...)

XXI век начинался как глобальный. Соответственно, империя, которая в этом мире существует или формируется, это империя не американская и не европейская. Это империя, которая имеет глобальную структуру. В ней существует глобальная элита. Ее штабы располагаются преимущественно в странах Запада, там им удобнее существовать. Но не только. Есть представители этой элиты и в других странах, в том числе и в странах Третьего мира. В этом отношении, например, мы можем говорить о взаимоотношениях России и Америки только условно. Есть отношения правящих групп этих стран, но в каждой из них действуют влиятельные силы, играющие против собственных правителей на глобальном поле.

Сегодня борьба идет не между государствами, не между США и Евросоюзом, а внутри Америки, внутри Европы. В глобальном мире будет продолжаться ослабление национально-государственной субъектности даже в ведущих державах. В то же время может возрасти цивилизационно-культурная субъектность (в том числе — общности выходцев из СССР). Значительным фактором может стать захват руководства транснациональных корпораций топ-менеджерами, принадлежащими к одной цивилизационной или религиозной группе (например, китайцами, арабами, индусами) и изменение ее курса в соответствии с их мировоззренческими принципами.

В глобальном мире происходит снижение реальной роли публичных политиков в принятии решений, которые вырабатываются специализированными экспертными структурами и осуществляются под давлением глобальных факторов. Происходит виртуализация политики, при которой политический процесс воспринимается населением как телевизионная картинка (в реальности не имеющая никакого отношения к выработке решений). При этом деловые качества политика отходят на задний план в сравнении с имиджевыми чертами характера, вызывающими доверие. Символические функции политики расходятся с реальным процессом принятия решений.

Политическая борьба в начале XXI века носит глобальный характер и определяется двумя основными группировками мировой либеральной элиты — **социал-либеральной** и **неоконсервативной**. В странах Европы и Северной Америки (кроме Кубы) правящие группы принадлежат к одной из этих «глобальных партий». У них две разные стратегии, два ответа на проблему исчерпания ресурсов. Социал-либеральная стратегия предполагает стабилизацию роста, смягчение социальных конфликтов, снижение социального расслоения, что дает определенную экономию ресурсов.

Неоконсерваторы стремятся более жестко контролировать ситуацию, чтобы «заморозить» кризис, используя рычаги силового воздействия на ситуацию в мире.

Неоконсерваторы стремятся к усилению национально-государственной субъектности, социал-либералы при прочих равных условиях предпочитают «прозрачность» государственных границ и государственных структур для управления извне, из транснациональных центров.

Неоконсерваторы склонны разрушать низовые социальные нерыночные отношения и укреплять бюрократическую машину национального государства. Социал-либералы предпочитают укреплять глобальные вненациональные структуры управления, но и более терпимы к остаткам социального государства.

Если у власти в какой-либо стране находится группировка, входящая в социал-либеральную «глобальную партию» (при этом национальная партия, являющаяся ее филиалом, может называться как угодно, не обязательно иметь социал-демократическую самоидентификацию), то с ней борется филиал другой «глобальной партии». При этом для этой борьбы «все средства хороши» — от «бархатных революций» до терактов, осуществляемых в интересах той или иной глобальной фракции.

(...)

В случае крушения глобального рынка позиции глобальной либеральной элиты будут значительно ослаблены, и резко возрастет роль внутринациональных политических факторов и региональных вызовов. Несмотря на рост авторитарно-националистических тенденций в этих условиях, фактор «глобальных партий» сохранится, так как сохраняются глобальные коммуникации. Но количество влиятельных «глобальных партий» значительно возрастет. Выдвижение альтернативы господствующим идейно-политическим системам возможно и в существующих условиях.

(...)

В истории человечества выделяются две фазы (условно говоря, «формации»), резко различающиеся по своим фундаментальным чертам — традиционное (аграрное) и индустриальное общества.

Происходящие в мире со второй половины XX века процессы показывают, что индустриальное общество не вечно и может смениться качественно отличным от него пост-индустриальным. Пока наше представление о будущем пост-индустриальном обществе очень приблизительно, в мире возникли только его элементы. Теоретики концепции пост-индустриального общества перечисляют такие черты следующей за индустриализмом «формации», как преимущественно креативный (творческий) характер производящей деятельности, демассивизация и деиерархизация цивилизации, деконцентрация производства и населения, резкий рост информационного обмена, диверсификация деятельности, сближение производства и потребления, полицентричные, самоуправленческие политические системы, экологическая реконструкция экономики и др. Такое общество можно условно называть «информационным» или «креативным».

В основе гипотетических признаков «новой формации» лежит тезис о качественном различии нового этапа развития человечества и предыдущих «формаций» — традиционного и индустриального обществ. Эти различия будут также велики, как между аграрным обществом средневековья и индустриальным обществом нового времени. Соответственно, и переход к новым общественным отношениям («третья волна») является не менее масштабным явлением, чем переход от традиционного общества к индустриальному, сопровождавшийся беспрецедентными социальными потрясениями.

При переходе к пост-индустриальному обществу будут преодолены важнейшие черты прежней «формации»: специализация и стандартизация будут вытесняться многофункциональностью и креативностью, вертикальные формальные отношения управления — горизонтальными корневыми (сетевыми) неформальными связями, прямое подавление и принуждение — манипуляцией с одной стороны и самоуправлением — с другой. Пока можно говорить лишь о вызревании, прорастании структур новых отношений в недрах существующей «формации» (подобно тому, как в свое время капиталистические и индустриальные отношения вызревали в рамках феодального традиционного общества).

Современная система глобализма представляет собой скорее финал индустриальной стадии развития человечества, «питомник» ее предпосылок, нежели начало следующей фазы. Тем не менее, бурное развитие качественно новых социальных и экономических структур делает переход к пост-индустриальному обществу актуальной задачей ближайших десятилетий. Вероятнее всего, в 2020 г. мы будем наблюдать события «третьей волны», которые скажутся и на России. Сроки начала этого этапа мировой истории зависят от устойчивости системы глобализма.

*

Актуальна ли **проблема пост-индустриального перехода для России** ? Безусловно, да, если речь идет о подготовке организационных и социальных предпосылок, о формировании пост-индустриального уклада в недрах существующего общества. Эксперты указывают на инвестиционный кризис как главное препятствие

пост-индустриального перехода в России. Они совершают при этом ошибку, подобную той, которая привела к срыву Перестройки — проблема модернизации осознается как чисто технологическая и финансовая, а не организационная. Между тем пост-индустриальное общество — это прежде всего принципиально новая организация общества, которая уже в силу этого открывает благоприятные возможности для взрывного внедрения технологий.

Однако даже в условиях сохраняющихся старых общественных отношений и дефицита средств возможно приступить к очаговой модернизации на пост-индустриальной основе, если исходить из приоритета создания новой социальной структуры как основы пост-индустриального перехода. При этом сам характер перехода предполагает невозможность и ненужность тотальной мобилизации, которая была условием форсированной индустриальной модернизации. Пост-индустриальная модернизация будет носить очаговую и сетевую форму, охватывая лишь незначительную часть населения.

Сами средства, выделяемые на технологический прорыв, необходимо сконцентрировать для создания очагов этого прорыва. Для этого первоначально достаточно лишь части средств, выручаемых от экспорта энергоресурсов. Но контроль за ходом «прорыва» не должен осуществляться руководством сырьевых корпораций.

Формой модернизационного очага может стать «**наукоград**» . Идея «наукоградов» в нашей стране уже успела получить распространение и быть скомпрометированной, так как в существующем виде она игнорирует проблему новой социальной организации. В результате средства в значительной части «уходят в песок». Реальный «наукоград» — это оазис будущего с принципиально новой инфраструктурой, людьми, ориентированными на научное творчество и его качественное обеспечение. Это — модель пост-индустриального уклада, креативное сообщество, где все «от детского сада до кафе» должно обеспечивать воспроизводство и дальнейшее развитие творческой культуры, из которой и вырастают высокие технологии. Для начала следует создать один «пилотный» наукоград, и лишь затем развивать наступление в двух направлениях: формирование устойчивых связей с предприятиями, готовыми перевооружать всю технологическую цепь; создание новых наукоградов в других регионах и их корневой сети — основы **пост-индустриального социально-креативного уклада** .

*

Рассмотрим основные черты возможного развития образа жизни в передовых странах после прохождения «третьей волны». Эта картина будет характерна и для России — либо в анклавах глобального процветания, либо, в случае успешного преодоления «третьей волны» — и для большинства населения страны. В 2020 г. эти процессы, связанные с быстрым ростом роли производства новой формации, уже будут оказывать заметное влияние на развитие общества в Европе.

Технологические и социальные изменения будут тесно взаимосвязаны. Широкое распространение альтернативной энергетики может привести к перестройке всей индустриальной и жилищной инфраструктуры, способствовать улучшению экологической обстановки, снимет проблему зависимости экономики от цен на энергоносители, но в то же время осложнит положение стран-экспортеров этого сырья. Возможность обеспечить даровой электроэнергией любой поселок облегчит отток

населения из существующих городов. Большое значение будут иметь заповедные и рекреационные природные территории, как приспособленные для отдыха, так и защищенные от посещения людей в связи со своей экологической ролью. Но одновременно, по мере совершенствования строительных технологий и возникновения новых материалов, могут возникнуть гигантские здания-города, в которых будут сконцентрированы промышленные производства. Таким образом произойдет перестройка расселения: новые мегагорода будут сосуществовать с обширной малоэтажной застройкой размером с целые регионы (в том числе и на месте нынешних многоэтажных кварталов). Выбор места обитания будет в большей степени зависеть от предпочтений и доходов, чем от необходимости каждодневного посещения места работы. Возникает возможность для средних слоев жить в собственном доме за городом, вдали от задымленных городских улиц. При этом они продолжают успешно работать в своих фирмах, связываясь с партнерами и сотрудниками по телефону или сети интернет. Личное присутствие такого работника в офисе необходимо редко. Наиболее обеспеченная часть человечества возвращается из города в деревню, туда, откуда миллионы наших предков были изгнаны голодом, болезнями, неустроенностью жизни. Но это не возвращение к аграрному обществу. Средние слои общества приносят в свои «деревни», состоящие из современных коттеджей, все достижения технологий, обеспечивающие высокое качество жизни. Рост роли средних слоев в развитых обществах XXI века, прогнозируемое большинством исследователей, означает и перестройку преобладающего образа жизни.

При оценке роли **средних слоев** в жизни общества будущего необходимо учитывать различие двух критериев для выделения среднего класса — имущественного (средние доходы) и функционального (соединение креативных, трудовых и управленческих функций в одной группе). Без преодоления существующего ныне в России резкого разделения имущественного и функционального «средних классов» невозможно устойчивое развитие современного общества. Развитие пост-индустриального информационного сектора требует соответствующей социальной среды в виде доминирующего в социальной системе интеллектуализированного функционального среднего класса.

Экономической необходимостью продиктованы ослабление диктата управленца, усиление свободы творчества автономного производителя, смена принципов субординации — назначенчество и верховенство собственника будут уступать место критерию знаний и творческих навыков. Это облегчает горизонтальные контакты не только внутри производственной группы, но и вне ее, в корневой структуре гибких связей небольших автономных групп.

Промышленные корпорации будут стремиться подчинить себе автономные креативные ядра. Но опыт показывает, что производство информации требует более гибких форм управления, большей автономии производителя-творца, чем это принято в жестко управляемой индустриальной организации. Информационный продукт производят люди, которые лучше разбираются в своем деле, чем их начальник.

Таким образом, пост-индустриальные технологические и социальные тенденции создают новую производственную среду, основанную на креативности работников, информационно-технологических инвестициях и их защите путем микроэкономической автономии производителя. Информационно-производственная среда новой эпохи допускает интенсивное сотрудничество между коллегами в планетарном масштабе.

(...)

В период «третьей волны» современные общества столкнутся с системной проблемой **социальной адаптации**. Для успеха пост-индустриального проекта необходим интеллектуализированный средний «класс». В то же время в поздне-индустриальном обществе «классы» индустриального общества размываются, растут маргинальные слои, причем часть из них попадает в «яму» системной бедности, не находя применения своим специализированным навыкам после исчезновения или сокращения соответствующих социально-производственных ниш. С этой проблемой столкнулась и Россия, и с ее решением связана перспектива выхода из поздне-индустриального социального кризиса.

Социальные преобразования должны обеспечивать «втягивание» большинства населения в состав функционального среднего слоя. Это возможно путем создания эффективной системы переквалификации и социальной адаптации.

Кризис глобального рынка обнажит устаревание финансового капитала как института глобального управления. Уже сегодня финансовые потоки начинают зависеть от перетоков информации. Усиливается стремление преодолеть отрыв финансовых инструментов от ресурсной базы экономики. Выдвигается идея увязывания валют с их энергитическим и ресурсным обеспечением.

В случае кризиса глобального рынка произойдет сужение рыночной сферы. Однако рыночные отношения могут отмирать только по мере развития информационных технологий, которые позволят потребителю и производителю общаться также тесно, как в свое время общались горожанин и ремесленник, жившие на одной улице. Поэтому даже в условиях кризиса современного глобализма, экономические отношения 2020 г. будут основаны на взаимодействии локальных рынков материальных благ и глобального информационного и в меньшей степени ресурсного обмена.

*

Серьезно изменится и **политическая система** передовых стран мира. Современные информационные потоки не признают границ. Продолжится смещение власти и управления с национального на транснациональный, виртуальный и местный уровни: с одной стороны, возрастут полномочия глобальных институтов (возможно под флагом реформированной ООН) и союзов (Евросоюз и подобные наднациональные объединения в других частях света, включая Северную Евразию).

Виртуализация публичной политики и вытеснение телевидения плюралистическими интернет-коммуникациями создаст возможность для появления нескольких наиболее влиятельных виртуальных политических пространств с разными лидерами и системами организации.

В отличие от символической власти, реальный контроль над ресурсами будет переходить к двум уровням власти — наднациональному и локальному. Власть национальных партийных и государственных бюрократий будет вытесняться самоуправлением и прямой демократией участия (локальные референдумы, непосредственное участие людей в решении вопросов, которые их касаются), так как информационные технологии позволят выявлять реальное мнение различных групп населения и их удельный вес. Снижение роли национальной бюрократии создает возможности для ослабления коррупции. Но для этого необходимы децентрализация

процесса принятия решений, приближение уровня принятия решений к населению и предельное ограничение сферы свободы чиновника даже на местном уровне.

Усиление самоуправления может способствовать возрождению общинных традиций, вытесненных массовым обществом.

Возникает возможность использования интерактивных механизмов обратной связи элиты и населения, произойдет перенос центра тяжести социальной поддержки с государства на общественные структуры, что может привести к росту их значения. В то же время государство будет необходимо для поддержания общей законности и важнейших стандартов, прежде всего — экологических.

Переход к новому обществу должен сопровождаться преодолением экологического кризиса в результате «подстраивания» под природную среду. Страны, которые задержатся на стадии острого экологического кризиса, рискуют превратиться в экологическую пустыню. Помимо внедрения экологических технологий необходимо обеспечить распространение экологически безопасных формы жизни, в частности — альтернативных поселений, жизнь в которых основана на сочетании гармоничных отношений с природой и использовании современных технологий, духовной и творческой свободе и общинной взаимопомощи.

Глобальное информационное пространство станет полем конкуренции технических и социальных идей, культурных традиций, обществ, социальных групп и личностей. Уже сейчас накопление технологий сочетается с дефицитом гуманитарного знания, позволяющего организовать социальную систему в динамично меняющихся технологических условиях.

Виртуальные технологии и системы, аналогичные интернету, сделают возможным одновременное сосуществование на одной территории субкультур с разными мировоззрениями и собственными системами управления. Вероятно даже сосуществование на одной территории разных политических систем, которые вовлекают пользователей различных теле- и интернет-каналов. Некоторые мировые субкультуры могут начать играть роли, сопоставимые с ролью отдельных стран. Возникнет проблема разделения полномочий территориальной и виртуально-ориентированной власти. Рост влияния субкультур может привести к кризису национальной идентичности и семьи, так как субкультурные стереотипы могут оказаться совершенно разными даже в рамках одной семьи. По мере смены поколений и развития информационных технологий продолжится сдвиг носителей культурного наследия от литературы к телевидению и от телевидения к клиповой и игровой культуре.

Субкультуризация и виртуализация культуры определит новые условия противоборства постмодерна и просветительского рационального проекта. На место мировоззренческого хаоса, перепроизводства смыслов и версий придет разделение смысловых систем в субкультурах со своими информационными фильтрами. Позиции разных культурных традиций будут определяться влиянием соответствующих субкультур. В части субкультур произойдет ренессанс науки, связанный с потребностями новой НТР и социальный преобразований «третьей волны». Это предполагает рост авторитета академических научных институтов и связанного с ними экспертного сообщества. Одновременно, в условиях роста влияния религиозного сознания усилится синтез научной и духовно-религиозной традиций.

В глобальных информационных сетях проявят себя религиозные течения и идеологии, сторонники умеренности и экстремисты, которые уже сейчас учатся

электронному терроризму — разрушению информационных структур идейного противника.

Новые технические средства будут широко использоваться глобальными мафиозными сетями. Наряду с наркотрафиком возникнут новые угрозы и криминальное преодоление новых запретов (нелегальное клонирование, психофизические воздействия и др.). Возрастет значение преступлений в сфере коммуникаций. В то же время современные средства слежения позволят снизить уровень традиционных преступлений, одновременно ущемляя приватность существования человека. Возможно возникновение **информационно-полицейского государства**.

Все большую роль будет играть борьба за информационные коммуникации, включая внедрение информационных кодов и смыслов, хакерские атаки и защиту от них.

*

В грядущей формации, судя по имеющимся тенденциям, структура управления будет основана на распределении информационных потоков, а общество будет иметь горизонтальную, корневую, самоуправляющуюся организацию.

Но и здесь направление развития **альтернативно**. Самоуправляющиеся креативные сообщества могут встроиться в более широкую систему общественных отношений, основанных как на корневых горизонтальных, так и на манипулятивно-управленческих вертикальных связях. Плюсом нового общества может стать и гражданское общество, и глобальная информационная олигархия — владельцы и конструктора виртуальной реальности.

В современном мире наблюдается серьезный перекося в скорости вызревания предпосылок пост-индустриальной системы «сверху» и «снизу». Если основы системы манипулятивного управления в современном мире почти сложились, то «противовес» в виде корневой, горизонтальной структуры общества, далек от завершения. В случае межформационной революции с центром на Западе может возникнуть тоталитарная модель новой формации, где управление преобладает над саморегулированием (нечто подобное произошло в ряде стран в XX веке, когда неизбежный переход к индустриальному социальному государству привел к появлению тоталитарных режимов, которого можно было избежать). Отсюда важность укрепления корневых информационно-производственных и гражданских структур.

Картина будущего будет зависеть от того, какая из этих тенденций возобладает в информационной сети — **информационный манипулятивный тоталитаризм или корневые креативные информальные структуры**. Как и в XX столетии, где модель социально-государственного индустриального общества осуществлялась в различных формах (советской, фашистской, рузвельтовской, шведской), в XXI веке будут существовать разные варианты новой общественной системы. Какой вариант возобладает на Севере Евразии — зависит от результата мировой социально-политической борьбы первой четверти столетия.

Рассмотренные выше тенденции противоречивы, их динамика альтернативна, многое для России зависит от политической воли ее руководства и активности граждан, многое — от условий пост-индустриального перехода «третьей волны» в мире и пределов роста глобализации, от других внешних факторов. Тем не менее, «на перекрестье» возможных альтернатив мировой истории первого двадцатилетия XXI века можно выделить три основные модели ситуации в нашей стране.

1. Сценарий «Конец истории»

Система глобализма пережила кризис без качественных изменений, показала способность справиться с важнейшими вызовами. Россия полностью интегрировалась в систему глобализма в качестве периферии, ее элита стала органической частью мировой элиты (в основном — на подчиненных ролях). Сетевые пост-индустриальные структуры полностью подчинены глобальной информационной олигархии, контролирующей институты мирового правительства. Россия представляет собой формально объединенную государственными границами совокупность регионов, которые контролируются теми или иными «фракциями» глобальной элиты. На ее территории расположено несколько провинциальных анклавов глобального процветания, где концентрируется управленческая и информационная элита. Эти анклавы управляют зонами добычи ресурсов и производствами-цехами мировой фабрики. Население управляется с помощью виртуальных средств манипуляции сознанием и выборочных репрессий. Инфраструктура глобальной системы защищена военно-полицейскими средствами от зоны нестабильности («варварские территории»). Эти территории в значительной степени совпадают с зонами экологического бедствия. Здесь ведется борьба традиционалистских (этнократических и религиозных) и лево-радикальных сил. Они время от времени совершают террористические набеги на зоны процветания (как правило — при поддержке инсайдеров, связанных с одной из фракций глобальной элиты). Восток страны этнически связан с китайской цивилизацией, юг — с мусульманской. Существуют анклавы православного традиционализма, не имеющего существенной глобальной поддержки.

2. Сценарий «Великих потрясений».

Глобальный рынок рухнул, началась новая Великая депрессия. Произошло выравнивание экономического потенциала и уровня жизни стран Запада и среднеразвитых стран. В мире нарастает волна революций и этно-конфликтов. На Западе развернулись межформационные пост-индустриальные революции, формирующие первые, несовершенные варианты принципиально нового общества. В странах Азии происходят события, связанные с кризисом индустриального общества. Сняты ограничители «мирового сообщества» на этнический передел территорий, что ведет к волне военных конфликтов. Происходят массовые перемещения беженцев (в том числе — экологических). Территория России сократилась на востоке и юге, но в то же время часть постсоветского пространства стремится воссоединиться с Москвой. Экологическая ситуация катастрофически ухудшается.

Российская руководящая элита, не готовая к таким событиям, сметена массовыми выступлениями. На политической арене идет борьба популистских движений с различными стратегиями выхода из кризиса:

1. Авторитарно-имперское движение требует возродить государственность,

опираясь на репрессивные средства и национально-религиозные русские и исламские ценности, мобилизовать население на создание автаркичной индустриальной экономики.

2. Неосоветское движение считает необходимым воссоздать социально-ориентированное общество, опираясь на советские ценности и ресурсы бывшего СССР. В неосоветском движении борются демократическая тенденция «советского возрождения снизу» и авторитарного реставраторства.

3. Альтернативистское (социально-экологическое) движение сочетает требования экологического консервационизма и стремление к развитию альтернативных пост-индустриальных и самоуправленческих форм общества, лево-радикальные идеи и поддержку начавшейся на Западе революции.

Эти движения могут вступать в разнообразные блоки как между собой, так и с локальными движениями, включая религиозные и национал-сепаратистские.

Этот сценарий открывает возможность для мировой гегемонии традиционалистских проектов (включая исламский Халифат), использующих пост-индустриальные анклав в качестве подчиненных элементов технологического обеспечения империй, жизнь которых регулируется религиозной традицией.

Но более вероятно локализация традиционалистских режимов в территориальных рамках их цивилизаций, после чего в Америке, Европе, на большей части территории Азии продолжится движение от индустриального к пост-индустриальному обществу.

В итоге периода «великих потрясений» происходит разрушение части производственного потенциала как на Западе, так и в России, изменение границ государств и формирование социально-структурных предпосылок для пост-индустриального перехода. Но, в силу недостаточного развития экономико-технологической базы, они могут быть быстро разрушены. В этом случае возобладает сценарий «Конец истории», но с несколько большим влиянием периферии и гражданских структур в глобальной пост-индустриальной системе. Это оставляет для нашей страны возможность «догоняющего развития».

3. Сценарий «Третья волна во втором эшелоне».

В ходе проведения социально-ориентированной политики на грани первого и второго десятилетия в России сознательно создаются социально-организационные предпосылки для пост-индустриального перехода (социально-креативный пост-индустриальный уклад и сопутствующая субкультура, полномочное самоуправление, защита и поддержка гражданского общества и корневых информационных структур, укрепление основных социальных и экологических стандартов, просветительский проект в СМИ). С опорой на них власть решает и ряд задач революционного характера (создание механизмов перераспределения доходов между работниками и собственниками, укрепление социального государства, освобождение государства от контроля со стороны капитала, создание демократической системы обратной связи населения и элиты). В интересах этих преобразований возможно использование политики «неосоветского возрождения снизу». Социально-политические потрясения, связанные с проведением этих преобразований, преодолены до начала кризиса глобального рынка (в противном случае наступает ситуация сценария «Великих потрясений»).

Проведение этих мероприятий может лечь в основу оптимального развития России до 2020 г., при которой она сможет подготовиться к преодолению «третьей

волны» во втором эшелоне. Такая очередность является благоприятной, так как первые модели нового общества как правило являются крайне несовершенными. Использование опыта преодоления «третьей волны» стран «первого эшелона» позволит облегчить этот переход в нашей стране.

Опираясь на социально-креативную субкультуру и свой культурный потенциал, наша страна может принять участие в событиях «третьей волны» в других странах еще до того, как сама приступит к пост-индустриальному переходу. Это позволит укрепить позиции креативного сектора и улучшить внешние условия преобразований.

Вовлечение жителей России в глобальные сети и сообщества позволяет им активно участвовать в событиях в центре глобальной цивилизации, не выезжая из России. Таким образом можно не только приобретать опыт, но, при условии наличия собственной альтернативной идеологической модели, оказывать влияние на исход противоборства в пользу «периферии» и в ущерб глобальной олигархии, способствуя демократическому изменению соотношения сил в глобальной пост-индустриальной системе XXI века.

Шубин А. В

Социализм XXI века // Социализм: «золотой век» теории. М., 2007

Человечество встречает XXI век в условиях господства либеральной идеологии, которая лежит в основе правил «мирового порядка» и «политкорректных» взглядов правящих элит ведущих государств мира. Это позволяет апологетам либерализма даже надеяться на «конец истории» — некий символ вечности и безальтернативности существующего порядка. Но победив, либерализм не создал обещанного им общества равных прав, демократии и свободы. Мир по-прежнему основан на несвободе, господстве меньшинства, экономической нестабильности. Более того, мир неудержимо меняется под действием постиндустриальных тенденций. Новый век требует идейной альтернативы либерализму, капитализму, глобальной «политкорректности». Без конструктивной альтернативы существующему обществу сбой глобального миропорядка может привести к откату общества во времена этнократии, ожесточенной борьбы национал-государственных машин за ресурсы, к трайбализму и контрмодерну. Развитие человечества не может быть устойчивым, если оно опирается на узкий спектр идей между либеральным глобализмом и этнократическим национализмом. Для того, чтобы общество могло сделать следующий шаг в будущее (а не назад в древность), ему необходима модель пост-капиталистического общества, и здесь никак не обойтись без наследия социалистической мысли.

Индустриальные формы господства подрываются современными культурно-технологическими тенденциями. Индустриальное общество прошло пик своего развития. Предсказанный Михайловским процесс диверсификации, снижения специализации, развития многофункциональности человека проявляется все заметнее.

Идеологическая доктрина правящей в странах Запада элиты утверждает, что произошел качественный сдвиг от индустриального к постиндустриальному обществу. Не происходит, а произошел. Подмена возможности совершившимся фактом нужна именно для того, чтобы обосновать ненужность социальных перемен, достаточность только технологических и культурных сдвигов. Либеральные марксисты вносят свой посильный вклад в доказательство этого тезиса. Но сами доказательства противоречат очевидным фактам: информационные технологии и культурное творчество пока

развиваются под контролем старой управленческой элиты — государственных и предпринимательских структур. К тому же чтобы преувеличить роль постиндустриального сектора, к нему относят службу сервиса, которая в реальности организована преимущественно либо на индустриальных (фаст-фуд, например), либо на доиндустриальных ремесленных принципах.

Рост объемов информационного обмена, количества людей, занятых в работе с информацией — недостаточно, чтобы говорить уже о принципиально новом обществе. Ведь рост числа бюрократов, перебирающих бумаги — не признак роста «информационного сектора». Распространение информационных технологий само по себе не излечивает многочисленных социальных нарывов на теле цивилизации, не означает качественную перемену в развитии общества.

Технологический прогресс тоже не обеспечивает фатального безальтернативного прогресса. Вся история индустриального общества — это постепенное вытеснение ручного труда машинным. Полное вытеснение ручного труда не осуществилось ни в одном, даже самом развитом индустриальном обществе. Полная автоматизация промышленности — некий предел, и если он будет достигнут, то можно будет говорить о качественно отличном от индустриализма пост-индустриальном обществе, в котором сам работник уже не является узким специалистом, придатком к машине. В автоматической системе такой придаток уже не нужен, и человек либо ставит креативные задачи перед машиной, либо вообще исключается из сверхиндустриальной системы производства и превращается в пассивного и безвластного потребителя продукта.

Постиндустриальные отношения лишь тогда могут считаться таковыми, когда они качественно отличаются от индустриальных и доиндустриальных. Если новое общество — не вариант индустриального, то будут преодолены важнейшие черты прежней формации: специализация будет вытесняться многофункциональностью, воспроизводство по шаблонам — креативностью, вертикальные формальные отношения управления — сетевыми горизонтальными неформальными связями, прямое подавление и принуждение — манипуляцией с одной стороны и самоуправлением — с другой. Важная и наиболее заметная черта новых отношений — преобладание моделирования реальности над производством типовой продукции. Поэтому содержательно грядущую формацию можно характеризовать как моделирующую. Но в ней, как и в индустриальной формации, будут развиваться различные тенденции — и господство, и свободное социальное творчество, и угнетение, и солидарность. Одна тенденция — манипулятивный авторитаризм (элитаризм), другая — креативный социализм.

Эволюция технологии — необходимое, но недостаточное условие для перехода к принципиально новому обществу. Технический детерминизм недостаточен для объяснения нынешних социальных перемен. Если бы компьютер изобрели в начале XX века, он был бы использован не для создания коммуникационных сетей, а для гигантских плановых центров государства. Развитие технологии в свою очередь обусловлено более широким полем культуры, запросом на креативность. Этим запросом продиктованы ослабление диктата управленца, усиление свободы творчества автономного производителя, смена принципов субординации — назначенчество и верховенство собственника будут уступать место критерию знаний и творческих навыков. Это облегчает горизонтальные контакты не только внутри производственной группы, но и вне ее, в корневых гибких связях небольших автономных групп.

Промышленные корпорации стремятся (и не безуспешно) подчинить себе автономные креативные ядра. Но опыт показывает, что производство новой информации требует более гибких форм управления, большей автономии производителя-творца, чем это принято в жестко управляемой индустриальной организации. Информационный продукт производят люди, которые лучше разбираются в своем деле, чем их начальник. Отсюда — необходимость в манипуляции сознанием, когда управляемый не замечает своей зависимости. Работники моделирующего сектора могут развиваться свободно от управленческого диктата, но это — только потенция. Ведь для этого креативный слой должен быть свободен и от самого элитаризма, даже от собственных привилегий, дабы иметь открытый характер, свободно пополняться, «втягивать» в свой состав творческие элементы других слоев, тем формируя многообразный социум самостоятельных самоуправляемых социальных организмов, состоящих из работников-владельцев.

Разнонаправленные процессы — укрепление структур глобального информационно-экономического управления (а значит — и глобальной информационно-финансовой элиты) и складывание системы горизонтальных информационно-неформальных (информальных) и гражданско-договорных, основанных на согласовании, связей — ведут к возникновению противостоящих секторов моделирующей формации (что не исключает формирования также смешанных и синтетических секторов). Возможно, именно социализм станет одним из полюсов общества, преобладающего в истории XXI века.

Социалистический сектор первоначально будет существовать параллельно с другими. Он нуждается в надежной защите от разрушения, от агрессии более примитивных социальных форм — капитализма, государства, мафиозных кланов и др. Поэтому социализм заинтересован в развитии и укреплении различных форм народовластия (самоуправления и федерализма) и правового, организованного общества, а также в защите социальных, экологических, гражданских стандартов и внешнеполитической безопасности.

Таким образом, социализм XXI века — это не устройство государства, а сектор общества. Его формула: творческий характер деятельности работников-совладельцев средств производства + самоуправление + федеративная демократия + договорное право и неукоснительное выполнение взятых на себя обязательств + равноправные, информальные и гражданские связи.

Картина будущего будет зависеть от того, какая из двух основных тенденций возобладает — информационный манипулятивный тоталитаризм или социалистические креативные информальные структуры. Как и в XX столетии, где модель индустриально-этократического общества осуществилась в различных формах (советской, фашистской, американской), в XXI веке будут существовать разные варианты новой общественной системы.

В современном мире наблюдается серьезный перекосяк в скорости вызревания предпосылок новой формации «сверху» и «снизу». Если система нового управления в современном мире почти достроена, то «противовес» в виде новой структуры общества, далек от завершения. В случае межформационной революции с центром на Западе может возникнуть тоталитарная модель новой формации, где управление преобладает над саморегулированием (нечто подобное произошло в ряде стран в XX веке, когда неизбежный переход к индустриальному социальному государству привел к появлению тоталитарных режимов).

Ситуацию усложняет и то обстоятельство, что прорыв к социализму первоначально практически невозможно совершить всему обществу в силу его неравномерности, привязанности большинства населения к мещанскому, по сути животному миру. Переходное общество должно обеспечить возможность движения к будущему, к социализму для тех, кто желает, оставив на долю остающихся уровень «зажиточности» (выражаясь языком современных китайских коммунистов) и роль тыловой базы социалистического сектора. Как в XX веке социальная система СССР при всех ее недостатках стала базовой площадкой для научно-технических и культурных достижений Советского Союза. Социализм возникнет сначала как сектор, а не система государства.

Виртуальная культура допускает возможность одновременного сосуществования на одной территории субкультур с разными мировоззрениями и собственными системами управления. Вероятно даже сосуществование на одной территории разных государственно-политических систем, которые вовлекают пользователей различных теле- и интернет-каналов. Некоторые мировые субкультуры могут начать играть роли, сопоставимые с ролью отдельных государств. Социалистический сектор может быть одним из них, преобладая в нескольких странах, но влияя на жизнь гораздо более широкого ареала. Без этого ареала и глобальных связей территориальные очаги социализма вряд ли смогут сохраниться. Социализм может также распасться на несколько самостоятельных конкурирующих субкультур. Найдут ли они возможность для согласования своей деятельности, сближения идей и стратегий?

От этого зависит, насколько успешным будет продолжение истории социализма в XXI веке, насколько гуманным, демократичным, свободным, солидарным и творческим будет будущее человечества, наше будущее.